ЛИНА ЗЕЛЕНСКАЯ

ВО ИМЯ ЛЮБВИ
(Голубой орел)

РОМАН

NEW YORK, 1957

ЛИНА ЗЕЛЕНСКАЯ

ВО ИМЯ ЛЮБВИ
(Голубой орел)

РОМАН

New York, 1957

Все права сохранены за автором.
Copyright, 1957, by author

Printed in USA by Waldon Press Inc., 203 Wooster St. New York, N.Y.

Мое сердце и мой разум влечет меня к тебе. Разве все, что меня привлекает, не явлляется тайной, видимой или невидимой?.. Наполни ею свое сердце! И если это чувство делает тебя счастливой — дай ему имя какое хочешь — счастье, сердце, любовь, Бог. Что касается меня, я не имею для этого никакого названия. Чувство — это все, имя лишь только звук и дым...

«Фауст» Гете.

Лина Зеленская.

I.

Неля стояла на перроне с нетерпением ожидая появления курьерского поезда из Сплита. Прикрыв ладонью глаза чтобы защитить их от ярких ослепляющих лучей июньского солнца, она всматривалась в даль, хотя по расписанию до прихода поезда оставалось еще 10 минут. Ее сердце так сильно билось от нетерпения, что она невольно прижимала руки к груди, так как ей казалось, что оно сейчас вылетит оттуда, как рвущаяся на волю птица. Окружающие с легкой улыбкой посматривали на эту белокурую девушку в спортивном голубом платьи и маленькой белой шляпе и все были уверены в том, что она ждет своего жениха. Но это было не совсем так, хотя Неля, действительно, ждала молодого человека. Поезд, очевидно, опаздывал. Теперь сердце ее уже не билось как прежде; оно замирало. Ее нежные щеки покрывал лихорадочный румянец. Но вот, наконец, вдали показался поезд, напоминая собой гигантского огнедышащего дракона. Он опоздал всего на 5 минут, но эти минуты показались Неле бесконечными. Еще издадали она увидела Миодрага. Он стоял у открытого окна и махал ей фуражкой. Он тоже узнал ее. Она бегом бросилась к вагону, из которого он выпрыгнул, прежде чем поезд успел остановиться. Молодая девушка протянула ему обе руки, которые он крепко пожал. От волнения Неля не могла произнести ни слова. Молодой человек окинул ее ласковым взором своих больших серых глаз.

— Здравствуйте, милая Неличка! Ну, как же вы? Выглядите прекрасно! Благодарю вас, что вы меня встретили! Носильщик уже вытащил мои чемоданы и сейчас мы пойдем и возьмем такси.

— Это не нужно, — возразила Неля, которая пока он говорил, успела побороть свое волнение. — Автомобиль ждет нас у вокзала.

— Да? Какая же вы милая! Позаботились даже об этом! Мне, право, неловко, что я доставил вам столько хлопот!

— Какие же хлопоты? Ведь это наш автомобиль.

— Ах, так? — удивился он. — Вы, может быть, сами и управляете? Ну, что же я охотно доверяю вам свою жизнь!

— О, нет, нас повезет мамин шофер; управлять я еще пока не научилась, но вскоре собираюсь этим заняться.

— Но куда же мы поедем? Мне кажется, что прежде всего мне следовало бы заехать куда нибудь в гостиницу, например в «Отель Прага», здесь рядом с вокзалом, чтобы устроиться там хотя бы на первое время, пока подыщу себе квартиру.

— Нет, нет, Миодраг, прошу вас не выдумывайте пустяков! Я никогда не допущу, чтобы вы останавливались в гостинице, когда для вас уже приготовлена комната! Пожалуйста, ничего не возражайте! Мы поедем сейчас прямо к нам! — И молодая девушка, взявши за руку летчика, увлекла его на вокзальную площадь, где их ждал небольшой элегантный автомобиль.

— Но что скажет ваша мама, когда вы привезете к ней незванного гостя? — говорил молодой офицер, в то время как изящная машина везла их по шумным белградским улицам.

— Мама знает, что мы с вами друзья, а, следовательно, вы автоматически становитесь и ее другом! У нас все общее, — смеялась молодая девушка.

— Как вы похорошели, Неля, за этот год, что я вас не видел, как выросли, — говорил он, ласково гладя ее руку.

— Выросла? — слегка обиженно повторила она. — Но ведь я давно не ребенок! Мне уже исполнилось 18 лет.

Он рассмеялся. — Да, это, конечно, солидный возраст! Но куда же вы везете меня, моя волшебница? Мы

уже давно выехали из города и находимся сейчас на Дединье?*)

— Совершенно верно, — подтвердила она, — хотя вы и далматинец, но сразу видно, что хорошо изучили Белград.

— Да, я приезжал сюда несколько раз в отпуск.

— Ну, а теперь как? Надеюсь, что вы перевелись сюда окончательно?

— Да, пока я назначен в Белград и, вероятно, надолго.

— Прекрасно! Вот то-то зимой мы будем ходить с вами в оперу и балет! А кино? А катанье с гор в Кошутняке? А лыжный спорт? Ведь вы же любите все это так же, как и я! Но вот мы и приехали!

Автомобиль остановился перед прекрасной, изящной архитектуры виллой в итальянском стиле эпохи Ренессанса. Она была украшена колоннами из бледно-розового мрамора и ведущая к ней очень широкая лестница была сделана из такого же мрамора. Виллу окружал большой парк с палисадником, в котором были разбиты цветники.

Неля легко соскочила на землю и позвонила у калитки, увитой мелкими розами.

— Так вот вы где живете! — воскликнул молодой человек — впрочем, такое жилище и полагается иметь маленькой сказочной фее.

— Да, это наша вилла, — сказала Неля спокойно.

— Ваша вилла? Неужели?!

Она рассмеялась. — Что-же тут странного?

Между тем пожилой лакей уже отпер ворота и когда автомобиль въехал, с помощью шофера понес вещи молодого летчика на второй этаж, где ему была приготовлена комната. Неля проводила его до дверей и весело сказала: —А теперь располагайтесь, отдыхайте с дороги; вот это дверь в ванную, умывайтесь и прихорашивайтесь, хотя вам это и не нужно. Если вам что нибудь понадобится, например, разгладить ваши костюмы, то вы позвоните и все будет сделано. Довольно вам на все это час времени? Нет, вероятно это мало. Ну, пусть будет два часа, а тогда я постучу к вам в дверь

*) Дачная местность под Белградом.

и поведу вас к маме! Пока досвиданья! — И она легко сбежала с лестницы.

Оставшись один, молодой офицер прежде всего осмотрелся. Все происходящее с ним казалось ему чем-то нереальным. Случайное курортное знакомство с девушкой-подростком развилось во что-то серьезное, что совершенно неожиданно заняло так много места в его жизни.

Но за все время их знакомства, правда, довольно кратковременного, Неля ни словом не обмолвилась о том, что они богаты. Она всегда была очень изящно, но скромно одета, а в письмах редко писала ему о себе и своей жизни. Но зато много рассказывала о своей матери, которую, видимо, обожала. Мать ее была артистка, довольно, кажется, известная, которая часто разъезжала, оставляя дочь на попечение пожилой родственницы. Больше Миодраг ничего не знал.

Не теряя времени он принялся раскладывать вещи, развешивать в шкап костюмы. Все его состояние заключалось в трех небольших чемоданах. Жил он всегда в меблированных комнатах или казенных квартирах.

Комната, в которой он сейчас находился, была обставлена солидно и со вкусом. Она, очевидно, предназначалась для гостей. Широкая кровать из полированного ореха находилась как бы в нише, которая закрывалась темной бархатной занавесью. Венецианские окна выходили прямо в сад, где как раз начинали цвести розовые кусты. Слева стоял зеркальный шкап, и полка для книг, а справа письменный стол, кресло и два стула. Пол покрывал пушистый ковер, на стенах висели две картины модного художника.

Покончив с разборкой вещей, молодой человек отправился принимать ванну, что было особенно приятно после бессонной ночи, проведенной в пути.

Между тем Неля побежала было к матери, но горничная сказала ей, что во время ее отсутствия за мадам Лидией заехала ее приятельница и увезла ее к себе. Тогда молодая девушка пошла в свою комнату и стала одеваться. В этот день — день приезда Миодрага, которого она так нетерпеливо ожидала в течение двух месяцев, как только он написал ей, что переводится в

Белград — она хотела быть особенно хорошенькой и привлекательной.

Правда, она всегда была очаровательна со своей стройной хрупкой фигуркой, золотистыми кудрями, нежным цветом лица и лучистыми синими, как васильки глазами. Она напоминала фарфоровую статуэтку или нежную лазоревую бабочку, порхающую по цветам.

Неля надела платье из бледно-розового органдина с белыми цветами. Оно было с широкой юбкой и пышными рукавами и представляло полный контраст тому спортивному полотняному платью, в котором молодая девушка ездила на вокзал встречать Миодрага Аранджеловича.

Через полчаса она была совершенно готова и не знала, как убить время. Читать она сейчас была не в состоянии, тети Веры не было дома — сегодня был четверг, день который она проводила в семье своих друзей, знавших хорошо еще ее брата, — Нелиного отца. Молодая девушка вышла в сад. Было начало июня и розы только что начинали распускаться. Неля принялась срезать их. Она хотела сделать красивый букет и поставить его в комнату Миодрага. Она вся была исполнена радостным волнением. Ей хотелось смеяться, петь, танцевать. И свернув на боковую дорожку, она стала выделывать самые замысловатые па «Коло»*), как она видела однажды, как танцевали его в праздничный день в деревне.

Она все еще не смела поверить своему счастью, осуществлению самого заветного своего желания. Возможно ли, что Миодраг был тут, в одном доме с нею, он, ее сказочный принц, ее волшебная мечта? Она опустилась на скамейку в тени начинающих распускаться благоуханных лип и вся ушла в воспоминания недавнего прошлого.

Она познакомилась с Миодрагом год назад на небольшом курорте Северной Далмации вблизи Сушака, куда она ездила с гимназией на летние каникулы. Мать ее была на концертном турнэ и потому Неля очень обра-

*) Сербский народный танец.

довалась случаю провести эти свои последние каникулы вместе с подругами по гимназии.

Молодые девушки под надзором своего персонала целыми днями мокли в море или пеклись на солнце. За 10 дней они так почернели, что походили скорее на мулаток. Они хохотали, бегали как маленькие девочки, искали хорошенькие ракушки и камешки на морском берегу, испуганно кричали, увидев осьминога и нередко ранили себе ноги, неосторожно наступив на морского ежа.

И вот как-то утром Неля незаметно для себя самой отделилась от своих подруг и одна заплыла в открытое море. Молодая девушка плавала отлично, она с детства увлекалась этим видом спорта и каждое лето тренировалась на пляжах Савы и Дуная. Но море было в этот день неспокойное, с каждой минутой волны подымались все выше и выше. Увлеченная борьбой с ними, которая вначале ей очень нравилась, неосторожная девушка не заметила, что она давно уже переплыла за черту, где была протянута сетка, предохраняющая от акул. Эти чудовища нередко появлялись у берегов Далмации, особенно в августе, когда они преследуют стаи крупной рыбы тунины, идущей в это время метать икру. Поэтому выплывать тогда в открытое море решались лишь самые смелые пловцы. И сейчас Неля заметила впереди себя еще чью-то голову, что и придало ей храбрости, когда оглянувшись, она увидела, что берег остался далеко позади. Она решила, что уже пора возвращаться, так как небо покрылось тучами и видимо приближалась гроза, но решить это было легче, чем привести в исполнение. Неля была слишком слаба, чтобы бороться с волнами, которые как грозные великаны поднимались ей навстречу. Она была на воде уже больше часа и порядочно устала, а кроме того ей была очень неприятна мысль о строгом выговоре, который она, вернувшись на берег, получит от классной наставницы.

Бледная и изможденная, молодая девушка задыхалась и выбивалась из последних сил, а берег оставался попрежнему далеко. Неожиданно в стороне от нее что-то блеснуло серебряной полосой. Был ли это отблеск молнии или что-то другое — Неля не знала, но у нее сразу мелькнула мысль, что это белое брюхо акулы, которая

перевернулась на спину, как это она обыкновенно делает, готовясь напасть на добычу. В эту минуту раздался ужасающий громовой раскат и остаток мужества покинул молодую девушку.

Отчаянный крик вырвался из ее груди, наскочившая волна закрыла ее с головой, потом вышвырнула опять на поверхность. Ее рот был полон соленой воды, которая выедала ей глаза и царапала горло. Чувствуя, что начинает тонуть, она снова громко крикнула.

Что было потом, Неля помнит с трудом; в течение нескольких секунд она была жалкой игрушкой волн, которые швыряли ее, как щепку. Потом чьи-то сильные руки подхватили ее, наполовину задохнувшуюся, и вынесли на поверхность. У самого ее уха чей-то незнакомый, немного взволнованный голос произнес: — «Не бойтесь ничего, держитесь за меня крепче, до берега уже недалеко». Однако плыли они еще довольно долго, вернее, плыл незнакомец, держа ее одной рукой, как безжизненное тело.

При такой-то драматической обстановке состоялось знакомство Нели с молодым летчиком и она никогда не могла забыть, что он спас ей жизнь, рискуя своею.

После этого случая она дня три прохворала. Каждый день он справлялся об ее здоровьи и присылал ей пирожные и засахаренные фрукты, которые она так любила. А потом начались их совместные прогулки. Подруги подтрунивали над Нелей, говоря, что она влюблена в Миодрага, а его называли ее женихом; но каждая из них в душе завидовала молодой девушке и гототва была бы тоже тонуть, чтобы только ее спас такой красавец.

Дружба с Нелей была большой радостью для Миодрага. Несмотря на свою блестящую внешность, он не был избалован жизнью. В ранней юности, еще почти мальчиком, он остался сиротой и попал в дом дяди, довольно состоятельного, но черствого и мрачного человека. Миодраг с детства мечтал о карьере летчика. Поборов робость, которую он всегда невольно испытывал в присутствии дяди, юноша высказал ему свое заветное желание. Тот сразу согласился. Легко себе представить радость Миодрага. Он мечтал о том, как сделавшись офицером, он станет самостоятельным человеком. В доме дяди юно-

ша почему-то всегда чувствовал себя каким-то приживальщиком. Но он умер до производства племянника, не оставив ему абсолютно ничего. Правда, у него было два собственных сына, картежника и кутилы, но с ними Миодраг никогда не был дружен, а после смерти дяди и вовсе перестал с ними встречаться.

Он получил назначение в Далмацию, чему был очень рад, так как и сам был со стороны матери далматинец. Офицерское жалованье было невелико, но при его скромном образе жизни, вполне обеспечивало ему безбедное существование. Он часто ездил в Сплит, поднимался на гору «Марьян» и любовался прекрасным старинным городом лежащим у его ног. Здесь он мечтал о девушке, которую он мог бы встретить и полюбить, и она представлялась ему хрупкой и стройной, белокурой и улыбающейся. Но это были лишь мечты. Он был одинок, избегал женщин и даже как будто боялся их. Товарищи подтрунивали над ним, он отшучивался, но его попрежнему никто не видел в женском обществе.

Красавицы-далматинки, приезжающие летом на морской курорт столичные жительницы и иностранки-туристки бросали на него пылкие взгляды и посылали чарующие улыбки, которые оставались без ответа. Все удивлялись такому поведению молодого летчика, тем более, что он был очень хорош собой. Высокий, стройный и широкоплечий как почти все далматинцы, с бронзовым цветом лица, с черными как смоль вьющимися волосами, зачесанными назад и открывающими высокий покатый лоб, и выразительными серыми глазами оттененными длинными ресницами, он был, казалось, создан, чтобы привлекать и очаровывать женские сердца. Но Миодраг не признавал мимолетных увлечений, он ждал серьезного, глубокого чувства, которое прийдет, чтобы захватить его целиком.

Ему было двадцать пять лет, когда он познакомился с Нелей. Ему нравилась в ней ее свежесть, непосредственность, оригинальность ее суждений. Он часами сидел подле нее на горячем песке, делясь с нею своими мыслями, планами на будущее. Она была очаровательна, но это не было увлечение с его стороны. Почти ребенок, она привлекала его своим отзывчивым, добрым сердцем, сво-

ей душевной чистотой. Но он видел в ней скорее свою младшую сестру, чем девушку, которую мог бы полюбить.

Что касается Нели, то с ее стороны чувства были совсем иные. Она любила, любила впервые, со всей силой и преданностью, на которую было способно ее юное, неиспорченное сердце. Среди ее сверстниц-гимназисток считалось «модным» увлекаться «голубыми орлами» т.е. летчиками, которых называли так оттого, что они носили форму голубого цвета и подобно царям птиц-орлам бесстрашно поднимались в поднебесье. Но Нелю пленяла не форма, которую он носил, а сам он; его наружность так же, как и его душа.

Когда она уехала, они начали переписываться. Эта переписка продолжалась целый год. Мать Нели, узнав о случае с ее дочерью, который без вмешательства Миодрага мог бы окончиться трагически, тоже написала ему любезное письмо с благодарностью и приглашением приехать к ним в отпуск погостить.

Теперь молодой летчик был переведен в Белград и сразу же точно в сказке попал в прелестную виллу Нестеровских.

Между тем Неля решила, что прошло уже достаточно времени для того, чтобы Миодраг успел переодеться с дороги. Она быстро встала со скамейки и поспешила в дом. С бьющимся сердцем взбежала она по лестнице и постучала в комнату своего гостя. Миодраг сам открыл ей дверь. На его лице нельзя было заметить и тени усталости после продолжительного пути. Он был изящно одет, свеже выбрит и тщательно причесан. На губах его играла веселая улыбка. Он шутя глубоко поклонился ей и пригласил зайти свою «добрую фею». Неля держала в руках букет только что срезанных ею роз, в волосах у нее тоже была приколота роза. В этот момент она была так прелестна и так сама походила на полураспустившийся бутон, что молодой человек не мог удержаться от комплимента, от которого она расцвела еще больше.

Впервые мысль о том, что эта девушка могла бы быть для него идеальной женой, промелькиула в мозгу летчика. Он сердечно благодарил ее за цветы, которые она поставила в вазу на стол.

— Чем же мне отблагодарить мою маленькую волшебницу за ее заботы и внимание — говорил молодой человек, сжимая нежную трепещую ручку. — Я могу предложить в дар только свое преданное сердце и вот разве это единственное, что у меня осталось, — он быстро выдвинул ящик, достал из него маленькую шкатулку и подал Неле.

— Возьмите, Неличка, это завещала мне моя покойная мать. Когда она умерла, мне было шестнадцать лет и она сказала, чтобы я подарил этот браслет своей будущей жене, но так как неизвестно еще будет ли когда нибудь она у меня, бедного горемыки, у которого нет ни кола ни двора, а вы единственное близкое мне существо во всем этом большом и негостеприимном мире, то я прошу вас, принять от меня эту вещицу в воспоминание о нашей дружбе.

Нели ужасно смутилась; дрожащей рукой она открыла изящную шкатулку, в которой оказался очень старинный золотой скомбинированный с платиной браслет, усыпанный мелким жемчугом, алмазами и бирюзой.

— Ах, какая прелесть! — вырвалось у нее невольно, — нет, нет, мой друг, я не могу принять от вас такой подарок! Это очень ценная вещь, а вам ведь далеко до Креза!

— Дорогая моя Неля, вы же понимаете, что я все равно никогда не продал бы единственную вещь, оставшуюся мне от матери. Закладывать я ее тоже не стану. А потому отбросьте эту излишнюю щепетильность и дайте мне вашу ручку! — И с этими словами молодой человек сам одел на руку Нели изящный браслет.

Очень обрадованная и тронутая подарком и той задушевной простотой, с какой он был сделан, Неля с трудом удерживалась от желанья обнять и поцеловать молодого офицера. Но девичья скромность взяла верх и она ограничилась тем, что крепко пожала ему руку.

— Однако баснями соловья не кормят! — сказала Неля. — Представляю себе, как вы должны быть голодны! Скорее пойдемте к маме — я думаю, что она уже вернулась — а потом сразу же обедать!

Спустившись по лестнице на половину матери, Нели постучала в двери гостиной и открыла ее. Эта комната

была роскошно убрана. Стены ее были обиты золотистой парчей с вытканными на ней бледно-розовыми цветами. Весь пол покрывал огромный тоже розовый с причудливыми узорами ковер. В центре находился камин из розового мрамора, мягкая мебель, рояль и повсюду букеты благоухающих роз. Венецианские зеркала и картины итальянских мастеров дополняли обстановку.

Все в этом доме было прекрасно и полно изящества. Но прекраснее всего была, конечно, его хозяйка — эта молодая женщина, которая полулежала в кресле-качалке, с книгой в руках. На ней было легкое белое платье на подобие греческой туники. Ярко-рыжие, почти огненные волосы все в локонах спускались ей на плечи, черные сросшиеся над переносицей брови выделялись особенно ярко на молочно-белом лице. Она улыбнулась — и ослепленному Миодрагу показалось, что он увидел два ряда крупного жемчуга; подняла глаза — и на него глянули два таких же изумруда, как и те, что блестели у нее в ушах. Такой, вероятно, Далила впервые явилась Самсону, чтобы навеки смутить его душевный покой. Но, главное, что это лицо, такое соблазнительное и вместе с тем божественно-прекрасное, казалось ему знакомым, до такой степени знакомым, что он даже невольно вскрикнул, увидев его. И она тоже заметно вздрогнула, но сейчас же овладела собой и снова любезно улыбнулась. Все это продолжалось одно мгновение. Неля подбежала к очаровательной незнакомке и нежно обняв ее, весело сказала:

— Дорогая мамочка, вот познакомься с моим большим другом, о котором я тебе столько рассказывала.

— Я очень рада, мосье Аранджелович, видеть вас у себя. Я никогда не забуду, чем я вам обязана.

Пораженный Миодраг не был в состоянии вымолвить ни слова. Он только поклонился и почтительно поцеловал протянутую ему руку. Мысль, что эта удивительная красавица была матерью Нели, никак не укладывалась в его голове. Ему казалось, что он действительно, попал в «Дом чудес», в какое-то волшебное царство.

— Что, не ожидали, что у меня такая мама? — подтрунивала между тем Неля, с победоносной улыбкой поглядывая на ошеломленного летчика. — Я нарочно вам ничего раньше не говорила, чтобы потом полюбо-

ваться вашим забавным видом! — и она звонко расхохоталась.

— Перестань, Нели! — произнесла с упреком мадам Нестеровская, и обращаясь к покрасневшему Миодрагу, добавила: — Мосье Аранджелович, не обращайте вниманья на ее выходки! Она совсем еще ребенок, а только хочет изобразить из себя взрослую барышню!

— И вовсе я не ребёнок! — воскликнула Неля обиженным тоном. — Не забывайте, что мне уже восемнадцать лет!

— Да, конечно, это уже возраст, когда можно было бы вести себя более солидно, — улыбнулась ее мать — Но что же вы стоите, мосье Аранжелович? Садитесь вот сюда и расскажите о своих делах и о себе.

— Его нужно сначала накормить, а потом уже расспрашивать, — снова вмешалась Неля, — я пойду сейчас узнаю готов ли обед! — И она исчезла, прежде чем мадам Нестеровская успела ей ответить.

С минуту продолжалось молчанье. Молодой человек чувствовал некоторую неловкость. Он опустился в кресло у изящного столика, не решаясь поднять взор на очаровательную женщину.

— Что же, довольны вы, мосье Аранджелович, что перевелись в Белград? — спросила она с улыбкой.

— Я одинаково люблю и Белград и мою прекрасную родину — Далмацию.

— Да, Далмация прекрасна, я объездила ее всю. Особенно мне нравится остров Раб с его почти тропической флорой.

— Да, но и Эрцег-Нови не уступает ему в красоте с его огромным, спускающимся терассами к морю парком, в котором зреют смоквы, апельсины и померанцы.

— Вы правы, трудно даже сказать, какое место красивее — но я лично все таки предпочитаю Сплит и люблю его даже больше Дубровника, который считается «жемчужиной Далмации».

Неля вихрем влетела в комнату.

— Итак, друзья мои, обед готов и мы можем отправляться в столовую! Ну, Миодраг, предлагайте руку ма-

мочке, как это принято у английских лордов! — воскликнула она со смехом.

Когда после обеда они сидели за кофе с ликерами и атмосфера стала более интимной, Неля произнесла с плутовской улыбкой: — А теперь скажите, Миодраг, почему вы даже вскрикнули, когда увидели мамочку? Вы как будто хотели что-то сказать, но удержались?

— Да, вы правы, Неля, — сказал он, как бы колеблясь, — я действительно, не мог удержаться от возгласа удивленья, так как мадам удивительно похожа на одну артистку, изображениями которой я недавно любовался в одном иностранном иллюстрированном журнале.

— Ого, мы, кажется узнаем сейчас ваши тайны! Уж не носите ли вы на сердце портрет этой очаровательной дивы? — расхохоталась Неля. — А как ее фамилия, если это только не секрет?

— Ее зовут — Лида Нэри.

— Позволь тебя поздравить, мамочка, с новым поклонником!

— Я не понимаю вас, Неля!

— Что же тут непонятного? Вы восхищались Лидой Нэри — она перед вами!

— Как? Это вы, мадам? Да, конечно, мне следовало бы сразу догадаться... Но я был так далек от мысли, что знаменитая оперная певица и звезда экрана может оказаться мамой моего маленького друга!

Мать и дочь весело рассмеялись над смущением молодого человека. Разговор перешел на театр, артистов, французские и американские фильмы. Но Миодрагу казалось, что он попал в какой-то заколдованный круг. Первый день его пребыванья в вилле «Безоблачное счастье» был полон самых разнообразных впечатлений, в которых ему было трудно разобраться. И когда, уже поздно вечером, он вошел в свою уютную комнату, наполненную нежным благоуханьем принесенных Нелей роз, и лег в постель, то долго еще ворочался с боку на бок и не мог заснуть. Он слышал откуда то издалека, как на старинных часах пробило два и только тогда усталость взяла свое и он погрузился в дремоту. Но и во сне он видел нежное, покрытое, точно персик, легким пушком

лицо в ореоле огненных кудрей и зеленые, как изумруды глаза, которые смотрели на него так таинственно, так загадочно...

II.

В маленькой гостиной, прилегающей к салону, от которого ее отделяла только тяжелая бархатная портьера вишневого цвета, и в которой Лидия Александровна принимала близких своих друзей, она сидела на кушетке, облокотившись на шелковые подушки. Вся мебель в этой небольшой, но уютной комнате была в вишневых тонах. На полу около кушетки была разостлана шкура гигантского бенгальского тигра, на голове которого сидел Миодраг с книгой в руках и читал вслух. Мадам Нестеровская слушала с большим внимание, поправляя его по временам. Прошло около двух месяцев с того дня, как молодой человек впервые переступил порог виллы «Безоблачное счастье». Вскорее он выразил желанье учиться русскому языку и Лидия Александровна охотно взялась давать ему уроки. Сейчас был летний сезон, она отдыхала, только изредка пела по радио и хотя получила несколько приглашений из различных европейских государств, но ей не хотелось никуда ехать.

Миодраг обладал большими способностями и уже немного объяснялся по русски. Он очень увлекался русской литературой. Сейчас они читали «Анну Каренину». День был очень жаркий, выходить никуда не хотелось. Перед Лидией Александровной стоял маленький столик и на нем вазочка с мороженым. На стенах были развешены ее фотографии во всевозможных ролях. Одна из этих фотографий в роли Далилы, которая была ее коронной партией, стояла в изящной рамке в комнате Миодрага. Каждый вечер, перед тем как лечь в постель, он подолгу любовался ею и потом благоговейно подносил ее к губам.

Стеклянная дверь на терассу была настежь открыта. Там на плетеном кресле, на мягкой подушке сладко дремала, свернувшись клубочком, любимица Лидии Александровны, бухарская кошка «Пушинка». Молодая жен-

щина была в длинном белом домашнем платьи обшитом внизу широкой плиссированной оборкой огненного оттенка и с таким же широким поясом. Это были ее любимые цвета — белый и кирпичный — «брик», которые она всегда носила летом.

Нели дома не было, она пошла на имянины к своей подруге.

Миодраг читал уже больше часа. Сегодня они обедали в обществе невестки мадам Нестеровской. В ее присутствии Миодраг всегда почему-то чувствовал какую-то неловкость; ему казалось, что она по временам испытующе смотрит на него, точно стараясь прочесть что-то в тайниках его души.

— Ну, на сегодня довольно чтения, Миодраг Стефанович! — воскликнула она весело, — вы уже, наверное, охрипли! Хотите мороженого? Я сейчас позвоню Любице, чтобы она нам принесла!

Когда горничная вышла, мадам Нестеровская произнесла с улыбкой: — Интересно, что будет рассказывать нам Нели? Она, наверное, очень веселится там. А вот вам, зато, я думаю скучно, не правда ли?

— Скучно? С вами? О, что вы говорите, мадам!!

— Зовите меня Лидией Александровной, неужели это так трудно? Вам, сербам, кажется почему то ужасно странным русский обычай называть по имени отчеству!

Он улыбнулся.

— Да, признаюсь, мне трудно к этому привыкнуть. Ах, Лидия Александровна, как вы похожи сейчас в этой высокой прическе на ту фотографию, которую я увидел впервые в одном французском журнале. Как долго не мог я оторвать от нее глаз!..

Она на мгновенье опустила взор.

— Право? Какая же это фотография? Я не представляю...

— Вот эта, — сказал он тихо, и быстро расстегнув китель, вынул из внутреннего кармана на груди кожаный бумажник и оттуда довольно большую фотографию. — Я вырезал ее из журнала и дал фотографу переснять; с той поры я не расставался с нею.

Она взяла фотографию, взглянула на нее, а потом устремила на Миодрага загадочный взгляд своих зеленых

глаз. Что таилось в глубине его? Радость? Удивленье? Состраданье? А может быть... любовь? Их взоры встретились. Две пары прекрасных, лучистых глаз, которые на мгновенье потонули друг в друге и в это мгновенье пережили вечность. Оба молчали, но это молчанье было красноречивее всяких слов. Лидия Александровна первая овладела собой.

— Нет ничего удивительного в том, что я здесь похожа — это удачный снимок, — сказала она, а вот вы с первого же взгляда поразили меня своим сходством с одним человеком, с которым у меня связано печальное воспоминанье...

— Быть может вы поделитесь им со мною? — спросил он.

Она в нерешительности колебалась.

— А, я понимаю и прошу простить меня... Этот человек, повидомому, играл какую-то роль в вашей жизни. Я, конечно, не в праве стараться проникнуть в ваши сердечные тайны. — И в голосе его невольно прозвучали ревнивые нотки.

— Нет, этим секретом я, пожалуй, могу поделиться с вами. Вы правы, что человек, о котором я вам сейчас расскажу, играл в моей жизни довольно большую, хотя и не совсем обычную роль. Быть может, это даже была единственная любовь моей жизни...

— Счастливец! Как я завидую ему! — воскликнул он страстно.

Она печально покачала головой.

— Не завидуйте ему, мой друг; вы счастливее его, много счастливее. Вот слушайте... Это было шесть лет тому назад в то время, как строилась вот эта вилла... Перед тем я ездила в турнэ по Чехии, Болгарии и Венгрии. Я вернулась осенью и хотя была очень занята здесь, т.е. постоянно выступала то в концертах, то в опере, то по радио, но по крйней мере два раза в неделю выбирала минутку, чтобы съездить сюда и взглянуть, как подвигаются работы. Эта вилла была моим любимым детищем, о котором я давно мечтала и, наконец, моя мечта была близка к осуществлению.

Осень стояла теплая, дожди еще не начались и иног-

да я проводила здесь целые часы. Я знала уже всех рабочих в лицо и по имени, часто разговаривала с ними и им мои посещения, видимо, доставляли удовольствие. В их среде особенно выделялся один, совсем еще юноша, который был до такой степени красив и не похож на остальных, что я мысленно прозвала его Антиноем, хотя настоящее его имя было Алекса Ковачич. Его лицо с почти классическими чертами дышало необыкновенным благородством и добротой, его глаза такие же лучистые и серые, как ваши, проникали в самую глубину души. Он был по профессии каменщик, но человек грамотный, как, впрочем, и большинство наших рабочих, так как я видела, как он во время обеденного перерыва читал газеты. Он был самый скромный и застенчивый из них и если ему случалось отвечать на какой нибудь мой вопрос, он смущался и краснел как ребенок.

Как-то раз подходя к своей вилле я услышала пение, которое показалось мне чем-то волшебным. Это был прекрасный драматический тенор, который пел арию Марио из последнего действия «Тоски». Я остановилась пораженная. Любой из наших оперных артистов мог бы позавидовать этому неизвестному певцу. Каково же было мое удивление, когда я убедилась, что этот изумительный голос принадлежит красавцу — Антиною. Мне казалось преступлением допустить, чтобы этот человек, наделенный природой всеми данными для того, что-бы блистать на сцене, продолжал носить кирпичи. Увидев меня, он смущенно замолчал, но я подошла к нему и пожав его запачканную в известке руку, сказала, что у него замечательный талант, который он должен развивать и что я приму все меры для того, чтобы выхлопотать ему стипендию и чтобы его приняли в консерваторию учиться на казенный счет, а пока предлагаю ему сама заниматься с ним пением.

Он не смел поверить своему счастью; даже слезы блеснули в его глазах. Потом он стал рассказывать мне, как он любит музыку, как при малейшей возможности идет в театр на галерку и по много раз слушает свои любимые оперы.

Через несколько дней я сказала, что получила для него стипендию и передала ему скромную сумму из своих

личных средств, которая однако, показалась ему огромной.

На второй же день он пришел на урок, скромно, но прилично одетый и тщательно подстриженный и причесанный.

Не получив ни образования ни воспитания в том смысле, как мы это понимаем, он имел врожденные манеры и прекрасно держался. Никто из прислуги и не подозревал, что это простой рабочий. Я оставила его обедать и он произвел очень милое впечатление даже на мою строгую и требовательную невестку.

— Значит и в этом отношении ему можно позавидовать; мне кажется, что ваша невестка недолюбливает меня, — заметил летчик с легкой улыбкой.

— Вы думаете? Я этого не замечала... Впрочем, она мало кого любит. Вот разве Нели она, действительно, обожает. Да ее и трудно не любить, мою милую девочку, не правда ли?

При этих словах она вопросительно взглянула на молодого человека. Ожидала ли она с его стороны признания в любви к своей дочери?

— Да, конечно, Нели прелестное дитя, — подтвердил он поспешно и мысленно добавил, — «я, наверное полюбил бы ее, если бы не встретил вас».

Однако он не осмелился произнести эту фразу вслух.

— Но что-же было дальше с вашим оригинальным учеником, с вашим прекрасным Антиноем? — спросил он, видя, что она молчит.

— Да, что было дальше?.. Мне особенно тяжело вспоминать и говорить об этом. Но раз я уже начала свой рассказ, то должна довести его до конца... Так прошло три месяца. Мой ученик оказался очень старательным и способным. Голос у него был почти поставлен от природы. Я только отделывала его, как шлифуют драгоценный алмаз. Мы часто ходили в оперу и в антрактах обсуждали достоинства и недостатки отдельных певцов. Его замечания были очень дельные и разумные; его общество доставляло мне удовольствие. Злые языки, конечно, не оставили нас в покое, но я не обращала на это никакого внимания. Мой ученик был так почтителен со мной, что даже не осмеливался поцеловать мою руку. Он только

благоговейно смотрел на меня с немым обожанием, но я делала вид, что этого не замечаю...

— Это, повидимому, ваша обычная тактика в отношении ваших жертв, — сказал Миодраг тихо.

— Моих жертв? — искренно удивилась она. — Но где же они?

— Одна здесь, в двух шагах от вас!

— Уж не вы ли эта несчастная жертва?! — воскликнула она и звонко расхохоталась, так что обиженный Миодраг не решился поддерживать разговор на эту тему, — и Лидия Александровна продолжала свой рассказ. — Я обыкновенно никому не давала уроков, во-первых потому что была сильно занята, а во-вторых потому, что считала, что мне еще рано заниматься педагогической деятельностью, которая требует большого труда и усидчивости. Но успехи Антиноя меня необыкновенно радовали. Он уже готовился дать свой первый самостоятельный концерт, когда мой импресарио подписал контракт в Братиславу, Мюнхен и Берлин и я должна была совершенно неожиданно для себя самой ехать на гастроли, где и задержалась полгода.

Был июнь, как и сейчас, но очень дождливый. Через два дня после моего возвращения в Белград, я сидела здесь в этой комнате вдвоем с Нели. За окном стучал дождь, когда вошла горничная и сказала, что меня хочет видеть какая-то девушка, которая уже несколько раз приходила в мое отсутствие, но не хотела сказать по какому делу. Я приказала впустить ее. Это была Злата, младшая сестра Антиноя, которую я прежде видела мельком раза два.

Признаться, во время своего турнэ, занятая беспрерывными выступлениями, я довольно редко вспоминала о своем ученике. Уезжая, я поручила его знакомому солидному пианисту, с которым он мог бы проходить репертуар, пока я не вернусь. Злата была, повидимому, сильно взволнована или расстроена. Черный платок, в который она была закутана, совершенно промок от дождя. Я приняла ее ласково и спросила, что привело ее ко мне, но она долго не могла сказать ни слова. Наконец она в отрывистых, бессвязных словах объяснила мне, что брат ее опасно болен. Оказывается, вскоре после моего отъ-

езда у Алексея украли в трамвае бумажник, в котором находилась большая часть денег, которые я передала ему под видом стипендии. Вскоре после этого несчастья заболела их мать. Остаток денег быстро ушел на доктора и лекарства, купленный недавно парадный костюм был продан, часы заложены и оставшись без ничего, молодой человек был принужден опять приняться за свое прежнее ремесло. Но стать снова каменщиком после того, как он уже чувствовал себя певцом и мечтал о блестящей карьере, было не так-то легко. Он сделался задумчив и мрачен. «Но отчего же он не написал мне?» — спрашивала я с удивлением. Молодая девушка отвечала, что она много раз советовала брату сделать это, но он запрещал ей даже говорить на эту тему, боясь, как она предполагает, что-бы я не подумала, что он прокутил деньги, данные ему на ученье. Он был слишком горд, и щепетилен, чтобы просить о помощи, говорила она. И вот пришло новое несчастье. Однажды сильный дождь застал его на постройке, откуда он пришел промокший до костей. «Вот уже неделя, как он лежит в постели и мы не знаем, что с ним. А в бреду он часто зовет вас», — добавила она тихо. Я сейчас же позвонила по телефону знакомому доктору, чтобы он немедленно приехал и дала ему адрес Ковачичей. Они жили на «Мокром лугу» — в одном из самых бедных предместий.

Я быстро оделась, распорядилась, чтобы шофер приготовил автомобиль и мы со Златой поехали, развив самую большую скорость. Дождь не прекращался. Когда автомобиль остановился около жалкой лачужки, мы вбежали внутрь. Электричества тут не было, а горела керосиновая лампа, которая ужасно коптила. Мы прошли через кухню, где стояла постель Златы, и вошли в единственную комнату с низким потолком и каменным полом. Здесь, на узкой железной кровати, покрытой тонким драповым одеялом, а поверх него старым пальто, лежал Алекса, а у его изголовья на расшатанной табуретке сидела его мать. Она хотела встать, но я дала ей знак оставаться на месте, и сбросив свой плащ, подошла к Алексе и наклонилась над ним. Я сразу поняла, что положение несчастного очень серьезно и сердце мое болезненно сжалось. Я почувствовала что-то вроде угрызения со-

вести за то, что как будто бросила на произвол судьбы человека, который так слепо доверился мне. Меня поразила происшедшая в нем перемена. Его лицо осунулось, глаза впали, губы запеклись от лихорадки, волосы слиплись и беспорядочными прядями падали на бледный выпуклый лоб. Он спал, или, вернее, дремал и по временам я слышала свое имя, которое с выражением мучительной тоски срывалось с его потрескавшихся от сильного жара губ. Этот страдающий человек, которому, быть может, угрожала смертельная опасность, жалкая, почти нищенская обстановка, которая его окружала, тихо-плачущая мать, точно ожидающая от меня какого-то чуда, так же, как и ее дочь, — все это производило на меня ужасное впечатление и я сама начала дрожать, как в лихорадке. Между тем приехал вызванный мною доктор и мы ушли в кухню, чтобы не мешать ему внимательно осмотреть больного. Он вышел к нам с озабоченным лицом и сказал, что у Алексея воспаление легких в очень серьезной форме и его необходимо не теряя ни минуты отвести в больницу. Мать стала громко всхлипывать, одно уже слово «больница» ее пугало, но мы со Златой принялись ее уговаривать и успокаивать, в то время, как доктор поехал в ближайшую телефонную будку, чтобы вызвать карету скорой помощи.

Алексей был помещен в самую лучшую больницу, куда я приезжала каждый день в приемные часы. Я забросила все свои дела, по ночам почти не спала и молилась о его выздоровлении. Его жизнь была мне так дорога, что я не представляла, что будет со мною если он умрет. Злата тоже каждый день навещала брата, а потом мы вместе ехали к их матери и всячески старались ее утешить. Я сняла для них небольшую чистенькую квартиру в городе, говоря, что после такой тяжелой болезни Алексею невозможно возвращаться в их прежнее сырое жилище. Больной несколько дней не приходил в себя, а когда сознание вернулось к нему, то при виде меня он казалось был так счастлив, что не смел верить своим глазам. Алексей так взволновался, что у него повысилась температура и я поспешила уйти, чтобы не волновать его еще больше.

Он выздоровел, но не мог оправиться, организм его

был слишком слаб и у него начался процесс в легких. Прямо из больницы его перевели в санаторию для туберкулезных. Сначала доктора подавали надежду и действительно, когда началась зима, он стал чувствовать себя лучше. Теперь он смело говорил мне о своей любви, так как был уверен, что скоро умрет. Я всячески старалась уничтожить в нем эту уверенность, гуляла с ним по парку санатории, полному смолистого запаха сосен, который так полезен для легочных больных. Я привозила ему книги, которые он жадно прочитывал, мы говорили с ним на серьезные темы, по временам даже философствовали, и мне нередко приходилось удивляться умственному развитию этого юноши совершенно простого происхождения. Иногда он напевал мне ослабевшим, но попрежнему прекрасным голосом, романсы и оперные арии. Особенно он любил известную арию Каварадосси, и говорил, что ей обязан своим счастьем, так как я обратила на него вниманье, когда он пел ее. И всегда он говорил мне о своей любви и не только говорил, но она проскальзывала в каждом жесте его, в каждом взгляде... Я отвечала, что тоже люблю его и когда он поправится стану его женой и мы будем петь вместе. Я, действительно сделала бы это, но судьба решила иначе...

С наступлением весны бедный Антиной стал заметно угасать. Я хотела перевести его в Словению в горы, где была специальная, очень хорошая санатория для туберкулезных Гольник, но врачи сказали, что это бесполезно. Его организм был слишком слаб, чтобы бороться с ужасной болезнью. Он уже не мог вставать с постели и лежал с полузакрытыми глазами, слушая мои рассказы. Самое трудное для меня было скрывать от него свое отчаяние и казаться всегда бодрой и веселой. Стараться, чтобы голос мне не изменил, чтобы он не заметил дрожащие в нем слезы. Все это требовало колоссальной выдержки и только вечером, запершись в своей комнате, я могла плакать на свободе. Было ли это лишь состраданье или настоящая любовь, вызванная его сильным и благородным чувством, я не могу сказать и теперь.

Но когда на закате ясного апрельского дня он умер на моих руках, а любовью и благодарностью шепча мое имя, я думала, что жизнь моя кончена. Почти целый год

я прожила затворницей, даже нигде не выступала. Но потом мое любимое искусство постепенно излечило меня от тоски и я стала жить только для него. Так трагически закончился мой единственный «роман», и когда вы в первый раз вошли к нам в дом меня поразило ваше удивительное сходство с бедным Алексой».

В невольном порыве Миодраг вдруг бросился к ней.

— Я люблю вас, Лидия! — воскликнул он страстно. — Люблю не меньше, чем любил вас он! Я никого не любил прежде, клянусь вам! Моя единственная, чудесная Лидия, согласитесь сделать для меня то, что вы готовы были сделать для него — будьте моей женой!.. — И не давая ей времени опомниться, он обнял ее колени и прижавшись к ним пылающим лицом, осыпал ее ноги безумными поцелуями...

III.

Веселая и довольная Неля возращалась с имянин.

Ее подруга жила тоже на Дединье вблизи от них. Но так как было уже довольно поздно и темно, то целая компания молодежи отправилась ее провожать. С шутками и смехом они распрощались у калитки виллы и Неля в прекрасном настроении взбежала по широким ступеням. Она мурлыкала какую-то песенку и войдя в обширный вестибюль, увидела свою тетку, которая поднималась по лестнице в свое помещенье. Молодая девушка бесшумно побежала за нею и догнав, закрыла ей глаза ладонями.

— А, ты вернулась уже, шалунья! — сказала Вера Петровна и по ее строгому, немного нахмуренному обычно лицу, промелькнула ласковая улыбка. — Ну, рассказывай, как же было в гостях? Ужинать будешь? Тогда пойдем в столовую.

— Что ты, тетечка! Я совершенно сыта! Мы только недавно ужинали! Угощение было прекрасное. Потом танцевали под радио. — Она обняла тетку за талию и они пошли наверх. — Я принесла тебе привет, тетечка, угадай от кого?

— Ты знаешь, я недогадлива. Ну, рассказывай же!

— Тебе привет от Володи Одинцова! Я случайно в разговоре упомянула, что я твоя племянница и он сказал, что вы старые знакомые и он очень хотел бы повидать тебя! Тогда я пригласила его зайти к нам.

— Ах, как я рада! Ты, значит, познакомилась с Володей? Не правда ли, он очень милый мальчик? Мы были дружны с его родителями, и я и твой покойный папа, Лилечка. Последние годы они жили в Загребе и писали мне, что собираются сюда переехать. Ты зайдешь ко мне или устала и хочешь спать?

— Нет, спать мне не хочется, я с удовольствием зайду к тебе, а потом сбегаю к мамочке. Она еще не спит, как ты думаешь?

— Вероятно нет; ведь Лида всегда ложится поздно.

— А в комнате Миодрага темно. Значит, его еще нет.

— Он вероятно у Лиды.

— Да, они наверное ждут меня! — воскликнула молодая девушка и нежный румянец залил ее лицо. Она не заметила полного сострадания взгляда, который бросила на нее тетка.

Они вошли в помещение Веры Петровны, состоящее из двух больших комнат — спальной и чего-то среднего между гостиной и рабочим кабинетом. Госпожа Пилетич — (ее покойный муж был серб), была доктором филологии и писала научные труды.

Обстановка в ее комнатах была солидная, несколько мрачная и резко отличалась от обстановки на половине ее невестки. Шкапы с книгами занимали большую часть кабинета. Большой массивный письменный стол и старинные дубовые кресла с резными спинками обтянутые темнозеленой кожей придавали ему строгий и солидный вид. На стене висели две-три старинных гравюры, пол был покрыт линолеумом — Вера Петровна не любила ковров, как и вообще никаких предметов роскоши. Но Неле не нравилась эта мрачная комната и ее тетка знала это. Поэтому они прошли в спальную, где было куда уютнее и интимнее.

Вере Петровне недавно исполнилось 43 года. Она была брюнетка с красивыми и строгими чертами лица, высокой и величественной фигурой. После смерти своего мужа

она всегда ходила в черном и не согласилась вторично выйти замуж, хотя в претендентах и не было недостатка. Ее муж умер пятнадцать лет назад, но она оставалась верна его памяти. Когда через год умер и ее обожаемый брат, она всю свою любовь перенесла на его единственную дочь. Умирая, брат завещал ей жить всегда вместе с невесткой, которая была еще так молода и неопытна. Обе женщины жили каждая своей собственной внутренней жизнью. Они были слишком разные натуры чтобы понимать друг друга и относились друг к другу довольно равнодушно. Единственным связующим их звеном была Неля или, как называла ее Вера Петровна, Лиля, которую обе они одинаково любили. Когда Лидия Александровна уезжала на гастроли, а это случалось довольно часто, девочка всегда оставалась на попечении тетки. Это были самые счастливые дни для душевно-одинокой женщины. У нее самой никогда не было детей и она любила племянницу, как родную дочь. Неля ценила это и отвечала ей постоянной нежностью и лаской. Но она обожала свою красавицу-мать, перед которой благоговела и, казалось, не было жертвы, которой молодая девушка не принесла бы для нее. Вера Петровна всегда боялась, что ее прекрасная невестка выйдет вторично замуж. Мысль, что у Нели будет отчим, который займет место ее боготворимого брата, приводила ее в ужас и отчаяние. Но годы шли, а Лидия Александровна, казалось, вовсе не думала о замужестве. Ее всегда окружала толпа поклонников, но она никому из них не отдавала предпочтения. От Веры Петровны конечно не укрылось увлечение артистки Алексой Ковачичем, но она предпочла бы видеть мужем Лидии этого талантливого юношу, хоть и бывшего каменщика, чем кого-нибудь другого. Во-первых Неля, тогда двенадцатилетняя девочка, была очень дружна с ним, да и он сам, простодушный, добрый и застенчивый, вышедший из народа, гостеприимного и благородного сербского народа, был ей по душе. Узнав о его болезни, она была искренно огорчена и не могла простить ему, отчего он не рассказал ей о своем затруднительном положении. Но он стеснялся и как-то боялся этой величественной дамы и не решался обратиться к ней. Она два раза навещала его в больнице, потом в са-

натории, а когда он умер, взяла на свое попечение его сестру, которая, будучи очень красивой девушкой, вскоре вышла замуж за офицера и теперь часто заходила к ним вместе с мужем. Мать ее ненадолго пережила любимого сына и умерла через два года после него.

— Ну, как же ты нашла Володю, Лилечка? — спрашивала она племянницу, — когда я видела его восемь лет назад, он обещал сделаться очень интересным молодым человеком.

Неля чуть заметно пожала плечами. — Да, он, кажется, недурен и знаешь, тетя, он целый вечер ухаживал за мной! Но он не в моем вкусе — я не люблю шатенов с карими глазами!

— Да, ты, вероятно, любишь брюнетов с серыми глазами? — сказала тетка не то с иронией не то с сожалением.

Молодая девушка бросилась к ней на шею. — Ты угадала, тетечка! Ты отлично знаешь мой вкус! И я люблю, но не «брюнетов», а «брюнета»!

— Бедное дитя, я конечно давно заметила это, но уверена ли ты, что и он отвечает тебе тем же?

Неля отодвинулась от Веры Петровны и удивленно на нее посмотрела.

— Он? Конечно! Я ведь знаю, что он любит меня! Он всегда так добр и так ласков со мною! Вот ты увидишь, — не сегодня-завтра он сделает мне предложение! Непременно сделает! Иначе зачем бы он стал дарить мне браслет своей матери, который она завещала ему подарить только своей будущей жене?

— Дай-то Бог, — тихо сказала Вера Петровна и провела рукой по золотистой головке — Я хочу только одного, чтобы ты была счастлива, Лилечка, но я совсем не знаю его, не знаю какой он человек и что он думает, а вот Володю я знаю с самого детства и уверена, что он такой же благородный, как и его родители.

— Уж не хочешь ли ты, тетя, чтобы я вышла замуж за твоего Володю, которого ты так расхваливаешь?! — со смехом воскликнула Неля, — Ну, нет уж, это удовольствие я при всем желании не могу тебе доставить! и поцеловав тетку и пожелав ей спокойной ночи, она вы-

бежала из комнаты, оставив Веру Петровну в глубокой задумчивости.

Проходя мимо комнаты Миодрага, Неля заметила, что там попрежнему темно и пошла в салон. Он был пуст, но из соседней маленькой гостиной доносились невнятные голоса. Неля на цыпочках подкралась к бархатной портьере. Она хотеля появиться внезапно и «испугать» мать и Миодрага, которые, наверное, с одинаковым нетерпением поджидали ее. Но в ту самую минуту, как она уже протянула руку, чтобы раздвинуть портьеру, странные слова, донесшиеся оттуда, поразили ее слух и заставили остановиться.

— Я люблю вас, Лидия! Не отталкивайте меня! Я люблю вас больше всего на свете! Одно ваше слово, один взгляд, может сделать меня счастливым!..

Не отдавая себе отчета в том, что она делает, повинуясь лишь подсознательному чувству, Неля прильнула глазами к узкой щели, которая, однако, позволяла ей видеть все, что происходит в комнате. Миодраг стоял на коленях перед ее матерью, сжимая ее руки в своих. Он прижимался лицом к ее ногам, осыпая их поцелуями, в то время, как она ласково проводила рукой по его черным кудрям и говорила: — Успокойтесь, Миодраг, подумайте, что вы говорите?! Вы внушили себе эту безрассудную любовь! И, наконец, Нели любит вас! Разве я имею нравственное право красть счастье у собственной дочери?

— Нели еще дитя, — отвечал летчик, — она только начинает жить, у нее будут новые знакомства, увлеченья, она быстро забудет меня и свою любовь, которую вот она действительно сама себе внушила! Мы с нею добрые друзья, но любить ее я не могу, потому что мое сердце навеки принадлежит вам одной!

Нели задыхалась, в ее широко раскрытых зрачках застыло выражение ужаса. Ей казалось, что она спит и видит какой-то страшный сон.

Она хотела вбежать и крикнуть: «Не бойтесь, я не буду мешать вам, мешать вашей любви! Я навсегда уйду с вашего пути!» Но она точно оцепенела и не могла двинуться с места. Между тем Миодраг страстно продолжал:

— Лидия, будьте моей женой! Я знаю, что я недостоин

вас — вы так прекрасны, вас окружает ореол славы... Что я в сравнении с вами? Бедный, никому не известный офицер! Но если вы цените в человеке его сердце больше, чем положенье и богатство, то не проходите с пренебрежением мимо такого чувства. Быть может именно со мной найдете вы истинное счастье!

— Нет, нет, Миодраг, оставьте меня, уйдите! Я знаю, что Нели любит ва́с не шутя! Правда, она никогда не говорила со мной об этом, но она еще так молода, что не умеет скрывать своих тайн! В каждом взгляде ее, обращенном к вам, светится чистая любовь!

— Но ведь, если вы и отвергнете меня, я все равно не смогу любить Нели! Сердцу не прикажешь! С первого взгляда я отдал его вам, вам одной нераздельно, и эта любовь умрет вместе со мной!

— Что же мне делать, Миодраг? То, что вы говорите, так неожиданно для меня... Я должна подумать.

— Скажите же, что и вы хоть немного любите меня!

— Я ничего не могу сказать вам прежде, чем переговорю с Нели. А теперь — идите, уже очень поздно. Завтра мы едем в оперу на открытие сезона и утром мне надо еще заехать к портнихе. Спокойной ночи! — Она протянула ему руку, которую он осыпал страстными поцелуями. — Посмотрите, Миодраг, портьера как будто заколыхалась — там никого нет?

Он подошел к портьере и быстро ее раздвинул. Но салон был пуст. Тогда он медленно пошел к себе, полный одновременно самых радужных надежд и сомнений. А Нели лежала у себя, уткнувшись лицом в подушку и стараясь заглушить рыданья... Иллюзии рассеялись как дым. Ее сказочный принц ушел из ее жизни навсегда...

IV

Переполненный до отказа театральный зал был залит огнями и гудел, как пчелиный улей.

Сегодня было 3-ье сентября, открытие оперного сезона. Только что закончилось второе действие и публика без конца вызывала своих любимцев. Сезон начинался оперой «Риголетто», которая всегда имела громадный

успех у Белградской театральной публики. Отчасти этот успех объяснялся тем, что главные партии исполнялись лучшими силами. Партию самого Риголетто — одну из самых ответственных и тяжелых партий вообще, — пел Паоло Паулетти, обладатель прекрасного и сильного драматического баритона, в то время, как роль его несчастной дочери Джильды исполняла Дара М-ич, колоратуру которой можно было сравнить лишь с пением соловья. Герцога Мантуанского тоже пел лучший тенор белградской оперы. Нужно заметить, что этого артиста постигла впоследствии странная судьба. Во время немецкой оккупации, т.е. через три года после описываемого нами времени, он был обвинен в коммунизме и арестован будто бы только за то, что получил во время спектакля букет красных роз. После этого он исчез и дальнейшая участь его неизвестна. Говорить о нем вслух артисты боялись. Одни передавали шепотом, что он расстрелян оккупантами, другие — что он бежал в горы. Но в то время вся эта нарядная, веселая толпа была далека от мысли о надвигающихся грозных событиях.

Риголетто была коронная роль Паоло Паулетти. Впрочем, некоторые находили, что в роли Скарпиа он еще лучше, но мы не будем спорить сейчас об этом, так как считаем, что он был одинаково хорош во всех ролях. Он так же прекрасно играл, как и пел и если бы природа не наделила его голосом, то он мог бы быть выдающимся драматическим актером. Во втором акте публика наслаждалась арией Джильды, а теперь все ждали третьего, в котором блистал Риголетто. В одной из лож первого яруса сидела Лидия Александровна с дочерью, невесткой и Миодрагом Аранджеловичем. На них бросались любопытные взоры и вокруг перешептывались. Их в первый раз видели вместе, хотелось позлословить, но не знали чей же «поклонник» Миодраг — матери или дочери.

В этот вечер мадам Нестеровская была ослепительна. На ней был специально сшитый к этому дню туалет огненного цвета, умело скомбинированный с черными кружевами. Ее яркорыжие волосы были собраны в греческий узел и стянуты золотым обручем украшенным алмазами. На шее ее горело бриллиантовое колье, а в ушах такие же серьги. На ручку кресла была небрежно переброшена

накидка из черно-бурых лисиц. Очарованный летчик сидел не смея поднять глаз на свое божество. Ему казалось, что окружающие прочтут на его лице тайну, которую он так ревниво оберегал, и своими насмешливыми или завистливыми взорами и пересудами загрязнят его любовь. Это был последний день его пребывания в вилле «Безоблачное счастье». Он подыскал себе скромную квартиру и на следующее утро предполагал переехать, так как считал недопустимым для своего достоинства продолжать пользоваться гостеприимством Нестеровских. И хотя они и уговаривали его остаться, он был стойким в своем решении, говоря, что служба требует его пребывания в городе.

Что же касается дам, то они решили не переезжать на зиму в город, как это делали обыкновенно, а остаться на Дединье в своей уютной вилле.

Вера Петровна, как и всегда, была гладко причесана и одета во всем черном, что, впрочем, как нельзя лучше подходило к ее строгой красоте. Неля была в светло-зеленом фисташкового оттенка платьи и выглядела бледнее обыкновенного. В ложе было четыре места — впереди сидела ее мать с теткой, а за ними Неля с Миодрагом. Но оба были так рассеяны и молчаливы, что наблюдавшие за ними соседи никак не могли принять их за влюбленную пару и были сильно разочарованы.

Ближайшими их соседями по ложе оказалась мадам Одинцова с сыном и племянницей. Они приехали с опозданием, уже ко второму действию.

Вера Петровна очень обрадовалась, увидев своих старых друзей. Но больше всех был доволен Володя, который весь вспыхнул от удовольствия при виде Нели.

В антракте они вошли в ложу Нестеровских и предложили им пройтись. Молодежь отправилась в фойэ, а мадам Одинцова села поговорить с Лидией Александровной и Верой Петровной. Миодраг, хотя и предпочел бы остаться, посчитал это неудобным и тоже отправился с Нелей и молодыми Одинцовыми. Племянница, которая жила постоянно в Белграде, хотела показать всех «знаменитостей» своему кузену, а, главное, передать все сплетни, которые кружили о них по городу.

— Вот посмотри, Володя, на эту даму — может быть

ты ее уже заметил, она сидела во втором ряду, вон та, с венком на голове и распущенными по плечам светлыми крашеными волосами? Да, нет, ты не туда смотришь, там в черном длинном платьи, разговаривает и жеманится с двумя летчиками? Летчики — ее страсть. Так что советую вам поухаживать за ней, Миодраг Стефанович, — успех обеспечен, — обернулась она к молодому офицеру, который даже не улыбнулся на эту шутку.

— Это «знаменитая» писательница Мир-Ям, ее романы захлебываясь читают все гимназистки. Она печет их как блины и они, действительно, интересны и увлекательны, особенно «Голубой орел», посвященный летчикам. Вот это наша оперная «звезда», примадонна Зденка З-ва; она особенно блистает в «Тоске». Взгляните, господа, какая у нее чудная фигура и какое интересное лицо, хотя как говорят, ей уже 52 года. Она всегда окружена поклонниками. А вот подошел ее муж, известный футболист и богач, у которого два шикарных дома в центре; я покажу их вам как-нибудь!

— Да ты, право, ходячая газета, Надя! — невольно расхохотался ее кузен, — пойдем лучше пить лимонад и есть пирожные!

— О, это с удовольствием! Но ты только подумай — футболист тридцатичетырехлетний красавец, и, говорят, по уши влюблен в свою жену!

— Что же вы находите в этом такого странного? — вмешался, не принимавший прежде никакого участья в этом разговоре, Миодраг. — Правда, это явление довольно редкое в наше время, но его можно только приветствовать! Теперь так трудно найти глубокое и искреннее чувство!

Неля бросила на него быстрый взгляд и сейчас же снова опустила свои длинные ресницы.

— Да, конечно, — подхватила болтливая Надя, — но вы подумайте только — такой красавец, известный футболист... Каждая молодая девушка с удовольствием вышла бы за него замуж!

— А, так вот в чем дело! Да, конечно, он сделал большую ошибку! Вместо того, чтобы жениться на известной артистке, ему надо было осчастливить Надежду Одинцову! — сказал ее брат.

Все рассмеялись. Молодая девушка надулась и покраснела. Володя между тем купил шоколадных конфет для Нели и кузины, чтобы, как он выразился «подсластить ее немного, а то она совсем скисла».

Это был веселый и симпатичный молодой человек, стройный шатен выше среднего роста, очень привлекательной наружности. Неля внимательно взглянула на него. Она, казалось, обдумывала, что-то. От нее не укрылось впечатление, которое она еще накануне произвела на Володю. Молодая девушка поборола свою печаль и отчаяние и начала с ним любезный разговор. Но в эту минуту Надя, которая была ее соученица по гимназии, дернула ее за рукав.

— Смотри, знаешь, кто это такая? С этим грубияном Володькой я вообще не желаю больше говорить! Вот посмотрите, Миодраг Стефанович, на эту особу в васильковом платьи! Она, вероятно, пришла сюда с галерки, куда она обыкновенно ходит. А между тем это симпатия Паулетти и я держу пари, что и сегодня он получит от нее букет. Она не пропускает ни одной оперы, в которой он выступает, а летом катается с ним на лодке по Саве, хотя у него есть сын и жена, довольно сварливая к тому же, которая, как говорят, устраивает ему ужасные сцены.

— Ну, Надя, довольно сплетничать! Вот уже и звонок, — прервал ее кузен. — Пора идти!

— Я с тобой и не разговариваю, а рассказываю Миодрагу Стефановичу. Как вы ее находите? Она лет на двадцать пять моложе своего кумира и пишет очень неплохие фельетоны во «Времени» и в разных журналах...

— Ну, я думаю, что на сегодня ты исчерпала весь запас своих сведений обо всех более или менее известных жителях Белграда, а теперь мы можем идти и наслаждаться музыкой.

Мадам Одинцова предложила Вере Петровне пересесть в ее ложу, а Володя воспользовавшись этим, сел на ее место. Начался третий акт, который Нели любила больше всего.

«Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля» раздался за сценой полный душевного страданья голос Риголетто и вскоре появился он сам, — хромой, горбатый, седой старик с небольшой бородкой, в голубом с желтым шелковом ко-

стюме и в шутовском колпаке с бубенчиками. Но хотя быть может никогда еще Паоло Паулетти так не пел и не играл, Неля не испытывала того обычного волнения, которое охватывало ее всегда, когда она слушала свои любимые оперы.

Ее сердце со вчерашнего вечера точно застыло, покрылось ледяной корой. Она стала как-то равнодушна ко всему; ей хотелось только остаться поскорее одной в своей комнате и обдумать что же наконец она должна делать, чтобы выйти из создавшегося тупика? Между тем занавес опустился под гром аплодисментов и Паоло Паулетти, которого вызывали шестнадцать раз, действительно, получил большой букет.

— А что, разве я не говорила? — прошептала торжествующая Надя, которая сразу же перекочевала в ложу Нестеровских. — И если бы вы хотели после окончания спектакля задержаться немного, то вы бы увидели, что любовь Паулетти будет поджидать его у артистического входа!

— Верим тебе на слово, — сказал Володя, отмахиваясь рукой. — Но уж не завидуешь ли ты и ей из за ее победы?

— А что же? Я думаю многие ей завидуют. Ведь говорят, что до знакомства с нею он вообще не обращал внимания на женщин!

— Видно «и на старуху бывает проруха», — рассмеялся Володя. — Или, в данном случае, «на старика»!

— Какой же он старик? — обиделась Надя. — Ему нет еще и пятидесяти лет! И разве он не хорош? Говорят, одна его поклонница обратила его фотографию в роли Иоханаана, то есть Иоанна Крестителя, в «Саломэ» в икону и зажигает перед ней лампадку!

— Ну, это уж слишком, — заметила Нели.

— Отчего же? Он там выглядит настоящим святым! А вот теперь нужно обязательно пойти на «Мертвые глаза» Д'Альбера. Говорят, что скоро будет премьера! Это замечательная вещь!

— Ну, что, разве я не говорил, что моя сестрица ходячая газета? Впрочем, куда там! Она знает даже то, о чем еще не известно ни одному проныре-репортеру!

После окончания спектакля всей компанией отправились ужинать и только около двух часов ночи вернулись домой и сразу разошлись по своим комнатам.

V

На следующее утро после кофе Миодраг поехал на службу, а прямо оттуда на новую квартиру. Вера Петровна ушла к себе и мать и дочь остались одни в столовой.

— Ну, ты мне так и не рассказала, детка, как было на именинах? Вчера мы с тобой почти и не виделись — утром ты еще спала, когда я уехала к портнихе. Весело было? Танцевали?

— Да, мамочка, было чудесно! Не помню, чтобы я когда-нибудь еще так веселилась!

— Право? Ну, радуюсь за тебя. Твой новый знакомый мне очень понравился, а тебе как? Повидимому, тоже? Вчера после спектакля, когда мы ужинали в «Коларце», вы так оживленно разговаривали!

Неля опустила глаза.

— По моему он очень симпатичный молодой человек, — ответила она после паузы.

— Не только симпатичный, но и интересный, не правда-ли?

— Да... У него очаровательная улыбка и какие красивые глаза!

— Ого, да я вижу, что он произвел на тебя сильное впечатление?

— Ты угадала, мамочка! От тебя у меня нет тайн. Никто никогда не нравился мне так, как Володя!

— А как же... как же Миодраг? Я всегда считала, что он твоя большая симпатия? Ведь ты столько рассказывала мне о нем, с таким нетерпением ждала его приезда!

В глазах Нели зажегся какой-то огонек и сейчас же потух. Она опустила взгляд, боясь, что он выдаст ее, и отвечала:

— Да, я не стану отрицать, что Миодраг мне очень нравился. Он спас мне жизнь и это сыграло большую роль в моих чувствах к нему. Мне даже казалось, что я

люблю его. Но теперь, когда я познакомилась с Володей, я увидела, что это была ошибка. Миодраг — мой хороший друг, которого я люблю, как старшего брата. Но если я отдам кому нибудь свое сердце, то только Володе Одинцову!

По мере того, как ее дочь говорила, лицо Лидии Александровны все больше озарялось радостью. Но в то же время она не могла побороть удивленья.

— Как?! Тебе больше нравится Одинцов, чем Миодраг?!

«Мама, вероятно, предполагает, что я сошла с ума», — подумала молодая девушка, но отвечала внешне спокойно: — Конечно, я признаю, что Миодраг красивее, по этому поводу не может быть двух мнений. Но дело не в одной только красоте. Да и Володя ведь тоже недурен. А, главное, он мне больше по душе. Он такой веселый, остроумный, у нас с ним так много общего...

— Ну, что же, мне кажется, что и ты ему очень нравишься.

— Я тоже так думаю, мамочка.

— А если бы он сделал тебе предложение, ты согласилась бы?

— Конечно!.. Я считаю, что нельзя и желать лучшего мужа, чем он.

— Но ты так еще молода, Нели, тебе рано думать о замужестве!

— Я и не думаю, мамочка; ты ведь первая спросила меня!

Разговор с дочерью точно снял камень с души Лидии Александровны. Теперь совесть ее была вполне спокойна — Неля не любила Миодрага, следовательно, она могла отдать ему свою руку. Потому что она любила его, любила всем сердцем, которое проснулось теперь и заговорило впервые.

Лидия Александровна не всегда была богата и знаменита. Около двадцати лет тому назад вскоре после революции она приехала в Югославию восемнадцатилетней девушкой, у которой не было ничего, кроме небольшого свертка с двумя платьями и со сменой белья. Ее родители, состоятельные помещики, погибли, оба ее дяди были офицерами; один из них пропал без вести, с другим она

эвакуировалась. В дороге они познакомились с братом и сестрой Нестеровскими, богатыми людьми, которым удалось вывести все свои драгоценности. Хотя Вера Нестеровская была тоже молодая девушка, всего на пять лет старше Лидии, они не сдружились, и Лида находила несимпатичной эту холодную, надменную красавицу.

Зато ее брат, Андрей Петрович Нестеровский, подолгу засматривался на молодую девушку с рыжими кудрями и зелеными, как изумруды глазами.

Во время их кошмарного путешествия в набитом до отказа трюме гигантского парохода, дядя Лидии заболел сыпным тифом и вскоре умер. Она осталась одна.

Из знакомых у нее была только одна дама со старушкой-матерью; они решили держаться вместе и поселились в небольшом городе в провинции, где все три занимались рукоделием, что давало им скромные средства к существованию. Так прошел год; старушка умерла, а Лида продолжала жить у своей названной тетки. Работая с раннего утра до вечера и зарабатывая гроши, она все чаще стала задумываться над тем, чтобы такое можно было изобрести, чтобы выбиться из нищеты. У нее был звонкий и чистый голос, но, конечно, не было возможности заняться его обработкой. Молодая девушка с детства знала несколько русских песен и романсов; и вот она решила попытать счастья.

В единственном кино городка, где они жили как раз шел фильм из русской жизни в американской постановке. Она предложила дирекции за очень умеренную плату петь перед началом сеансов русские песни. Проба оказалась удачной, ее голос и внешность понравились публике, которая стала валом валить в кино не ради фильма, а ради нее. Через пол года она уже пела в Белграде в лучших кино столицы, в сопровождении трех мужских голосов (бедных русских студентов), которые подхватывали припев. На ней было уже не скромное темное платье, а живописный боярский костюм, с кокошником, украшенным крупными цветными камнями, с которого спускалась газовая фата.

И вот однажды перед началом последнего сеанса какого-то русского фильма, она вышла и блестя глазами и улыбаясь в публику запела «Метелицу».

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленький идет.
Ты постой, постой, красавица моя,
Позволь наглядеться, радость, на тебя! —

пела она, вероятно, уже в сотый раз.

Голос ее за это время окреп и развился, хотя она и не занималась. Успех, как и всегда, был громадный. Едва она успела переодеться и собиралась уходить, как ей сказали, что какой-то господин желает ее видеть.

Молодая девушка была удивлена. Она совсем недавно приехала в Белград, где у нее не было никаких знакомых. Лидия с трудом узнала в элегантном господине Андрея Петровича Нестеровского, своего попутчика во время эвакуации.

Он осыпал ее комплиментами и сказал, что очень часто думал о ней. Оказывается он был здесь со своей сестрой Верой и ее мужем, а своим компаньоном по крупному предприятию, очень богатым сербом. Нестеровский просил Лиду пойти вместе с ними поужинать в ресторан, говоря, что сестра хочет ее видеть, и хотя Лида не очень поверила этому, но согласилась. Впрочем Вера, теперь госпожа Пилетич, была очень любезна с нею, так же, как и ее муж, симпатичный и красивый молодой человек.

Ужин затянулся далеко за полночь, они расстались друзьями и с этих пор стали видеться почти ежедневно. И вот однажды Андрей Петрович спросил Лиду согласна ли она быть его женой. Молодая девушка попросила дать ей день отсрочки, чтобы обдумать этот важный вопрос. Нестеровский был на 13 лет старше своей сестры, а, следовательно, на 18 старше ее. Он нисколько не походил на идеал, созданный ее воображением. Но до сих пор она вообще не встречала никого кто бы ей хоть немного нравился. Лида трезво смотрела на жизнь, она обожала пение, мечтала о карьере, была честолюбива. Она решила согласиться на предложение Нестеровского, смотря на брак как на неизбежное зло.

Через две недели они обвенчались. Нестеровский души не чаял в своей молодой жене и старался угадать каждое ее желание. Выходя замуж она поставила условие, что он сделает все, чтобы она могла осуществить свое заветное

желание — стать певицей. Лидия стала брать уроки у профессора-итальянца, а кроме того каждый день занималась дома с аккомпаниатором.

Через год у них родилась дочь. Теперь Андрей Петрович был вполне счастлив. Он старался не замечать холодности жены, которая всячески его избегала. Лидия Александровна не только не любила мужа, но ей даже не удалось привыкнуть к нему. А между тем его вовсе нельзя было назвать противным или хотя бы некрасивым. Он был представителен и многим нравился. Но Лидии ее семейная жизнь казалась чем-то ужасным и она хоть и упрекала себя за это, но не испытывала горя, когда через 4 года после свадьбы ее муж умер от разрыва сердца. За год до этого она дебютировала в роли Марты в опере Д'Альбера, «В долине»*). Ее мечта осуществилась. Она была уже известна в артистических кругах, богата, независима и свободна. Ее окружали поклонники, но даже мысль о каком нибудь романе и любви вселяла в нее непреодолимый ужас. Она хотела жить только для своего искусства, которое обожала.

Ее невестка овдовела еще на год раньше ее. Они поселились вместе. Лидии это было очень удобно, так как, уезжая на гастроли, она всегда могла оставить свою маленькую дочь на попечение тетки.

Когда сердечные припадки у Андрея Петровича участились и он почувствовал приближение смерти, хотя был еще сравнительно молодым человеком, он высказал желание, чтобы жена не разлучалась с его сестрой, которая была теперь совершенно одинока. Вера была прекрасно обезпечена, муж оставил ей большое состояние, но ее душевные страданья были ужасны. В противоположность своей невестке, она вышла замуж по любви и обожала мужа. Это была любовь на всю жизнь. После его смерти она никогда уже не могла утешиться, а лишь примирилась со своей судьбой. Чтобы отвлечься немного, она поступила в университет и блестяще его закончила. Вера скорее чувствовала каким-то внутренним чутьем, чем замечала, что Лидия не любит ее брата и потому относилась к ней сдержанно, даже холодно. Всю нежность, на

---

*) Die Tiefland.

которую еще было способно ее сердце, перенесла она на маленькую Нелю.

Итак, Лидия никогда не любила; она бежала от любви. Эпизод с Алексой Ковачичем, закончившийся так трагически, конечно, нельзя было назвать любовью в том смысле, какой принято придавать этому слову. Большую роль здесь играло воображение. Ее, как певицу, поразил его голос, который показался ей чем-то неземным, почти сверхъестественным. Она уже видела в нем будущего партнера, с которым рука об руку она пойдет навстречу новым успехам и славе. Ее привлекала его необыкновенная красота так же, как и его нежная душа. Это было чувство, чистое, как кристалл, дружеская привязанность без тени страсти. Но он был «Не жилец на этом свете» и она для него осталась далекой «Принцессой Грезой», тем, чем была Мелиссанда для несчастного Рюделя. Она давала ему читать это прекрасное произведение Ростана в переводе на сербский язык, когда он был еще здоров, до ее отъезда на гастроли. Оно произвело на него громадное впечатление. Уже будучи в санатории и умирая от той же болезни, что и принц Жоффруа Рюдель, юноша часто напоминал ей об этом и называл ее «Принцессой Грезой». И он так же и умер — тихо, с сердцем полным любви, у нее на руках, как и Рюдель умер в объятьях Мелиссанды...

Но вот теперь явился ее Бертран, сердце ее проснулось и жаждало любви. Ее влекло со всей силой страсти к молодому офицеру, и хотя она была на двенадцать лет старше его, она чувствовала себя в его присутствии робкой и неопытной девочкой, какой была двадцать лет назад.

После разговора с дочерью Лидия Александровна была сильно взволнованна. Но это было радостное волнение. Ей казалось что только теперь она начинает жить, а вся ее прежняя жизнь была чем-то нереальным, незначительным предисловием к тому, что ожидало ее теперь.

Чтобы успокоиться немного, она решила поехать на кладбище и помолиться на могиле Алексея.

Тишина кладбища всегда действовала на нее успокоительно. Сколько раз в трудные минуты, которые бывали и у нее, несмотря на весь внешний блеск и беззаботность

ее жизни, она отправлялась туда искать совета у своего ушедшего друга.

Она переоделась в темное платье и на трамвае отправилась в город. Там она прошла пешком по улице Гете, (которая позже была переименована в Кладбищенскую). Это была довольно шумная улица; с одной стороны ее находились многочисленные мастерские надгробных памятников, владельцами которых были большею частью далматинцы, а иногда и итальянцы. С другой стороны кладбища, еще задолго до его начала, шли бесконечные лавочки и просто деревянные навесы, под которыми продавались цветы, искусственные и живые, и венки. Но Лидия Александровна везла цветы из дому, из собственного сада, прекрасный букет из астр, георгин и осенних роз. Она вошла в широкие ворота и по прямой, как стрела главной аллее пошла вглубь кладбища. Эта аллея была обсажена деревьями и цветниками.

Белградское кладбище напоминало собой громадный благоухающий парк. Оно все было в зелени, весной здесь цвели фруктовые деревья, акации, магнолии, на ветвях которых пели соловьи. Недалеко от входа налево была часовня, а дальше — русская часовня и вблизи нее два колоссальных памятника — один в память русских воинов, жертв первой мировой войны, а другой — сербских. Русский, с большим склепом под ним был очень высокий и наверху его стоял колоссальный ангел со сложенными крыльями. Сербский был еще красивее и изображал защиту Белграда от врага. На верху его стояла чугунная пушка, солдат в шинели и вблизи гигантский раненый орел с распростертыми крыльями. Оба памятника были работой очень известного русского скульптора, Верховского, который впоследствии уехал в Америку. Вообще на кладбище было очень много замечательно красивых и разноообразных памятников, нередко с фигурами высеченными из мрамора или камня. Особенно был прекрасен один из белого мрамора, изображающий юношу поразительной красоты в рабочем костюме, стоявшего во весь рост и замахнувшегося молотом. Это был сын владельца лучшей мастерской надгробных памятников, очень талантливый скульптор, Бэртольди, который высек свою

статую из мрамора, а на следующий день покончил самоубийством и похоронен здесь.

Лидия Александровна всегда останавливалась перед этим памятником и задумывалась о том, что побудило этого полного сил юношу покончить расчеты с жизнью? Сегодня она пришла к заключению, что причиной этому могла быть только несчастная любовь.

У могилы Алексы она опустилась на колени и поставила принесенный букет в большую фаянсовую вазу.

Вокруг могилы цвели пышно разросшиеся розовые кусты; над ней возвышался строгий белый мраморный памятник с высеченным из того же мрамора бюстом молодого певца, который она заказала по его фотографии.

Она была здесь впервые после знакомства с Миодрагом и сейчас ее настолько поразило сходство между ее покойным женихом и настоящим, что она невольно вздрогнула и прикрыла глаза ладонью. На секунку ей показалось, что это Миодраг лежит здесь в гробу под этой тяжелой плитой, с овальным отверстием посреди, в котором цветут алые розы. Сердце ее болезненно сжалось и замерло в груди. Но она овладела собой и отогнала давящий ее кошмар. Нет, довольно уже утрат в ее жизни! Нужно же и ей, наконец, быть счастливой! Ведь молодость скоро пройдет, промелькнет как сон. Она теперь любила и сама жаждала любви. Весь мир казался ей особенно прекрасным, как бы обновленным. Она сейчас видела то, чего раньше не замечала. Каждая букашка, каждый цветок, приводили ее в восторг и умиленье. В течение шести лет была она верна памяти того, кто покоится в этой могиле, и теперь она всегда будет с тихой печалью вспоминать о нем. Но сейчас ее сердце, пробудившееся женское сердце, узнало бури и жаркую страсть. И она горячо молилась и просила своего друга простить ее за то, что она полюбила другого. Но ведь этот «другой» был так похож на него!..

VI

В большой гостиной ярко пылал камин. Вокруг овального стола с вязанием в руках сидели Вера Петровна, Неля и Надя Одинцова. Володя читал им вслух новый ро-

ман поклонницы Паулетти, который начал недавно выходить в « Недельных иллюстрациях».

Лидии Александровны не было дома. Она поехала в театр на репетицию, так как через два дня выступала в «Царской невесте», где пела партию Любаши, одну из самых любимых своих партий. Миодраг должен был приехать к ужину. Лидия передала ему свой разговор с дочерью, но еще не дала формального согласья на сделанное им предложение. Что ее удерживало она и сама не знала; ведь с каждым днем она любила его все сильнее. У нее не было основания сомневаться в искренности Нели. Но что-то в подсознании удерживало ее от решительного шага. Миодраг видел что она колеблется и это приводило его в отчаяние. Он больше не верил, когда она говорила что любит его, считая ее поведенье бессердечной игрой кокетки, избалованной поклонением мужчин. Он лишился сна и аппетита, был рассеян на службе и нередко по несколько дней не показывался в вилле Нестеровских. Она замечала, что он бледнеет и худеет, сердце ее разрывалось от боли и она решила положить конец невыносимому положенью и на Рождество, которое было уже не за горами, объявить его своим женихом. И даже сейчас, во время репетиции, она не могла целиком отдаться любимой работе и думала о нем, не подозревая, что он уже больше получаса прогуливается по Доситеевой улице, на которую выходят двери для артистов, и ждет ее.

За окном гостиной шел снег; был уже декабрь. Отрываясь по временам от работы, Нели бросала задумчивый взор в окно, где дремал ее любимый сад под белым снежным покровом. Мысли ее неслись далеко и она почти не слышала того, что читает Володя, несмотря на увлекательный сюжет романа.

Приближались рождественские праздники и в доме Нестеровских спешно готовились подарки для бедных и больных. Вера Петровна с Нелей с помощью Нади Одинцовой вязали светера, шарфы, носки, детские башмачки, в то время, как Володя исполнял обязанности чтеца. Покончив с «Недельными иллюстрациями», которые он прочел «от корки до корки» он принялся за «Время», где выходил наделавший много шума роман Маргариты Ми-

чэль «Пронеслось с ветром», который в течение одного дня прославил его автора, бывшаго до тех пор совершенно неизвестным, и был переведен на 36 языков. Роман был из эпохи борьбы северных американских штатов с южными, и героиня его Скарлет О'Хара, была идеалом всех белградских гимназисток, а герой — Рет Батлер, тоже завоевал их сердца. Прочитанное в газетах известие, что в Холливуде уже начали снимать фильм по этому роману, да еще в красках, вызвало взрыв общего восторга. (Нужно заметить, что из-за войны и оккупации фильм этот так и не попал в Белград).

Работа шла уже почти месяц и целые горы всевозможных вязаных вещей были сложены в ящиках. Настоящая зима и сильные холода начинались обыкновенно с конца декабря. Кроме того уже несколько раз всей компанией ездили в город выбирать и закупать подарки для взрослых и детей. Это были большею частью, полезные и практичные вещи, необходимые в домашнем обиходе бедняков, а так же книжки с картинками и игрушки для детей.

Перед уходом, прощаясь с Нелей, Володя незаметно передал ей сложенную аккуратно записку. Она спрятала ее в карман платья и прочла, когда осталась одна в своей комнате.

Молодой человек писал, что ему необходимо поговорить с нею серьезно, но у них дома этого сделать невозможно, так как они никогда не бывают одни. Поэтому он предлагает ей пойти завтра в кино «Колоссеум», где идет прекрасный фильм «Белый шейх». Если она согласна, он будет ждать ее в половине третьего вблизи их дома. Неля разорвала записку на мелкие клочки и задумалась. Она почти не сомневалась о чем он будет с нею говорить. Уже не раз подмечала она его влюбленные взгляды. Володя недавно окончил университет в Загребе, как инженер-строитель и после нового года ему была обещана хорошая служба. Родные его были люди довольно состоятельные и он ни в чем не нуждался. Не могло быть сомнений, что он собирался сделать ей предложение.

Молодая девушка встала и подойдя к окну, за которым попрежнему крупными хлопьями падал снег, прижалась лбом к холодному стеклу. Душа ее была неспокой-

на. Несколько минут она стояла неподвижно. Ее лицо побледнело и только синие глаза лихорадочно блестели.

— Да, надо идти! — произнесла она вслух, — другого выхода нет!

Нели прошлась по комнате, подошла к постели и стала медленно раздеваться. Упрямая морщинка залегла между ее бровей. Нужно было кончить все одним ударом. — Я должна сойти с его пути, — продолжала она свои размышления, — а для этого мне надо стать женой другого; но хватит ли у меня сил на это? Должно хватить. Я не в праве мешать счастью мамы. Ведь она так одинока! Она посвятила мне всю жизнь, окружала меня заботой и лаской. И она любит его. Любит так же сильно, как и я... Но вправе ли я разбивать чужую жизнь? Делать Володю несчастным? Ведь он такой милый, хороший... Нет, он никогда не узнает, что я не любила его. Господи, дай мне силы! Помоги мне и подкрепи!

И упав на колени, она стала горячо молиться, в то время как крупные слезы медленно катились по ее щекам. Но она их не замечала.

VII.

Неля медленно поднялась по ступеням. Легкий мороз разрумянил ее щеки, но глаза померкли, губы были горько сжаты. Все вышло так, как она предпологала. На обратном пути из кино Володя пригласил ее в кондитерскую и здесь за чашкой шеколода сделал ей формальное предложение. Так как она ожидала этого, то не была удивлена и сразу же согласилась. Она только просила не спешить со свадьбой, на что он не возражал, говоря, что и он должен сначала устроиться на службу, чтобы чувствовать почву под ногами. Потом он проводил ее, но к ним не зашел, так как спешил домой, потому что вечером к ним собирался прийти ужинать его товарищ с родителями. Неля была этому очень рада — ей хотелось поскорее остаться одной. Сегодня был четверг, тети не было дома, а Лидия Александровна уехала на генеральную репетицию «Царской невесты». Молодая девушка позвонила. Замок щелкнул, дверь быстро открылась; перед

ней стоял Миодраг. Нели даже вскрикнула; она никак не ожидала этой встречи и не была подготовлена к ней. При виде ее по лицу Миодрага промелькнуло выражение легкого разочарования. Он надеялся, что это вернулась Лидия Александровна, которую он с нетерпением ждал. Однако оба овладели собой; оба любезно улыбнулись.

— Добрый вечер, Неличка! Что, не ожидали видеть меня? А я давно уже сижу здесь в одиночестве! Ну, очень рад, что вас дождался! — Он пожал ей руку и они вошли в гостиную.

Разговор не клеился. Молодые люди чувствовали легкую неловкость. Они давно уже не оставались наедине и за последнее время между ними произошло какое-то отчуждение. Первое время после приезда Миодрага они всюду ходили втроем — гулять, развлекаться, в ресторан. Когда Неля узнала о любви молодого летчика к ее матери, она постаралась отойти. Под разными предлогами она уклонялась поддерживать им компанию или же сама уходила из дому с Надей и Володей Одинцовыми. Что касается Миодрага, то он тоже чувствовал себя перед ней не совсем-то ловко. Хотя он и старался в разговоре с нею сохранять прежний дружеский тон, это плохо ему удавалось. В словах его ей слышалась какая-то фальшь, она не узнавала в нем прежнего Миодрага. И он как-то безотчетно чувствовал свою вину перед нею, хотя и не знал, какую именно. Он никогда ей ничего не обещал, ни в чем не обнадеживал. Ни разу, даже шутя, не объяснялся ей в любви, не говорил о возможности будущей совместной жизни. И все же он чувствовал, что она как будто ждала от него чего-то, каких-то недоговоренных слов, что она любила его и была разочарована его молчанием. Молодой офицер, конечно, не подозревал, что ей известна его сердечная тайна.

С минуту продолжалось молчание. Миодраг первый заговорил: — Где же это вы были, Неличка? Развлекались? Вас теперь никогда и не видно — вы проводите все время в обществе своих новых друзей!

Она усиленно рассмеялась.

— Вы преувеличиваете, Миодраг! Впрочем, сейчас я, действительно, была в кино...

— И, конечно, в компании?

— Нет, представьте себе, на этот раз — вдвоем.

— Что я слышу? Быть может вас уже можно поздравить?

— Вы не ошиблись, мой друг, меня можно поздравить; с этого вечера я невеста и я очень рада, что именно вы первый человек, с которым я делюсь своим счастьем!

Произнося эти слова деланно-веселым тоном, с застывшей улыбкой на губах, молодая девушка была смертельно бледна, а лучистые и добрые ее глаза имели страдальческое выражение. Но Миодраг ничего этого не замечал. Он быстро встал и пошел к ней с протянутой рукой. Неподдельная радость озаряла его лицо. Он крепко сжал ее руки.

— Ну, поздравляю вас, Неличка! Поздравляю, и от души желаю вам счастья! Он такой милый, ваш жених! Мне он сразу понравился и я уверен, что он с делает вас счастливой!

— Да, я надеюсь! Благодарю вас, Миодраг, за добрые пожелания, — с трудом прошептала она в ответ.

Он продолжал держать ее руки в своих и у нее не было сил отнять их.

— А где же ваш браслет? — спросил он неожиданно. — Ведь он вам нравился, отчего же вы больше его не носите?

Она слегка вздрогнула и как бы колеблясь отвечала: — В нем испортилась застежка, я должна отдать его починить.

— Да, да, я сердечно рад за вас, Нели! — продолжал он, — ведь мы же старые друзья, не правда ли? — и он продолжал все в том же духе.

Она молчала, полузакрыв глаза, съежившись в уголку дивана. Слова его доносились до нее как будто откуда-то издалека; мучительная боль сжимала ей сердце. Ей казалось, что она сейчас задохнется. Хотелось крикнуть ему: «Замолчите! Довольно уже этой пытки! Не терзайте мне душу!»

Молодая девушка с ужасом сознавала, что он никогда не любил ее. Зачем же он тогда был так добр, так ласков с нею, зачем вселил в ее бедное, доверчивое сердце надежду на несбыточное счастье? И теперь он даже не пытается скрыть свою радость по поводу ее предпологае-

мого замужества! Напротив, он ясно дает ей понять, как счастлив он избавиться от нее, от ее ненужной ему любви. В нем даже нет присущего всем мужчинам чувства оскорбленного самолюбия, что ему предпочли другого. Он думает только о счастьи, которое ждет его теперь, когда она навсегда уйдет с его пути! Неля почувствовала головокружение, глаза ее наполнились слезами, которые она была не в силах сдержать. Он, наконец, заметил перемену в ее лице.

— Что с вами, Неля?! — воскликнул он испуганно. — Вы плачете? Боже мой, о чем?

Прижавшись лицом к спинке дивана, молодая девушка судорожно рыдала. И он немного побледнел и как будто понял скрытый сымсл этого внезапного взрыва отчаяния. Жалость к ней охватила его, но вместе с тем и эгоистический страх, что вот опять все испортится и рушатся его надежды на счастье с Лидией. Он принялся успокаивать Нелю как мог.

— Ну, довольно, дитя мое, перестаньте плакать! Конечно, вы много переволновались за этот день! Такая молоденькая и уже нервы не в порядке! Успокойтесь же, все будет хорошо!

Не отвечая ни слова на эти утешения, она собрала остаток сил и вскочив с дивана, отстранила его рукой и выбежала из комнаты. Минут через пять раздался звонок — это вернулась Лидия Александровна. Смущенный Миодраг не знал, как ему быть — рассказать ли ей о только что разыгравшейся здесь сцене или умолчать о ней? В конце концов он решил молчать, чтобы не волновать ее.

Неля тоже рассчитывала на это. Она не могла простить себе своей минутной слабости. Мысль, что Миодраг отгадал ее истинные чувства, приводила ее в отчаяние. Но в конце концов для нее было самое важное, чтобы ее мать не узнала об этом. А он, в этом Неля была уверена, будет молчать из страха, что Лидия Александровна откажется быть его женой, если узнает, что ее дочь продолжает любить его.

И потому Неля постаралась скрыть следы слез на своем лице и с самым беззаботным и веселым видом вышла в столовую к ужину. Поцеловав мать и распросив ее, как прошла репетиция, она поспешила сообщить ей «радо-

стную» новость. Пока она говорила, молодой человек, затаив дыхание следил за нею, но она даже ни разу на него не взглянула. Неля сказала, что на следующее утро Володя приедет к Лидии Александровне, чтобы официально просить ее согласья на их брак. Мадам Нестеровская отвечала, что она охотно даст свое согласие, если Неля любит его, так как счастье дочери для нее дороже всего на свете, хотя и находит, что Неля еще очень молода и ей бы следовало подождать с замужеством года два-три. Молодая девушка сказала, что свадьба состоится может быть только через год. Главное, чтобы Володя считался ее женихом, так как она не раз слышала и читала, что самое счастливое время в жизни женщины — это пока она невеста. При этих словах Миодраг улыбнулся, а Лидия Александровна звонко рассмеялась и бросила на него многозначительный взгляд.

Вскоре вернулась и Вера Петровна, которая очень обрадовалась, узнав новость. Она сказала, что не сомневается в том, что ее племянница будет счастлива, так как знает Володю с детства и он всегда был добрым и послушным мальчиком с отзывчивой к чужому горю и благородной душой. Разговор затянулся за полночь и в этот вечер все разошлись исполненные самых разнообразных чувств.

VIII

«Царская невеста» прошла блестяще. Состав был первоклассный. Любаша — Лида Нэри, Григорий Грязной — Паоло Паулетти и Марфа гастролерша из Вены. — Все пели и играли прекрасно. Во втором ряду сидели Одинцова с сыном и племянницей, Вера Петровна, Неля и Миодраг. После окончания спектакля артистов без конца вызывали. Лидия Александровна получила массу букетов, в том числе от Миодрага и от будущего затя. Вся компания поджидала ее у входа для артистов, чтобы поздравить с заслуженным успехом. Потом Одинцовы уехали с последним автобусом домой, а Миодрагу было предложено переночевать в вилле Нестеров-

ских, так как трамваи больше не ходили, а молодой человек хотел обязательно проводить их.

Он с радостью принял это приглашение, тем более, что на следующий день была суббота и он мог не идти на службу и провести два дня в обществе любимой женщины. Только Вера Петровна не принимала участья в этих приглашениях — она считала, что раньше он жил у них в качестве друга Нели, который спас ей жизнь и в котором видели ее будущего жениха. Теперь же, когда это расстроилось и молодая девушка была невестой другого, она находила его слишком частое пребывание в их доме совершенно излишним. Но Миодраг предпочел сделать вид, что не замечает красноречивого молчанья Веры Петровны и вслед за дамами вошел в элегантный автомобиль Нестеровских, который через пол часа примчал их на Дединье. В продолжение почти всего пути Неля была задумчива и молчалива. Когда мать спросила ее о причине, она сослалась на усталость.

Дома их ждал ужин и все сразу же направились в столовую. После ужина разговор затянулся. Был уже второй час. Неля извинилась, поднялась из-за стола и ушла в свою комнату. Вскоре и Вера Петровна последовала за нею.

— Нам нужно наконец договориться, Лидия, — произнес Миодраг, когда они остались вдвоем. — Я не в силах мучиться больше, бесконечно ожидая вашего решения!

Она бросила быстрый взгляд в направлении двери и сказала тихо: — Хорошо, мы поговорим, но только не здесь. Я, правда, сильно устала за сегодняшний день, но в то же время нервы у меня так возбуждены после спектакля, что я все равно долго не смогу заснуть. Пойдемте в маленькую гостиную. Там нас никто не услышит.

Они перешли в комнату, в которой три с половиной месяца назад Миодраг впервые открыл ей свое сердце. Теперь тут ярко горел огонь в камине, который всегда топили к возвращению Лидии Александровны со спектаклей, так как она имела обыкновение подолгу засиживаться здесь с книгой.

Миодраг придвинул ей кресло к огню, в которое она опустилась, а сам сел напротив.

— О чем же вы хотели говорить со мной? — спросила она.

— И вы еще спрашиваете меня об этом! — воскликнул он с упреком. — Подумайте, сколько времени прошло уже с того времени, как я просил вас быть моей женой!

— И что же, вы и до сих пор остаетесь при своем решении? Я предполагала, что вы одумаетесь...

— Но почему же, Лидия? Неужели вам так неприятен я сам и моя любовь?

— О, нет, мой друг, вы неправильно меня понимаете. Но если я соглашусь на ваше предложение, уверены ли вы, что никогда не пожалеете о том, что связали со мной свою судьбу?

— Как можете вы говорить это, дорогая? Я люблю вас больше всего на свете и буду любить до своего последнего вздоха. Я буду вечно гордиться вами, буду вашим преданным другом и помощником. Вы может быть опасаетесь, что сделавшись вашим мужем, я стану мешать вашей карьере? Не бойтесь этого, я понимаю, что для такой артистки, как вы, искусство должно быть на первом месте. Ваши успехи будут моими. Мы станем вместе путешествовать, когда моя служба будет мне это позволять. Клянусь вам, Лидия, что вам не придется жалеть о том, что вы сделали меня счастливым!

Она задумчиво смотрела на огонь. Что таилось в глубине ее изумрудных глаз? Миодраг не мог этого разгадать.

— Что удерживает вас? — продолжал он пылко. — Раньше вы ссылались на Нелю, теперь вы убедились, что Неля не любит меня, раз она согласилась выйти замуж за другого.

— Вы правы, мой друг, хотя все это кажется мне очень странным... Это ее неожиданное увлечение после того, как она столько времени жила только мечтой о вас.

— Молодые девушки непостоянны: сегодня им кажется, что они любят одного, завтра другого!

— Вы может быть и правы... Неля еще недавно уверяла меня, что любит Одинцова, а у нее нет никаких оснований быть со мной неискренней. Вот вам моя рука, Миодраг, а свое сердце я отдала вам уже давно — с того

самого дня как увидела вас впервые, — и молодая женщина протянула ему руку, которую он осыпал страстными поцелуями.

— Наконец-то, дорогая! Но как долго ты заставила меня страдать и терзаться сомнениями!

— Тем больше будешь ты теперь ценить свое счастье, — улыбнулась она.

— Ты права, но когда же мы отпразднуем помолвку?

— Об этом мы еще успеем поговорить, мой друг. Теперь наступает Рождество, будет масса всяких приготовлений. Мы должны объездить бедных и больных, приготовить всем подарки и вообще помочь, чем можно. Ты тоже будешь сопровождать нас, не правда ли?

— Конечно, дорогая; я люблю тебя за твое доброе сердце так же, как и за твою необыкновенную красоту и талант.

— Кроме того все это время я буду сильно занята в театре; послезавтра, как тебе известно, я пою Далилу и этот спектакль должен быть особенно удачным. Ходят слухи, что в Белграде находится сейчас проездом представитель одного крупного кинематографического предприятия в Холливуде. Он может быть в театре... Ты понимаешь, что мне необходимо поддержать свое реномэ.

— Да, конечно, хотя мне кажется, что ты всегда и в каждой роли божественно хороша.

Она улыбнулась.

— Это потому что ты смотришь на меня глазами влюбленного, а не критика. Нет, мне надо как следует подготовиться и потому окончим наш разговор. Теперь ты должен быть доволен и вероятно, сразу же заснешь. — Она встала. — Желаю тебе спокойной ночи.

— Скажи еще раз что ты хоть немного любишь меня! — прошептал Миодраг, удерживая ее за руку.

— Зачем же я буду говорить неправду? Я люблю тебя не «немного», а всем сердцем, всей душой.

— Лидия! Моя обожаемая Лидия! Существует ли кто нибудь на свете, кто был бы счастливее меня! — Он схватил ее в объятья и прижал к груди. Ее зеленые глаза полузакрылись и прекрасное лицо побледнело. Изящная головка в огненном ореоле растрепавшихся волос отки-

нулась на руку молодого офицера. Искушение было слишком сильно — и он не помня себя от любви и счастья, прижался к ее губам. Со всей силой пробудившейся страсти Лидия отвечала на поцелуй, первый любовный поцелуй в ее жизни. В глазах у Миодрага потемнело; он сжал ее в объятьях, чувствуя, что теряет власть над собою. Но она опомнилась и вырвалась из его сильных рук. Нет, никогда она не поддастся минутной слабости! Неужели она уподобится тем безвольным созданиям, которых она всегда немного презирала? Она, гордая, сильная натура! Нет, нет! Только когда Миодраг будет ее мужем, она подарит ему всю свою любовь!

— Прощайте, мой друг! До завтра! — и она выскользнула из комнаты, оставив молодого человека ошеломленного с затуманенной головой и лихорадочно горящим взором.

IX.

Спектакль «Самсон и Далила» прошел при переполненном театре и представлял огромный интерес для всех любителей оперы. Выступления Лиды Нэри были редкостью, так как она требовала слишком большой гонорар за свои гастроли. Достойным партнером ее был приехавший из Парижа известный драматический тенор, член Grand Opera, который с громадным успехом пел Самсона. Небольшую, но ответственную партию верховного жреца исполнял Паулетти. Дуэт его с Лидой Нэри вызвал бурю аплодисментов, так же, как и ее знаменитая ария: «Самсона в эту ночь ожидаю». После второго акта среди массы цветов, особое внимание Лидии Александровны привлек очень оригинальный букет крупных орхидей. В цветах артистка нашла визитную карточку с совершенно незнакомым ей именем. На обратной стороне было написано, что незнакомец просит принять эти цветы, как выражение его восхищения, а на следующий день в 5 часов сам будет у нее.

Эта записка сильно заинтриговала Лидию, хотя она почти не сомневалась что автором ее был таинственный

антрепренер из Холливуда, который находился здесь «инкогнито».

Хотя она была написана по-сербски (очевидно, не им самим, а лишь по его просьбе), но подписана иностранным именем «Давид Виндстон». Она показала цветы и карточку дочери и жениху и на следующий день стала готовиться к приему таинственного посетителя. Артистка употребила все свое уменье, чтобы казаться особенно привлекательной и действительно была ослепительна, когда, ровно в пять часов раздался звонок и в салон вошел небольшого роста плотный господин с седеющими волосами, маленькими живыми глазами и красным лицом. На мизинце его блестел перстень с крупным бриллиантом. Подойдя к молодой женщине и галантно поцеловав протянутую ему руку, он заговорил на очень плохом французском языке. Уловив несколько английских слов, Лидия перешла на английский. Это окончательно привело в восторг мистера Виндстона. Он рассыпался в комплиментах и лишь через полчаса приступил к главной цели своего посещения.

Мистер Виндстон, действительно, оказался представителем Холливудского предприятия, которое снимало сейчас фильм "Gone with the Wind". Следующий на очереди фильм предполагали снимать на библейский сюжет. Драматическая история любви еврейского героя силача Самсона давно уже привлекала внимание многих режиссеров и сценаристов. Фильм должен был называться «филистимлянка обольстительница».

После небольшого вступления мистер Виндстон сказал, что после вчерашнего спектакля он не хочет искать более подходящей Далилы и предлогает ей главную роль в этом фильме.

Предложение Виндстона являлось пределом ее мечтаний. Оно открывало ей путь к славе и богатству. Правда, Лидия уже играла в двух чешских фильмах, но Чехия не Холливуд! После небольшого молчания она спросила, когда она должна выехать в случае своего согласия. Гость отвечал, что не позже начала мая.

Лидия задумалась; она не знала, как отнесется ко всему этому Миодраг. Любовь ее была так сильна, что она не могла пожертвовать ею даже своему честолюбию.

Между тем американец достал уже приготовленный заранее контракт и разложил его перед Лидией. Взгляд молодой женщины упал на очень крупную сумму, обозначенную в контракте, но она все медлила подписать его.

— К сожалению, я не могу дать вам окончательный ответ, — сказала она. — Прежде всего мне необходимо знать сколько времени должна я там пробыть?

— Приблизительно около года, а может быть и больше.

Она вздохнула.

— В таком случае мне, вероятно, придется отказаться от вашего лестного предложения.

Американец даже вскочил с места и с шумом отодвинул кресло. Он с изумлением смотрел на женщину, которая отказывалась стать славной и богатой.

— Но отчего же, мадам? Ведь потом вы, без сомнения, получите новый ангажемент. Вы сделаетесь звездой экрана! С вашей блестящей внешностью и талантом в этом не может быть никакого сомнения!

— Быть может, но дело в том, что теперь я не собираюсь делать карьеру на экране, потому что... — она минуту поколебалась, — потому что я выхожу замуж.

— И ради этого вы готовы пожертвовать вашей карьерой!.. Извините меня, мадам, но это ведь безумие! Такой другой случай вам больше не представится! Подумайте только — грандиозный фильм в красках, на реализацию которого ассигнованы миллионы! И вы с вашими пышными огненными волосами и зелеными глазами, как будто созданы для роли «филистимлянки — обольстительницы».

— Тем не менее мне, вероятно, не придется ее играть, — произнесла она с невольным сожалением.

— Но мне необходим ваш ответ! Завтра рано утром я вылетаю в Сан-Франциско.

— Вы начинаете снимать ваш фильм через шесть месяцев — через два месяца я напишу вам окончательно, мистер Виндстон.

— Ну, что же, пусть будет по вашему, мадам. Я надеюсь, что обдумав все хорошенько, вы подпишите этот контракт, который я вам оставляю.

Лидия Александровна проводила своего гостя до дверей, где он почти столкнулся с входящим Миодрагом.

— Мой жених, — представила его артистка. Мужчины обменялись любезными поклонами. Молодой летчик был счастлив, что Лидия открыто назвала его женихом, а мистер Виндстон при виде его уже не удивлялся так сильно, что ради него певица готова была отказаться от блестящей карьеры.

Приближалось Рождество. Этот праздник Лидия Александровна со своими родными всегда посвящала делам благотворительности. Уже за несколько дней до Рождества они всей компанией отправились в дом слепых в Земуне, чтобы внести луч радости в темную жизнь этих несчастных. Их сопровождала также сестра Алексы Ковачича, теперь госпожа Миленкович, жена капитана, которая тоже по мере возможности занималась делами благотворительности в память своего умершего любимого брата. Потом они объездили почти все больницы столицы, побывали и в санатории для туберкулезных, в которой умер Алекса. Они раздавали больным подарки, лакомства, книги и журналы и небольшие суммы деньгами. Для всех у них находилось ласковое слово утешения и ободрения. Посещение их было настоящим праздником для больных и обездоленных и долго еще служило темой для разговоров.

В канун сочельника, так называемый «Туцын день» они объехали окраины, где ютилась беднота. Для этого главным образом и предназначались горы вязаных вещей, над которыми еще с осени начинали работать в доме Нестеровских. За эти дни им пришлось видеть столько горя, слез и страданий, что даже беззаботная молодежь притихла и призадумалась. Надя Одинцова уже не болтала без умолку, разражаясь поминутно громким и часто беспричинным смехом. Она видела, что кроме той жизни, которую вела она сама и ее окружающие, есть еще и другая, мало им известная, но полная лишений и тяжелой борьбы.

Эти поездки так сильно расстроили и утомили Лидию Александровну, что она почти все праздники провела дома у зажженной елки в кругу своей семьи. Тогда же она объявила домашним, что вскоре намерена выйти замуж

за Миодрага Аранджеловича. Новость эта не была неожиданностью ни для Веры Петровны ни для Нели.

Вера Петровна давно уже догадывалась об увлечении своей невестки и теперь холодно поздравила ее и Миодрага. Лидия Александровна заметила эту сдержанность, но не придала ей особого значения.

— Она хотела бы, чтобы я всю жизнь оставалась верна памяти ее брата, та́к же как она верна памяти своего мужа, — говорила она жениху, — но я еще слишком молода, чтобы навсегда отказаться от любви а к тому же я никогда не любила своего мужа. Ты моя единственная любовь, король моего сердца! — И обвив его шею руками, она прижалась к его губам горячим поцелуем.

— И неужели ты меня покинешь, Лида, и на целый год уедешь на съемки в Холливуд? Если ты сделаешь это, то, значит, совсем меня не любишь, потому что я умру от тоски без тебя ! — страстно говорил молодой летчик, прижимая ее к груди и совершенно забывая о том, что еще так недавно он торжественно обещал не мешать ее карьере. Но ей было не до того, чтобы напомнить ему об этом: страсть туманила ей рассудок, она едва находила в себе силы, чтобы владеть собой. Нежно освобождаясь из его объятий, артистка отвечала:

— Будь спокоен, мой друг, я завтра же напишу этому господину, что отказываюсь от его лестного преложения и отошлю ему его контракт неподписанным!

— Благодарю тебя, дорогая! — отвечал он, сияя от счастья и осыпая ее руки горячими поцелуями.

Хотя Неля со дня на день ожидала услышать весть о скором замужестве своей матери, тем не менее она сильно ее потрясла. Как ни старалась молодая девушка владеть собой, от Веры Петровны, незаметно за ней наблюдавшей, не укрылась перемена в ее лице. Но это продолжалось одно мгновенье, она встала из-за стола — дело было за ужином — и заставив себя улыбнуться, подошла к матери и сердечно поцеловав ее, пожелала ей счастья. Потом она протянула руку Миодрагу и поздравила его. Счастливые влюбленные ничего не заметили.

Только Вера Петровна в этот вечер долго сидела глубоко задумавшись у своего письменного стола...

X.

В опере шла долгожданная премьера «Мертвые глаза» Д'Альбера. Театр был полон и кроме того ее передавали по радио.

Лидия Александровна пела небольшую, но ответственную партию Марии Магдалины (Действие происходит во времена Иисуса Христа).

Пролог только что окончился; началось самое действие. Музыка этой оперы прекрасна и сюжет ее очень оригинален.

В одной римской провинции в своем загороднем дворце живет римский сенатор Арцезиус со своей молодой женой.

Он настолько же богат и славен, насколько безобразен. Хромой, горбатый, с подслеповатыми глазами и отталкивающим лицом, он мог бы пожалуй, сравниться только с героем Виктора Гюго-звонарем Квазимодо. И, тем не менее, он муж изумительной красавицы. Но красавица эта — слепая. Этим и объясняется тайна ее страстной к нему любви. Она по происхождению гречанка. Сенатор нашел ее маленькой девочкой под маслиной в своем саду. Он воспитал ее и женился на ней. Миртоклэ обожает его и считает красавцем.

Главные партии пели Паоло Паулетти и молодая босанка Бахрия Н. Х., которая прославилась исполнением ролей Саломеи и Таис. Нельзя было без волнения слышать их любовные дуэты. Миртоклэ — стройная, гибкая и тонкая в белом греческом пеплуме казалась чем-то неземным рядом со своим мужем, похожим скорее на какое-то чудовище, чем на человека. Один поклонник артистов сделал из своей ложи целый ряд интереснейших снимков этой оперы. На фоне прекрасных декораций, изображающих южную природу, среди сгущающихся сумерок, создавалось какое-то жуткое впечатление и предчувствие надвигающейся трагедии невольно овладевало зрителями.

И она, действительно, наступает.

Мария Магдалина рассказывает народу о чудесах Христа и служанка Миртоклэ приносит своей госпоже весть о появившемся пророке и чудотворце и советует обра-

титься к нему. Миртоклэ взволнованная уходит в отсутствие своего мужа и возвращается домой прозревшая.

Молодая женщина счастлива. Она одевает свой лучший наряд и взяв в руки зеркало любуется собою. Она не может себе представить, что эта красавица — она сама. Миртоклэ с нетерпением ожидает прихода любимого мужа и рисует себе его удивление и радость. В эту минуту на террасу их дворца входит молодой римский офицер, посланный к ее мужу с каким то поручением. Это старый знакомый сенатора, который не раз с тайным восхищением засматривался на его жену.

Молодой офицер очень хорош собой. Он высок, строен, на голове у него серебряный шлем с римским победоносным орлом на черных как смоль кудрях. Нет ничего удивительного в том, что восхищенная Миртоклэ принимает его за своего мужа, которого ее воображение рисовало всегда красавцем. Она идет к нему с распростертыми объятьями и говорит о своей радости по поводу своего чудесного исцеления. Молодой человек поражен и не в состоянии произнести ни слова. Она удивляется его молчанью и взяв его за руку, начинает говорить о своей любви. Тогда долго сдерживаемая страсть берет верх над рассудком, и схватив ее в объятья, юноша прижимается к ее губам жарким поцелуем.

К несчастью, как раз в эту минуту появляется Арцезиус, который, увидев свою жену в объятьях офицера, как дикий зверь одним прыжком бросается на него и в припадке бешеной ревности душит его. Молодая женщина с болезненным криком падает без чувств на землю. Первое, что она увидела, прозрев, — было убийство.

На шум сбегается народ и сенатор-убийца принужден спасаться богством.

Понемногу Миртоклэ приходит в себя. Все происшедшее кажется ей тяжелым кошмаром.

С непередаваемым ужасом она вспоминает, что ужасное чудовище-убийцу называли именем ее мужа. Страшная истина теперь становится ей известна и она горячо молит Бога взять обратно зренье, которое он ей дал. Она становится прямо под палящими лучами южного солнца, и широко открыв глаза, поднимает голову и дол-

гое время остается неподвижна. Когда солнце выжигает ей глаза, она без сил опускается на землю.

Между тем начинает темнеть и муж Миртоклэ осторожно пробирается к своему жилищу. Она слышит его голос издали зовущий ее, и собрав все душевные силы, молодая женщина отвечает ему.

Он входит и с опаской спрашивает, видит ли она, на что она отвечает, что нет. Арцезиус робко распрашивает ее о событиях, свидетельницей которых она была, но Миртоклэ уверяет, что ничего не знает. На его последний вопрос о том, видела ли она его, она тоже отвечает отрицательно и приносит себя в жертву человеку, которого больше не любит, но считает своим долгом оставаться с ним.

Занавес опустился под гром восторженных аплодисментов. У Нади Одинцовой от усердия горели и болели руки. Неля тоже временно отвлеклась от своих тяжелых душевных переживаний.

Веры Петровны в театре сегодня не было, мадам Одинцова тоже была занята и Неля пошла с женихом и его кузиной. Миодраг, конечно, тоже приустствовал на спектакле, но сидел отдельно. Он, по обыкновенью, остался ждать Лидию Александровну. Опера была короткая и окончилась рано; у него еще было достаточно времени, чтобы проводить невесту и попасть на трамвай в город.

Неля не осталась ждать мать. Мысль находиться с нею и Миодрагом, видеть влюбленные взгляды, которыми они обмениваются, казалась ей невыносимой. Под руку с женихом и подругой она вышла на улицу и очень обрадовалась, когда они предложили проводить ее домой. Володя взял такси и они отправились, обмениваясь по дороге впечатлениями относительно спектакля. Молодой человек подсмеивался над кузиной, говоря, что после того как она написала письма всем оперным премьерам по очереди и ни от кого не получила ответа, она познакомилась с одним хористом и ходит с ним вместе в кино. Надя, по обыкновению, возмущалась, краснела, отрицала; дорога прошла незаметно и вскоре Неля была в своей комнате, одна со своими невеселыми мыслями.

XI.

Зима кончалась. Для Лидии Александровны и Миодрага она промелькнула незаметно. Молодая женщина была счастлива как никогда. Она не думала ни о чем другом кроме своей любви, даже не сожалела об упущенном случае сделать карьеру в Холливуде, о чем она прежде так пламенно мечтала. Все свое свободное время она проводила в обществе жениха и уже приближался день их официальной помолвки.

Неля чувствовала себя лишней в их обществе и старалась избегать его. Хотя Лидия Александровна приглашала ее каждый раз когда они собирались на прогулку, на каток, в кино или ресторан, молодая девушка под какимнибудь предлогом уклонялась. Это, впрочем, находили вполне естественным и Лидия Александровна смеясь говорила, что нет ничего удивительного в том, что ее дочь предпочитает общество своего жениха.

Только однажды Неля пошла с ними на каток, когда Володя ходил по делу относительно своей службы, с которой все как-то не клеилось, но это не доставило ей никакого удовольствия, а, напротив, принесло лишь новые страдания. Видя ее грустной и молчаливой, Лидия Александровна предпологала, что она скучает без жениха, так как в присутствии матери молодая девушка изо всех сил старалась розыгрывать роль влюбленной невесты.

В каждом слове Миодрага, обращенном к ней, ей слышалась фальшь и нередко случалось, что она отвечала ему в резком тоне и их прежняя дружба постепенно обратилась как будто в скрытое недоброжелательство. Но так как в присутствии Лидии Александровны оба остерегались высказывать свои чувства, то молодая женщина не замечала перемены в отношениях между дочерью и летчиком.

Миодраг предпологал, что Неля ревнует мать к нему, так как считает, что он как бы отнимает у нее Лидию Александровну, которая до этих пор все свое внимание уделяла исключительно ей. Промелькнувшая как-то мысль о том, что быть может она в тайниках души продолжает любить его, теперь казалась ему абсурдной и нелепой. Ведь она на каждом шагу подчеркивала свою

привязанность к Володе Одинцову. Возможно, и даже наверное, что она прежде и любила его самого, но не встретив ответа на свои чувства и убедившись, что он любит ее мать, быстро утешилась и увлеклась другим. Так думал Миодраг. Но был ли он прав в своих предположениях?..

Приблизительно то же самое считала и Вера Петровна. Но все же душа ее была неспокойна. По временам ей казалось что племянница нисколько не любит своего жениха, а только для чего-то притворяется. «Но какой ей смысл делать это?» — спрашивала она себя и не находила ответа на этот вопрос.

Она знала, что Неля любила Миодрага, а сердце ее вовсе не было изменчиво. Слушая ее восторженные рассказы об ее друге, она не сомневалась, что дело кончится свадьбой и теперь невольно упрекала в душе невестку за то, что та как бы «отбила» жениха у дочери. Правда, Володя Одинцов был ей гораздо симпатичнее и ближе. Это был сын ее старых друзей, знавших ее покойных мужа и брата. Если бы только она могла быть уверена в том, что ее Лиля счастлива, Вера Петровна никогда не пожелала бы ей лучшего мужа. Но на ее глазах с молодой девушкой происходила какая-то странная перемена. На людях она бывала как-то неестественно оживлена и весела; ее глаза с расширившимися зрачками странно блестели, губы нервно подергивались. Но когда ей казалось, что никто за ней не наблюдает, она становилась рассеянна и апатична. Особенно запомнился Вере Петровне один вечер, когда она неожиданно вошла к ней в комнату. Неля сидела облокотившись на стол, точно в каком-то оцепенении, бледная, с остановившимся взором. В эту минуту она нисколько не походила на счастливую невесту, стоявшую на пороге новой жизни. Страдальческое выражение ее лица поразило Веру Петровну и заставило больно сжаться ее сердце. «Тут что-то неладно!» — подумала она, — «и я должна, наконец, выяснить, что именно».

Неля всегда была хрупким ребенком; в детстве она часто болела и была малокровна. За последних два года она сильно поправилась, а теперь опять заметно похудела. Тетка уже несколько раз хотела обратить на это внимание Лидии Александровны, которая, вся поглощенная

своим личным счастьем, не замечала перемены в дочери. Однако что-то удерживало Веру Петровну от этого. «Я должна сначала узнать причину ее тоски и страданий», — думала она и незаметно следила за каждым движением молодой девушки.

Между тем начиналась весна. Был конец марта. После сильной, «кошавы», — ветра, который, обыкновенно, дует в Белграде в марте и в ноябре, выглянуло солнце и наступили теплые дни. Снег давно уже растаял и улицы высохли. Природа быстро пробуждалась от зимнего сна. На базарах и на улицах продавались первые цветы. В городских парках и скверах зеленела трава. В чистом, прозрачном воздухе чувствовалось что-то пьянящее. Все, кто не был связан службой, вышли из домов вдыхать аромат весны. И Неля с женихом медленно шла по главной аллее Калемегдана; по временам они останавливались и перегнувшись через ограду смотрели на Саву, на гладкой поверхности которой весело играли солнечные лучи. Справа от аллеи под липами, на которых только что начали распускаться нежные листочки из набухших, точно смазанных лаком почек, стояли скамейки, но молодые люди шли все дальше. В конце аллеи широкая лестница, уставленная красивыми вазонами с цветами, спускалась к большой террасе, украшенной бюстами известных поэтов и клумбами, на которых уже начинали распускаться первые весенние цветы — желтые и фиолетовые, точно бархатные анютины глазки и нежные незабудки. Здесь стояли каменные скамьи без спинок, окруженные кустами сирени. Отсюда открывался волшебный вид на слияние двух рек — Дуная и его притока Савы — с романтичными, покрытыми лесом островами, с величественным мостом короля Александра, фантастическими контурами павильонов, в которых каждую весну и осень происходила выставка — «Весеньи и есеньи Саям». Особенно выделялась башня, напоминающая в миниатюре Эйфелеву, с которой во время выставки любители, а главным образом, любительницы сильных ощущений, спускались на парашютах. Вдали виднелся Земун — живописный городок на берегу Дуная — теперь пригород Белграда. В направлении него по реке двигались белые пароходы; слышался рев сирен и к безоблачному небу поднимались клубы серого дыма.

Полюбовавшись несколько минут этой величественной, такой привычной и родной картиной, молодые люди свернули в извилистую боковую аллейку, прошли через тоннель и по каменной узкой лестнице поднялись на верхнюю площадку. Это были остатки турецкой крепости, прекрасно, впрочем, сохранившейся. Здесь все напоминало о славном прошлом сербского народа, о его многовековой героической борьбе с турками. Само название крепости — «Кале-мегдан», по которой стал называться и весь огромный, окружающий ее парк со своим павильоном, в котором происходили художественные выставки, многочисленными статуями, бронзовыми бюстами писателей и поэтов, фонтанами, цветниками, военным музеем и прекрасным зоологическим парком, — в переводе с турецкого значит «Место для поединков». Когда-то на этом месте была тоже крепость, так как Белград существовал еще во времена римлян и назывался тогда Сингидунум. С тех времен сохранились подземные ходы и катакомбы, пещеры в скалах, которые впоследствии во время войны служили бомбоубежищами.

Неля и Володя сели на скамейку у стены. Кругом уже начинала зеленеть весенняя яркая и свежая травка. Среди нее мелькали фиалки. Из камней выползали ящерицы, еще вялые после зимней спячки, некоторые с отпавшими хвостами, и нисколько не пугаясь близости людей, грелись на весеннем солнышке. Вправо от них на самой верхней площадке на фоне ярко-голубого неба выделялась гигантская статуя «Победителя», державшего сокола на вытянутой руке, а другой сжимавшего меч.

Здесь наверху воздух был как-то особенно чист и пьянящ. Это было любимое место Нели. Как часто год назад, ожидая приезда Миодрага, она мечтала сидеть здесь с ним! И то, что она была тут теперь с другим, казалось ей святотатством. Но ее ли была в этом вина? Ведь не она пренебрегла им, променяла его на другого; он, Миодраг, отверг ее чистую, преданную любовь. И она не смела даже ревновать. Ведь ее соперницей была не другая девушка, а полубожество — ее мать.

Неля с самого детства обожала свою мать; ее красота, талант, окружающий ее ореол славы, делали ее похожей на греческую богиню. А Неля увлекалась мифологией и

мать представлялась ей чистой и гордой Артемидой, богиней луны и охоты; и, действительно, Лидия Александровна любила, особенно летом, носить платья и прическу в греческом стиле. Молодая девушка считала себя такой незначительной рядом со своей прекрасной матерью, что сразу поспешила отойти и стушеватьтся. Но по временам ей становилось до боли жаль себя, своей погибшей любви. Так и теперь, погруженная в свои грустные мысли, она почти не слышала, что говорит ей Володя. Невольно слезы навернулись ей на глаза; молодая девушка не имела сил их сдержать и две крупных слезы медленно покатились по ее щекам.

— Что с вами, Неличка?! — воскликнул Володя, сжимая ей руку, — что случилось?

Она поняла, что выдает себя, собрала все свои душевные силы, вытерла слезы и улыбнулась. — Право, не знаю... это, вероятно, весна действует так на меня. Говорят это бывает, особенно с малокровными, как я. Не обращайте внимания, Володя! Взгляните лучше, как хорошо вокруг! Через два дня открывается выставка, мы с вами пойдем, не правда ли?

— Конечно, Неля; вероятно и ваша мама поедет тоже и Миодраг Стефанович.

Она побледнела и опустила глаза, не находя в себе сил для ответа. Но он ничего не заметил и задумчиво произнес:

— Вот неприятно, что с моей службой все как-то не клеится... А ведь это для меня такой важный вопрос! Все только обещают и обещают... Просто беда!

— Не огорчайтесь, Володя, нам некуда спешить, — отвечала она поспешно.

— Да, конечно, мы еще молоды, но каждому хочется поскорее устроить свою жизнь.

«Устроить жизнь» — эти слова ее поразили.

Да, значит все это не шутка, не пустяки, она невеста этого человека, она стоит на пороге новой жизни...

Возможно ли это? Ведь она ни разу даже не задумалась серьезно над этим вопросом. Она была всецело поглощена только одним, — чтобы никто и, главным образом мать, не догадались об ее тайне. И ради этого она готова была принести в жертву этого милого юношу, ко-

торый любил ее так же глубоко и сильно, как она сама любила Миодрага. Она почувствовала что-то вроде укоров совести. Но что делать? Как исправить зло? Она не знала.

— Володя, — тихо сказала она, — обдумали ли вы свое решение? Подходящая ли я жена для вас? Вы молодой способный инженер, перед вами широкая дорога. Каждая девушка охотно согласится быть вашей женой, а ведь в Белграде так много красивых девушек! Да, красивых и богатых. А я — бесприданница.

Володя весело рассмеялся.

— Неужели я кажусь вам похожим на человека, желающего жениться на приданном? Вот уж никак не ожидал! Дайте-ка мне ваше зеркальце, Неля! Нет, как будто бы не похож! К тому же мы не живем во времена Островского!

— Вы все шутите, Володя, а между тем это серьезный вопрос. Ведь все наше кажущееся богатство — блеф, вам, как своему другу, я могу это сказать.

— Но ведь Лидия Александровна зарабатывает большие деньги на гастролях и за свои выступления по радио?

— Да, конечно, но все они уходят, чтобы поддержать этот внешний блеск, который должен окружать ее, как знаменитую артистку. А ее драгоценности и костюмы, о которых пишут в газетах? Ведь мама никогда не выступает в «казенных» театральных костюмах. У нее собственные и она их часто меняет. Вы видели ее костюмы в роли Кармен, Далилы и Амнерис в «Аиде»? Эскизы для них рисовали известные художники. Все это стоит очень дорого, но для маминой карьеры необходимо. Все деньги, которые ей удалось собрать раньше, пошли на постройку нашей виллы, оставались еще и долги... А сколько денег уходит на добрые дела! Мама ведь не забыла того времени, когда она сама была бедна и я особенно люблю ее за ее золотое сердце и постараюсь всегда, конечно, по мере сил и возможности, поступать так же, как она!

Володя поднес к губам ее маленькую ручку.

— Конечно, дорогая моя, славная Неличка! Мы будем вместе стараться облегчать нужду и горе повсюду, где будем его встречать! Смотрите с надеждой в будущее!

Вместе с вами, с вашей помощью, я пробью дорогу в жизнь и без особого богатства мы будем счастливы и довольны своей судьбой, не правда-ли?

Она была взволнована и растрогана до глубины души.

А отчего и в самом деле она не могла бы быть счастлива с этим честным, великодушным юношей, который любит ее и готов был работать для блага обездоленных и протянуть руку помощи нуждающимся?

— Ах, почему мы не встретились раньше!.. — невольно прошептала она.

Он весело рассмеялся.

— Мне кажется, что и теперь еще не поздно! Вы, наверное, забыли, Неля, что вам только восемнадцать лет!.. Нет, она не забыла. Она знала, что в ее годы только начинают жить; а между тем ей казалось, что позади нее уже длинная, полная страданий жизнь, а впереди ничего — мрак и пустота...

«Нет, я не могу быть вашей женой, Володя!» — хотелось крикнуть ей, но видя его таким веселым, жизнерадостным, полным надежд на счастливое будущее, она была не в силах нанести ему этот удар. И сейчас же мелькнула другая мысль, подкралось опасение, что если она поступит так, мать может догадаться о ее чувствах к своему жениху. А Неля больше всего на свете боялась разбить счастье Лидии Александровны. Она считала, что ее мать слишком долго посвящала ей все свое свободное время, отдавала всю свою нежность и заботу и теперь имела право пожить, наконец, личной жизнью. О, как бы Неля была счастлива, если бы объектом любви Лидии Александровны являлся кто-нибудь другой, а не Миодраг! Но она никак не могла представить молодого летчика в роли своего отчима.

Когда она только начинала думать об этом, то чувствовала, что у нее холодеет сердце. Но точно так же она не могла представить и себя женой другого. И потому она не могла серьезно отнестись к тому, что она — невеста Володи. Ей казалось, что все это странная шутка или сон и вот она сейчас проснется и все будет попрежнему; и Миодраг снова станет ее другом, как он был там, в Далмации, когда они вместе карабкались по скалам или отправлялись в поиски красивых ракушек и морских

звезд. Воспоминания об этих днях, казавшихся теперь такими далекими, и, увы, безвозвратно ушедших, были единственной отрадой в ее жизни. Она с замиранием сердца вспоминала каждое его ласковое слово, обращенное к ней, (а их было так много!..), каждый взгляд, такой многообещающий и красноречивый, каждый жест, пожатие руки... Однажды он даже поцеловал ее в щеку — правда, это был единственный раз. Ах, как она тогда смутилась, как покраснела, убежала от него! По временам эти мысли и воспоминания казались ей недопустимыми и греховными — ведь теперь это был жених ее матери — но все же, особенно в бессонные ночи, она продолжала пить их сладостную отраву и когда под утро молодая девушка наконец забывалась беспокойным, лихорадочным сном, он являлся ей таким же, как был прежде, — ласковым и нежным — и ей слышались страстные слова любви, которых она никогда не слышала от него наяву...

Видя, что его невеста опять задумалась, Володя взял ее за руку и сказал:

— Не горюйте, Неличка! Увидите, что вскоре я получу службу и все прекрасно устроится! Не так уж мы с вами бедны, чтобы из-за этого страдать! Конечно, у мамы есть кое какие средства, которые остались от покойного папы, но вы понимаете, что я не хотел бы ими пользоваться, так как они нужны маме и Наде, которая с раннего детства, оставшись сиротой, жила у нас и только два года, которые мы провели в Загребе, оставалась здесь у наших друзей, чтобы не переводиться в Загреб в другую гимназию. Между тем дела папы перед смертью шли не особенно блестяще...

— Тоже было и с моим отцом. Когда он умер, мама только что начинала свою карьеру; оставленные им деньги быстро разошлись. Конечно, кое-что я получу к свадьбе от тети; ее муж был богат. Но со времени его смерти прошло уже 16 лет и ей нужно было на что-то жить!

— Будем надеяться на самих себя, Неля! Это самое лучшее. Главное — это здоровье, а все остальное прийдет само. А вот вы что-то за последнее время сильно похудели, милая Неличка! Мы уже говорили об этом с Верой Петровной. Она тоже встревожена.

Молодая девушка махнула рукой, нервно рассмеялась и поднялась со скамьи.

— Все это ваши фантазии! И вы и тетя обращаете на меня слишком много внимания! Я совершенно здорова и просто кажусь вам бледной по сравнению с другими подрумяненными девушками! Однако нам пора идти, приближается обеденный час и мама будет недовольна, если я опоздаю.

Они пошли обратно и вскоре вышли из Калемегдана на улицу Князя Михаила или «Корзо». По вечерам здесь гуляло так много публики, главным образом, молодежи, что продвигаться там можно было лишь с большим трудом и очень медленно. Да и по утрам в хорошую погоду здесь было очень много гуляющих. Перед кафе и кондитерскими столики стояли прямо на тротуаре. Повсюду слышались громкие разговоры и веселый смех. И женщины и мужчины были одеты по парижской моде. Молодые люди почти все были высокого роста, хорошо сложенные, смуглые с темными волнистыми волосами, красивыми глазами и правильными чертами лица. Особенно эффектно выглядели в своей нарядной форме гвардейские офицеры. Среди женщин тоже было очень много красивых и элегантных. Все приезжающие в Белград иностранцы обращали внимание на красоту и природный шик его обитательниц. И Неля всегда любила смешиваться с этой веселой, нарядной толпой, чувствовать себя ее частицей. На минуту она позабыла о своих душевных терзаниях, почувствовала себя прежней беззаботной Нелей. Она была одета по весеннему в изящном костюме песочного цвета с букетиком незабудок, в голубой шляпе и светлых туфлях и перчатках. На ее всегда бледном теперь лице заиграл румянец. И Володя, видя ее оживленной, сам почувствовал себя довольным и счастливым. Он любил ее искренно и глубоко; для него она была смыслом и целью жизни. Но он относился к ней как к чему-то возвышенному и всегда говорил, что таких девушек как Неля теперь больше нет. Она казалась ему идеалом кротости и чистоты и хотя они уже почти полгода считались женихом и невестой, он ни разу не осмелился поцеловать ее, боясь ее этим оскорбить. Она представлялась ему редкой и дра-

гоценной японской вазой, такой хрупкой, что ее легко разбить неосторожным прикосновением.

XII.

Помолвка Лидии Александровны и Миодрага была отпразднована в тесном кругу родных и близких друзей. После веридбы — обряда обручения — священник и Одинцовы остались у Нестеровских обедать. Весь день прошел очень оживленно. Особенно веселой казалась Неля. Она поминутно разражалась взрывами звонкого смеха и изобретала всевозможные, самые разнообразные тосты в честь матери и будущего отчима. Надя Одинцова шумно восхищалась ее остроумием, аплодировала и хохотала. Она спрашивала Нелю когда же, наконец, будет ее помолвка с Володей? Молодая девушка отвечала, что они оба русские, а праздновать помолвку заранее — обычай чисто сербский.

— Но мы зато будем венчаться в один день, не так ли, Неличка?! — воскликнула Лидия Александровна.

— Нет, мамочка, — с бледной улыбкой отвечала молодая девушка, — наша свадьба будет, наверное, не раньше осени — как раз когда вы вернетесь из Италии со свадебного путешествия.

Миодраг взглянул на Нелю, потом отвел глаза. В его лице как будто что то дрогнуло, но это продолжалось одно мгновение. Быть может где-то, в самых тайниках его души, шевельнулось сострадание к этой девушке, которая еще так недавно любила его так преданно и нежно. Но в чем он мог упрекнуть себя? Неля была прелестна, он от всего сердца желал ей счастья, но он обожал эту ослепительную красавицу, которая сидела сейчас рядом с ним с чарующей улыбкой на ярких губах. О, как он любил ее, свою невесту! Он до сих пор не смел верить своему счастью. Как пуста была его жизнь до встречи с нею и как полна она теперь! Он с благодарностью и бесконечной нежностью взглянул на Лидию Александровну. Неля перехватила этот взгляд и невольно побледнела. Вся душа его — любящая, преданная — была в этом взгляде.

«Боже, пошли им счастья!» мысленно молилась Неля за дорогих ей существ, «пусть лучше я одна буду страдать, чем мы все были бы несчастны!»..

Наконец окончился этот веселый, но и утомительный день. Все разошлись. Миодраг тоже уехал, так как на следующий день Лидия Александровна пела в «Долине» Д'Альбера и хотела рано лечь. Неля чувствовала ужасную усталость. Не думая больше ни о чем, она упала на постель и тотчас же заснула тяжелым сном без сновидений.

На следующее утро молодая девушка проснулась от легкого стука в дверь. Это была Вера Петровна, удивленная что ее племянница так долго не выходит из своей комнаты.

— Я заспалась сегодня, тетечка, сейчас я оденусь; вы уже завтракали?

— Да, Миодраг Стефанович приехал и Лида уже ушла с ним гулять, а я ждала тебя, чтобы тебе не завтракать одной.

— Спасибо, тетечка!

Неля быстро вскочила с постели в длинной ночной сорочке и, подбежав к тетке, поцеловала ее.

«Вот кто, действительно любит меня!» подумала она, с нежностью.

— Но который же час? Неужели так поздно?!

— Уже начало одиннадцатого. Итак, я буду ждать тебя в столовой.

Неля вяло выпила чашку кофе; за последние дни у нее совершенно пропал аппетит. Вера Петровна почти насильно заставляла ее есть. Сегодня был четверг — день, который она проводила у своих друзей. Вера Петровна была уже совершенно готова — в темно-синем английском костюме и строгой черной шляпе.

— А что ты будешь делать, Лилечка? — спрашивала она, поцеловав и перекрестив на прощание племянницу, — вечером ты , конечно, поедешь в театр?

— Да, Володя и Надя заедут за мной, а сейчас я выйду в сад; сегодня такая чудесная погода, что даже как-то обидно сидеть в комнате!

Неля была права. В открытое окно вместе с яркими лучами апрельского солнца врывался аромат распускающейся сирени. Захватив с собой книжку, молодая девуш-

ка вышла на веранду и спустилась в сад. Деревья были покрыты нежной листвой, в ветвях звонко пели и щебетали птицы. Начинали цвести абрикосы и черешни. Вдыхая полной грудью пьянящий аромат весны, Неля медленно шла по боковой аллее. Вскоре она вышла к небольшому пруду, на котором темными пятнами выделялись широкие листья водяных лилий. Тут стояла скамейка окруженная густыми кустами сирени и почти совершенно скрытая ими. Сирень цвела пышными махровыми гроздьями. Они спускались на самую спинку скамейки, почти сливаясь с бледно-сиреневым шелковым платьем, в котором была Неля в это утро.

Молодая девушка опустилась на скамейку и открыла книгу; но читать ей не хотелось. И она сидела неподвижно, не думая, или, по крайней мере, стараясь, не думать ни о чем...

Сколько времени прошло в состоянии такого полузабытия? Может быть час, может быть больше. Раскрытая книга лежала у нее на коленях, а взгляд был устремлен куда-то мимо пруда в синеющую дал.

«Боже, откуда эта слабость?! подумала она, «обычное ли это влияние весны или я действительно больна? Я, вероятно, скоро умру. Ах, как это было бы хорошо! Гордиев узел развязался бы сам собою — не пришлось бы даже рубить его... Ведь жить так тяжело, так невыносимо тяжело!»

Неожиданно до ее слуха донесся отдаленный разговор; она узнала голоса матери и Миодрага. Первым движением молодой девушки было встать и уйти, но она остановилась. Голоса все приближались. Очевидно влюбленные, возвратившись с прогулки, решили тоже посидеть в саду. Встретиться сейчас с ними Неля была не в силах; она не могла поручиться за себя и решила подождать, пока они пройдут мимо и тогда незаметно уйти.

— Почему ты так мучаешь меня, Лида? Когда же, наконец, наша свадьба? Вот уже скоро исполнится год с тех пор, как я открыл тебе свое сердце; к чему же эти постоянные отсрочки? — страстно говорил молодой офицер.

Неля вздрогнула; помимо воли она всем телом повернулась в сторону, откуда доносился этот голос, полный

укора, любви и страданья. Сквозь ветви сирени она могла ясно видеть свою мать и ее жениха, сама оставаясь незамеченной.

Молодые люди шли под руку; Лидия Александровна была в элегантном весеннем костюме и держала в руке изящную шляпку, сплошь покрытую бархатными фиалками и с лиловой вуалькой.

— Как ты нетерпелив, мой милый, — сказала она полунасмешливо-полулюбовно и легко провела рукой по его блестящим, волнистым волосам.

Но молодой человек нахмурил брови.

— Это я-то нетерпелив, покорно ожидая в течение восьми месяцев твоего решения?! Сначала ты говорила мне: «весной»! Теперь — «когда кончится оперный сезон». Какое отношение имеет окончание театрального сезона к твоей личной жизни? Нет, Лида, я прекрасно понимаю, что все это одни лишь отговорки! Ты просто не любишь меня, это слишком очевидно!..

Он резко остановился и оставил ее руку. С замиранием сердца, почти не дыша, Неля наблюдала эту сцену.

— Это я-то не люблю тебя? О, глупый мой мальчик! — воскликнула артистка, подбегая к жениху. Она стояла сейчас повернувшись лицом к Неле и молодая девушка с трудом узнавала свою мать. Боже, с каким выражением нескрываемой страсти смотрела она на Миодрага! Ее зеленые глаза сузились, зрачки казались огромными. Лицо побледнело, ноздри трепетали, она была прекрасна, как искушение! Приблизившись к летчику она положила руки к нему на плечи и он с силой прижал ее к груди.

— Если бы ты любила меня, то не мучила бы так ужасно! К чему нам откладывать? Вчера состоялось обручение, а через неделю можно было бы назначить и свадьбу.

— Что ты, мой милый! Разве я успею все приготовить? Ты же сам хочешь отпраздновать нашу свадьбу с помпой! Но если ты так настаиваешь... Мы назначим ее через месяц, в конце мая. Ну что, теперь, надеюсь, ты доволен, мой друг? Право, ты был бы слишком неблагодарным, если бы сказал сейчас «нет»!

Вместо ответа он сжал ее в объятьях и стал осыпать безумными поцелуями. Черепаховая гребенка выпала из

ее прически и волна огненных волос покрыла ее плечи. Перед глазами Нели замелькали огненные и зеленые искры, ей казалось, что ее сердце, это бедное сердце, которому пришлось выстрадать так много, не выдержит больше и сейчас разорвется. Она прижала руку к губам, чтобы не закричать и упала головой на спинку скамейки.

— Довольно безумствовать, Миодраг! Не забывай, что сегодня я пою! Мне нужен отдых и спокойствие... Боже, какой у меня вид! Ты растрепал меня, измял мое платье!.. Поищи-ка мой гребешок, он должен быть здесь, на дорожке...

Смущенный Миодраг нашел гребенку и протянул Лидии Александровне. Она подняла руки и стала поправлять волосы, велев ему держать перед нею зеркальце. Но в эту минуту она была так соблазнительно хороша, — так напоминала ему виденную им в музее эллинскую статую богини любви — Афродиты, что он не мог устоять перед этим новым искушением. Со всем пылом долго сдерживаемой страсти он снова привлек ее к себе и приник к ее губам жарким поцелуем. Лидия Александровна ответила на поцелуй, но сразу же выскользнула из объятий.

— Сегодня ты ужасно непослушный! С тобой не сладишь! А потому я ухожу! До-свиданья ! — звонко засмеялась молодая женщина и побежала к дому.

— Лида!.. — крикнул он с отчаянием в голосе. Она обернулась и весело махнула ему рукой.

Миодраг хотел за нею следовать, но потом провел рукой по лбу и повернул на дорожку, ведущую к калитке.

XIII.

Неля сама не знала сколько времени пробыла она в состоянии какого-то странного полузабытия. Когда, наконец, шатаясь точно тяжело больная, она добрела до своей комнаты, был уже третий час.

В день спектакля Лидия Александровна обыкновенно не обедала. Неле была неприятна даже мысль о еде, а Веры Петровны не было дома. Молодая девушка легла на кровать и закрыла глаза. Ее лихорадило и в виски стучали невидимые молоточки.

Она сама не могла понять, почему эта сцена в саду, невольной свидетельницей которой она была, подействовала на нее так потрясающе. Ведь она давно уже знала, что Миодраг страстно любит ее мать и что она отвечает ему тем же. Да, но одно только «знать», а другое — «видеть». Видеть выражение их изменившихся лиц, их объятия и поцелуи... это ужасно! И вся жизнь показалась теперь Неле ужасной и невыносимой. А ее любовь, которую она старалась и не могла убить в своем сердце, вдруг вспыхнула с новой силой и ревность впилась в него своими острыми когтями. Ее лицо то бледнело то краснело, руки дрожали, она чувствовала головокружение и озноб.

«Я больна», промелькнула в голове усталая мысль, «что же, тем лучше, может быть скоро умру!»..

И она уже ждала смерти как лучшего дара судьбы и освобождения, а ей ведь только что исполнилось 19 лет!

Неожиданно дверь в ее комнату открылась и тихо вошла Лидия Александровна уже одетая для выхода на улицу, в темном костюме и шляпе.

— Ты спишь, моя деточка? — прошептала она.

— Нет, мамочка, заходи, — и Неля быстро приподнялась на постели и обняла подошедшую к ней мать.

— Ты вся горишь, Неличка! Что с тобой? — встревоженно спросила артистка.

— Право, ничего. Мне немного нездоровится, но это пустяки. Сейчас мне уже гораздо лучше.

Лидия Александровна присела к ней на постель и стала гладить ее белокурые волосы. Она уже мысленно упрекала себя, что, слишком занятая своим личным счастьем, она за последнее время посвящала мало времени и внимания дочери, которая всегда была раньше главной целью ее существования. А теперь состояние ее здоровья, постоянная бледность и упадок сил, начинали не на шутку тревожить Лидию Александровну, но она не хотела показывать этого Неле.

— Нет ли у тебя жару? — спросила она только и приложила к ее лбу свою надушенную мягкую руку.

— Что ты, мамочка! Сегодня вечером я буду аплодировать тебе в театре! Ведь ты же знаешь, что весной мне всегда бывает не по себе — это обыкновенная слабость.

— Может-быть тебе лучше не выходить сегодня?

— Нет, нет, я никогда не пропускала спектаклей, в которых ты участвуешь! А ты уже собралась в театр? Который же час? Я все дремала...

— Уже пятый час, а ты ведь знаешь, дитя мое, что я всегда отправляюсь заранее. Прощай, Неличка, будь здорова! Храни тебя Господь!

Она перекрестила и поцеловала дочь. На глазах молодой девушки навернулись слезы; она едва их сдерживала. В невольном, безотчетном порыве она вдруг горячо обняла мать.

— Что ты, Неля? Точно я уезжаю! Ведь через несколько часов мы снова будем вместе! Может быть вы с Володей подождете меня после спектакля?

— Хорошо, мамочка, мы подождем тебя!

Когда Лидия Александровна вышла, напускное оживление Нели исчезло и она снова без сил упала на постель. Но это уже не было то привычное состояние апатии, которое было так свойственно ей за последние полгода. Теперь она что-то обдумывала и решала; глаза ее горели лихорадочным блеском. Внезапно она вспомнила, что скоро должны прийти Одинцовы. Она поднялась, прошлась несколько раз по комнате, расчесала перед зеркалом свои спутавшиеся волосы, потом вышла в ванну и умылась холодной водой, чтобы немного освежиться. Быстро переодевшись, Неля спустилась вниз в гостиную. Минут через десять раздался звонок и вошел Володя, один, без Нади.

— Моя сестрица, вероятно прогуливается со своим обожателем-музыкантом. По крайней мере она исчезла вскоре после обеда и сказала, что прийдет прямо в театр. Вы готовы, Неличка? Впрочем, мы еще можем поболтать с пол-часика. Но что с вами? Отчего у вас какой-то странный вид сегодня? Вам нездоровится?

— Да... Впрочем, нет... Я совершенно здорова...

Молодой человек с удивлением смотрел на нее. Она была очень бледна; глаза неестественно блестели, губы нервно вздрагивали. Что-то сжало ему сердце. Наступило тяжелое молчание.

— Нам надо поговорить, Володя; садитесь и выслушайте меня. Дома никого нет и нам никто не помешает.

Он молча сел.

— Володя, вы, конечно, вправе осуждать меня; я знаю, что виновата перед вами. Но в жизни каждого человека бывают ошибки, так случилось и со мной...

— Я не понимаю, Неля, о чем вы говорите. И вообще что за странное вступление?

— Сейчас вы поймете... Впрочем, я не в силах объяснять. Дело в том, Володя, что я возвращаю вам ваше слово.

Он порывисто встал.

— Неля, я нахожу подобные шутки по меньшей мере странными!

— К сожалению, мне сейчас вовсе не до шуток. Я не могу быть вашей женой.

— Вы не можете быть моей женой? Но что же такое произошло?! Вы говорите серьезно? Я, кажется, теряю рассудок.

— Успокойтесь, мой хороший друг! Не жалейте обо мне! Я недостойна вашего чувства и неспособна отвечать на него! Мое сердце пусто и я только разбила бы вашу жизнь и сделала бы вас глубоко несчастным. А так я возвращаю вам вашу свободу, пока еще не поздно.

— Но мне вовсе не нужна эта свобода! Я, право, совершенно не понимаю вас! Ведь еще совсем недавно мы строили вместе планы на будущее!

— Да, я старалась свыкнуться с этой мыслью... Нет, нет! — вдруг громко вскрикнула она, — я всегда обманывала вас! Да, обманывала, сознательно, намеренно! Я знала, что не смогу полюбить вас! Я никогда не могла представить себе нашего совместного будущего. И я должна была делать это для блага других! Но это ведь не меняет дела. Чтобы не разбивать чужой жизни, я едва не разбила вашу. Теперь вы должны презирать меня. Я знаю, что не заслуживаю ничего другого!..

— Нет, именно теперь вы разбиваете мою жизнь, а не спасаете меня от «несчастья». Я любил вас, продол-

жаю любить и сейчас, и мне непонятно, зачем вам понадобилось разбивать мои иллюзии?

Она остановилась, пораженная.

— Как? Вы... любите меня? После всего, что я вам сказала? Но этим иллюзиям все равно ведь суждено было разбиться! Я виновата в том, что обнадеживала вас, но вы молоды и другая девушка, более достойная вашей любви чем я, охотно назовет вас своим мужем и вы скоро забудете меня.

-- Да? Вы так думаете? Вы, вероятно, вычитали это в каком нибудь романе и считаете, что можно так легко играть чужим сердцем и чувствами? Ведь никто не принуждал вас соглашаться на мое предложение. В то время я еще мог бы, действительно, забыть вас, а теперь уже слишком поздно говорить об этом!

— Но что же я должна делать? Судите меня как хотите, считайте, что я поступила с вами низко и недостойно, все это я знаю и сама! Но я не могу полюбить вас, а быть вашей женой без любви я тоже не в состоянии!

И молодая девушка, вся в слезах, выбежала из комнаты, прежде чем он мог ее задержать. Володе не оставалось ничего другого, как с сердцем переполненным горем и обидой, уйти из дома Нестеровских. Все только что происшедшее казалось ему чем-то нереальным. Конечно, он давно замечал, что Неля не любит его в том смысле, какой принято придавать этому слову. В ее отношениях к нему не было и тени влюбленности, а только дружеская привязанность. Но он был удовлетворен и этим. Сам он любил ее искренне и глубоко и надеялся, что со временем и ее чувства к нему окрепнут и приобретут более сердечный характер. И вот теперь так неожиданно и странно все его надежды были разбиты. А что было причиной этого? Слова Нели о том, что она обманывала его, чтобы не разбить чужое счастье, казались ему непонятными и загадочными. Молодой человек долго бесцельно блуждал по улицам и сам не помнил как и когда вернулся домой.

XIV.

Душевное состояние Нели разрядилось нервным припадком. Так после сильной и продолжительной жары разражается гроза. Она долго сдерживалась, не давала воли своим чувствам, старалась всеми силами не проявлять их ни при каких обстоятельствах. Это удавалось ей ценой невероятных усилий и страшного нервного напряжения. Трудно было сказать, откуда столько выдержки и силы воли нашлось у этого хрупкого, слабого существа. Но сейчас, после разрыва с женихом, который произошел так неожиданно, она потеряла власть над собой.

Вбежав в свою комнату, молодая девушка упала на постель и долго-сдерживаемые слезы горячим ручьем полились из ее глаз. В них было и сострадание к отвергнутому жениху, сознание своей вины перед ним и вместе с тем сознание полной безвыходности создавшегося положения. Неля была одна, никто не мог ее услышать, застать врасплох, и она могла дать волю своим слезам и отчаянию.

Когда нервный кризис прошел, молодая девушка долго лежала на постели, мертвенно-бледная, ослабевшая, с трудом дыша. Она хотела встать, но почувствовала такое сильное головокружение, что снова принуждена была опуститься на подушки. Наконец, собрав остаток сил, она решительно поднялась. Теперь ее знобило еще сильнее.

«Да, я больна», — снова подумала она, — «и лучше покончить со всем этим сразу, чем постепенно умирать и быть в тягость своим близким!»

Держась за спинки стульев, она подошла к небольшому шкафчику и выдвинула ящик.

«Да, другого выхода нет», произнесла она вслух, как это часто делают люди, которым не с кем больше поделиться своими душевными переживаниями, как только с самими собой, «Володя вероятно сразу же расскажет своей матери о полученном отказе, а она станет спрашивать объяснений у мамы и тети... А что я могу сказать им в оправдание своего поступка?» продолжала

Неля свои размышления. Она достала из глубины ящика небольшую коробочку и открыла ее. В ней лежали средней величины белые таблетки, видом своим очень напоминавшие аспирин. Это был веронал. Она доставала его с трудом и собирала, как скупец собирает по одной золотые монеты. Она начала это уже давно, после того, как из услышанного случайно разговора узнала, что Миодраг любит ее мать. Тогда впервые промелькнула неясная мысль о смерти и потом, как Неля ни старалась прогнать ее, она посещала ее все чаще и чаще. Молодая девушка пошла к доктору, жаловалась на ужасную бессонницу, вызванную малокровием, и просила прописать ей веронал, уверяя, что только это средство ей помогает. Он прописал, но в очень ограниченном количестве, потом ей удалось достать еще немного в знакомой аптеке. Ей казалось, что теперь у нее есть достаточный запас. Она спрятала его и старалась забыть о нем, так как часто слыхала от тетки, что самоубийство — один из самых ужасных грехов и что человек должен безропотно и терпеливо переносить все испытания, которые посылает ему Бог.

«Да, но ведь есть всему предел», прошептала она. «Должен быть предел и страданьям... А я не могу больше мучиться так, не могу! Господь добр и простит меня!»

В том же ящике, где хранилась заветная коробочка, был спрятан и подаренный Миодрагом браслет. Она вынула его, несколько минут смотрела на него, потом нежно провела по нему рукой, как будто он был живым существом и мог понять и оценить ее молчаливую ласку. Неля давно уже его не одевала; с тех самых пор как она убедилась, что все для нее кончено и больше нет никакой надежды. Молодой офицер два раза спрашивал, почему она больше не носит его подарок, на что она давала мало правдоподобные объяснения. С тех пор он ее уже не спрашивал, вероятно предполагая, что браслет потерян.

Как часто, прийдя вечером в свою комнату, она смотрела на него и вспоминала, сколько радужных надежд было связано для нее с этим подарком. Молодая де-

вушка вновь и вновь переживала эту минуту, вспоминала, как билось и трепетало ее сердце, когда он сказал, что браслет этот был завещан покойной матерью его будущей жене. Неля точно находила странное удовольствие в том, чтобы постоянно бередить свои душевные раны.

Внезапно у нее промелькнула простая мысль, — которая, однако, до сих пор ни разу не приходила ей в голову, — о том, что ведь ей, собственно, следовало бы вернуть Миодрагу браслет, теперь, когда он собирается жениться. Ведь он по праву должен принадлежать ее матери, его будущей жене. Эта мысль наполнила ее сердце ужасом.

«Нет, я унесу его с собой в могилу!» прошептала Неля, надевая его на руку.

«Перед смертью ведь, кажется, полагается писать письма», подумала она и на бледных губах ее промелькнула страдальческая улыбка. Она подошла к столику, достала перо и бумагу и начала писать.

«Моя дорогая, любимая мамочка, ты должна простить меня за то, что я причиняю тебе такое горе...» Неля остановилась и скомкала лист. Она почувствовала, что не в силах писать матери, что все равно ей не выразить того, чем полна ее душа, что даже сейчас, перед лицом смерти, она была бы принуждена лгать. Неля представила себе Лидию Александровну, ее отчаяние по поводу смерти дочери, и укоры совести и раскаяние, если бы она узнала правду. Нет, молодая девушка ни за что на свете не желала, чтобы мать ее могла в чем нибудь упрекнуть себя. Да она, фактически, и не была ни в чем виновата. Она не кокетничала с Миодрагом, не завлекала его. Он не был Нелиным женихом, не говорил ей о любви и сама она никогда прямо не признавалась матери в своей любви к молодому офицеру.

Она разорвала в мелкие клочки начатую записку и написала другую, Вере Петровне. Это было гораздо легче, хотя ей было до боли жаль тетку, которая любила ее, как родную дочь. Но она надеялась, что религия поможет ей перенести горе, причиненное ее смертью,

так же, как Лидии Александровне поможет в этом ее любовь.

Молодая девушка оставила записку на видном месте на столе и взглянула на часы. Было без десяти минут девять. Нужно было торопиться. Приблизительно через час Вера Петровна уже могла вернуться домой. Неле хотелось еще спуститься вниз, пройтись по комнатам, где было много таких привычных и милых мелочей, взглянуть на портрет отца, висящий в салоне, посмотреть на любимые фотографии матери... Но в том состоянии в каком она находилась — возбужденная, с покрасневшими и распухшими от слез глазами, она не хотела встречаться с прислугой, да кроме того в ее распоряжении оставалось так мало времени, что она боялась, что что нибудь неожиданное может помешать ей привести в исполнение свое намерение. Неля опустилась на колени и прочла молитву. Ведь даже преступникам дают возможность помолиться перед смертью. А она казнила себя сама за то, что была слишком слаба и не сумела справиться со своим сердцем и за то, что заставила страдать Володю, эгоистично пожертвовала им, воспользовавшись его чувством, чтобы только сохранить собственную тайну.

Ее недавнее возбуждение снова сменилось полнейшей апатией. Она совершенно равнодушно налила в стакан воду и методично, одну за другой, не считая, стала глотать белые таблетки. Хотя она не чувствовала от них во рту никакого вкуса, но, покончив с этим, отломила от лежавшей тут же на столе плитки своего любимого шеколада с изюмом кусочек и съела. Затем она осталась сидеть так в глубоком кресле, не меняя позы, со сложенными на коленях руками. В голове мелькали обрывки воспоминаний, главным образом из раннего детства, но мысли не задерживались ни на чем определенном, а быстро перескакивали с предмета на предмет.

Только теперь Неля почувствовала огромную усталость, ее клонило ко сну. Она с трудом повернула голову, чтобы посмотреть на часы. Было без двадцати десять. «Пора ложиться спать», подумала молодая девушка. Казалось, она совершенно забыла о своем недавнем поступке и о могущих быть последствиях. Она

попробовала встать, но почувствовала, что ноги ее точно налиты свинцом и не хотят повиноваться ей. Мыслей больше не было — в мозгу ощущалась какая-то странная тяжесть и пустота. Ее рука невольно сжала ручку кресла, голова откинулась на мягкую спинку, отяжелевшие веки закрылись сами собою и молодая девушка погрузилась в похожий на оцепенение сон.

Ее лицо все больше бледнело, под глазами залегли темные тени, дыхание было неровно и становилось все слабее...

XV.

Вера Петровна возвращалась из гостей. Против обыкновения пришлось довольно долго ждать трамвая и когда она, наконец, приехала на Дединье и подошла к калитке виллы, было уже около половины одиннадцатого. Вообще, конечно, это не было поздно. Ей случалось возвращаться и позднее.

Сегодня как раз у ее друзей собралось довольно большое общество, были интересные рассказы, воспоминания, и все удивлялись отчего она так спешит домой. Но Вере Петровне было не по себе. Она сама сознавала, что спешить ей некуда, так как дома она все равно никого не застанет — Лидия Александровна выступала, а Неля была в театре на спектакле. И все же какая то невидимая сила подталкивала ее. По мере приближения к дому она все ускоряла шаги.

От открывшей ей двери горничной Вера Петровна с удивлением узнала, что Неля дома, но даже не выходила ужинать. Беспокойство ее еще больше усилилось. Не заходя к себе, как была в жакете и шляпе, Вера Петровна прошла прямо к племяннице. На ее стук никто не ответил, но сквозь щель было видно, что в комнате горит свет. Она открыла дверь и вошла. Глазам ее представилась странная картина.

В ярко освещенной комнате в кресле у стола полулежала Неля. Одна рука ее бессильно свесилась вниз, голова склонилась к ручке кресла, лицо было закрыто распустившимися волосами.

«Она заснула... Как странно!» подумала Вера Петровна, тихонько подходя к племяннице, в то время, как сердце ее все сильнее било тревогу. Она наклонилась над молодой девушкой, прислушиваясь к ее дыханию, но в комнате царила полнейшая тишина. Эта тишина становилась жуткой.

— Лиля! — позвала госпожа Пилетич. Но ее зов остался без ответа. У нее перехватило дыхание. — Лиля! Лилечка!.. — крикнула она громче.

Молчание. Ее охватила смертельная тревога. Она наклонилась еще ниже и взяла Нелю за руку. Рука была холодная и влажная; тогда она приподняла ее голову и откинула с лица пряди золотистых волос. Невольный крик ужаса вырвался из ее груди. Лицо Нели покрывала смертельная бледность, темные, почти черные тени залегли вокруг плотно-сомкнутых век. Это были тени смерти. Вера Петровна, вся дрожа мелкой дрожью, приложила руку к ее лбу. Он был тоже холодный и влажный. Тогда взгляд ее упал на лежавшую на столе и адресованную ей записку. Задыхаясь от волненья она развернула ее и быстро пробежала ее глазами.

«Милая, дорогая тетя, прости меня, я знаю, что причиняю тебе горе, но другого выхода нет... Писать мамочке я не в силах — будь ей опорой и не осуждай меня за мой поступок. Никто не виноват в нем, кроме меня самой. Я, вероятно, больна, и жизнь кажется мне невыносимой. Я ухожу потому, что мне надоело жить. Прости меня и прощай. Лиля».

И внизу мелким неровным почерком была приписана еще одна фраза: «Я хочу быть похороненной с этим браслетом». Да, на руке Нели, этой бледной, бессильно-свесившейся руке, блестел подаренный Миодрагом браслет, который она давно уже перестала носить.

— «Лилечка, детка моя, — повторяла Вера Петровна в отчаянии, тряся ее за плечи и стараясь пробудить от этого неестественного сна, который казался лишь кратким переходом от жизни к небытию. — Ты не слышишь меня, моя деточка?! Боже мой, что мне делать? Научи меня, дай мне сил!

Она бегом бросилась в свой кабинет, где был теле-

фон и позвонила Одинцову. «Неужели Володя в театре?» с отчаянием думала Вера Петровна. Но он оказался дома и подошел к телефону. Молодой человек был немного удивлен, услышав взволнованный голос Веры Петровны.

— Это ты, Володя? Как удачно. Ты хорошо меня слышишь? Так вот, мой друг, не теряя ни минуты, бери такси и поезжай к доктору (она назвала фамилию), которого ты должен привезти сюда как можно скорее. Сейчас не время разговаривать, нужно действовать. Что? Несчастье? Да. Пользуясь отсутствием моим и своей матери, Лиля отравилась... вероятно вероналом.

Она услышала полный отчаяния возглас и повесив трубку, вернулась в комнату племянницы.

Молодая девушка сидела в том же положении в каком ее оставила Веда Петровна, но ей показалось, что лицо племянницы стало еще бледнее. Она подняла ее на руки как ребенка и перенесла на постель. То обстоятельство, что Неля была еще жива, подавало ее тетке надежду, хотя и очень слабую, что ее удастся спасти. Очевидно прошло не так много времени с тех пор, как молодая девушка приняла яд. Главное, какова была доза? Она села у постели племянницы. Мысль, что она может быть умрет, вот здесь, у нее на глазах, наполняла холодным ужасом сердце Веры Петровны. Но что ей было делать? Позвать прислугу? Сделать общим достоянием поступок Нели и тем самым открыть тайну ее бедного, исстрадавшегося сердца? Для чего? Кто мог ей теперь помочь? Володя уже поехал за доктором и скоро будет здесь.

Но минуты тянулись бесконечно. И казалось, что каждая уносила с собой искорку жизни из этого неподвижного, худого и маленького тела. Надежды оставалось все меньше. Вере Петровне казалось, что она начинает терять рассудок. Неужели же она должна умереть, ее дорогая девочка, единственная отрада и утешение в ее безрадостной, одинокой жизни? С необыкновенной яркостью перед ней вставали воспоминания тех дней, когда Неля была совсем маленькой, похожей на ангелочка с картин итальянских мастеров со своими

золотистыми кудрями и синими, как звезды глазами. Целые дни, когда Лидия Александровна уезжала на гастроли или готовилась к премьере и была постоянно занята в театре, она проводила в детской с племянницей, играя с ней в куклы, читая сказки, а позже уча ее азбуке. Время летело незаметно и она все больше, все сильнее привязывалась к этому маленькому существу, которое постепенно заняло главное место в ее жизни. И так оставалось и до сих пор...

Она вспомнила как однажды Неля серьезно заболела как раз в то время, когда Лидия Александровна была в заграничном турне. Вера Петровна не отходила от нее ни на минуту, целые ночи проводила у ее постели и потом доктор говорил, что только благодаря ее самоотверженноости и заботе Неля была спасена. И вот теперь она должна ее лишиться...

Нет, Господь не допустит этого!

И упав на колени перед иконой, висевшей в углу над постелью молодой девушки, Вера Петровна стала горячо молиться, не замечая, как крупные слезы катятся по ее щекам.

И ее молитва была услышана. Послышался звонок, потом быстрые шаги по лестнице и в комнату вошел доктор в сопровождении Володи Одинцова. Вера Петровна бросилась к ним навстречу.

В двух словах она объяснила доктору все что ей было известно. Он быстро достал из саквояжа необходимые ему инструменты и, выслав жениха из комнаты, подошел к постели, на которой неподвижно, точно мертвая, Неля продолжала спать глубоким сном.

Через час Вера Петровна могла вздохнуть свободнее: Неля была спасена. Доктор вынул платок и вытирал со лба крупные капли пота.

— Теперь вы можете отдохнуть, — сказал он госпоже Пилетич, пожимая ей на прощанье руку, — но если бы вы вернулись домой на 20 минут позже, спасти ее было бы невозможно.

— Я не знаю, как благодарить вас, доктор, — прошептала она, — но умоляю вас, пусть все это останется тайной!

— Вам нечего просить меня об этом — профессия врачей и священников обязывает их хранить тайну.

Проводив доктора, Вера Петровна вошла на минуту в свой кабинет, чтобы успокоить Володю, который ни жив ни мертв, ждал ее там.

На молодом человеке лица не было. Вера Петровна обняла его и поцеловала в лоб.

— Успокойся, мой мальчик, она спасена.

Слезы радости блеснули на его глазах. Нервное напряжение улеглось и он без сил опустился в кресло.

— Но почему она сделала это, почему? — прошептал он.

Госпожа Пилетич опустила глаза и ничего не отвечала. Она только провела рукой по его темным волосам. Быть может ей было известно многое, чего она не могла ему сказать.

— Вы знаете, что Неля сегодня отказала мне?

Она в удивлении отступила. — Она отказала тебе?! Почему?

Он пожал плечами.

— Я не знаю, она говорила что то странное и производила впечатление больной.

— Успокойся, Володя, все устроится. Иди сейчас домой и не говори никому о том, что случилось. Приходи завтра утром, а сейчас я должна идти к Лилечке.

Она вернулась к постели племянницы. Неля лежала все так же неподвижно с широко-раскрытыми глазами и была попрежнему бледна, но уже не такой мертвенной бледностью.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Лилечка? — спросила Вера Петровна, беря ее за руку.

— Зачем ты сделала это, тетя?

— Что такое, дитя мое?

— Зачем ты спасла меня? Мне было так хорошо!.. Я не чувствовала больше никаких страданий, — произнесла она с упреком и устало закрыла глаза.

— Что ты, Лилечка! Ведь это же ужасный грех, то что ты хотела сделать! Ты будешь еще счастлива, дитя мое! Господь пошлет тебе счастье!

Неля печально покачала головой.

— Нет, все для меня уже кончено... Но все равно, значит, не судьба мне была сейчас умереть... Только не говори ничего мамочке, не надо ее тревожить. Она сейчас вернется, скажи ей, что я просто нездорова...

— Не беспокойся, деточка, не говори много, лежи спокойно.

— Хорошо, тетечка, но только... я должна тебе сказать... Я знаю, тебе будет это неприятно, но что же, я не могла поступить иначе, верь мне... мы с Володей разошлись, я больше не его невеста...

Вера Петровна и виду не подала, что ей уже известно это от самого Володи. Но уговаривать сейчас племянницу казалось ей несвоевременным.

— Это твое дело, Лилечка, — сказала она только. — Поступай, как знаешь; тебе виднее. Если захочешь, ты расскажешь мне об этом завтра. А сейчас тебе нужен абсолютный покой.

— Хорошо, я молчу. А... что с моей запиской?

— Не беспокойся, ее никто не видел и не увидит. А вот, вероятно, и Лида.

Лидия Александровна осторожно заглянула в комнату.

— Ты не спишь еще, Нели? — спросила она.

— Нет, мамочка...

Артистку поразила бледность дочери; она подошла ближе.

— Ты больна, Нели? Что с нею, Вера?

— Да, больна; высокая температура. Вероятно простудилась.

Лидия Александровна заволновалась.

— Ах, я это чувствовала! — воскликнула она, прикладывая руку ко лбу дочери. — Да она вся горит, Вера! Ах, Боже мой, вот несчастье!

— Не беспокойся, мамочка, мне уже совсем хорошо... — с трудом прошептала молодая девушка.

— Еще уходя я заметила, что ты нездорова и все время беспокоилась. А когда выйдя из театра увидела, что ты не ждешь меня, как обещала, я поняла что ты действительно больна! Нужно измерить температуру. Может быть вызвать по телефону доктора?

— Доктор уже был, — сказала Вера Петровна, — он

приедет опять завтра утром. Ложитесь спать, Лида, вы вероятно устали; я посижу с Лилей. Не беспокойтесь, доктор не нашел ничего серьезного.

— Я, действительно, ужасно устала и еще ничего не ела. Миодраг уговаривал меня ехать ужинать, но я как будго чувствовала, что дома что то неладно...

При имени Миодрага Неля закрыла глаза и вздох, похожий на стон, вырвался из ее груди.

Наконец Лидия Александровна немного успокоилась и согласилась пойти отдохнуть.

Было уже далеко за полночь; Неля начинала бредить. Она вся пылала и на лице ее выступили капли пота. Она поднималась на постели, но Вера Петровна бережно брала ее в объятия и снова укладывала на подушки. Она чувствовала ужасное беспокойство, но не хотела звать Лидию Александровну, которая все равно ничем не могла бы ей помочь. Жар все усиливался, термометр показывал 39,7. Очевидно Неля уже была простужена раньше, но отчего доктор ничего не сказал об этом?

Имя Миодрага все чаще срывалось с запекшихся губ молодой девушки. Если бы Лидия Александровна была сейчас здесь, она легко могла бы проникнуть в тайну дочери. Но для Веры Петровны это уже не было тайной. В разгоряченном мозгу Нели с молниеносной быстротой проносились картины прошлого. Она снова была в Далмации и молодой летчик спасал ее из разъяренной морской пучины. Счастливая улыбка на ее лице сменялась страдальческим выражением. Она начинала стонать и быстро говорить о предстоящей свадьбе матери.

Из глаз Веры Петровны медленно катились слезы. Она не выпускала из своих рук ледяную руку племянницы.

«Бедное дитя мое, страдалица ты моя! Помоги ей, Господи, перенести это испытание!..»

XVI

Голубая лодка тихо скользила по Саве. С обеих сторон мелькали покрытые зеленью берега.

Утро было чудесное. Миодраг едва касался веслами

гладкой поверхности реки. Против него сидела Лидия Александровна. Оба были в белых спортивных костюмах, так как для купальных было еще слишком рано во второй половине мая — купальный сезон начинался с июня. Но так как весна в этом году была ранняя и очень теплая, то многочисленные купальни на Саве «Код шест топола»*) были переполнены. Особенно много публики собралось в купальне «спортивного Боб клуба», членами которого состояли и Нестеровские и Аранджелович.

На пляже царило большое оживление. Небольшие рестораны были переполнены публикой, главным образом молодежью. За столиками уже пестрели купальные костюмы самых разнообразных цветов и фасонов, летние платья и весенние костюмы. Все это весело болтало, громко смеялось и поглощало в большом количестве шприцеры, красное вино, пиво, лимонад и оранжад.

Ветром доносило дым от жаривихся на вертеле поросят и ягнят, но никто не морщился, напротив, запах этот приятно щекотал обоняние. Уличные продавцы мороженого и лимонада со своими тележками, расположившись под сенью высоких тополей, которых было не шесть, а гораздо больше, громко расхваливали свой товар. В киосках продавались всевозможные прохладительные напитки и конфеты, женщины пекли тут же особые сладости из жидкого теста, которые они варили в смальце на подобие пончиков в больших и глубоких сковородах и продавали горячими, густо посыпав сахарной пудрой. Жизнь била ключем, никто не думал о надвигавшейся грозе, которая через два года разразилась с такой ужасной силой над несчастной Югославией.

С противоположной стороны находился так называемый Русский пляж — «Сибирия» т.е. Сибирь. Перевозчики перевозили туда публику каждые пол-часа на огромных моторных лодках. Между этими двумя берегами на длинном мысе находился «Яхт клуб», членами которого имели право быть только собственники яхт, т.е. очень зажиточные люди, так как яхта стоила целое маленькое состояние. Еще дальше был спортивный клуб «Север», в котором преобладали молодые спортсмены,

*) У шести тополей.

принимавшие участие в регатах и месяцами тренировавшиеся в своих длинных, легких и быстрых как стрела лодках.

Но влюбленная пара миновав все многочисленные Савские пляжи и клубы направлялась дальше к своему излюбленному месту — «Острову Мира».

— Ты что-то опять задумалась, дорогая, — говорил Миодраг, оставляя весла и слегка коснувшись руки невесты, — между тем ты, напротив, должна быть весела сегодня, так как Неля окончательно выздоровела.

Лидия Александровна подавила вздох.

— Ты угадал, мой друг, что именно состояние ее здоровья и тревожит меня... Но напросно ты пытаешься меня утешить — ведь я прекрасно понимаю, что бедной девочке еще далеко до полного выздоровления... Правда, она сейчас здесь на пляже со своим женихом и друзьями, а ты вот уговорил меня поехать с тобой покататься на лодке, но я боюсь не слишком ли это утомительная прогулка для нее для первого раза? Она, бедняжка, стала такая бледная и худенькая.

— Но ведь мы приехали в автомобиле, а сейчас они сидят в ресторане, — возразил Миодраг.

— Да, конечно, но вся эта болезнь какая-то странная... По временам мне кажется, что моя невестка что-то замалчивает... Она знает гораздо больше о характере Нелиной болезни, чем это известно мне... Как только Неля в жару начинала бредить, Вера под каким нибудь предлогом старалась удалить меня из комнаты... Это так странно.

Миодраг вздрогнул, но сейчас же усиленно засмеялся.

— Ты большая фантазерка, Лида, и всюду видишь какие-то тайны! Девочка просто простудилась и у нее был грипп, самая обыкновенная болезнь весной, с небольшими осложнениями.

— Да, с осложнением на легкие; доктор не скрывал от меня, что у Нели задеты верхушки легких, особенно левого.

— В этом тоже нет ничего страшного, — возразил молодой офицер, снова берясь за весла, — трудно най-

ти человека, у которого не было бы катарра верхушки легких!

— Но она ведь такая слабенькая! Да, видно, мир уж так устроен, что нет полного счастья на земле!..

Оба замолчали.

Миодрагу невольно вспомнился его недавний разговор с Нелей. Как-то раз во время ее болезни, Лидия Александровна вошла в гостиную, где ждал ее жених и сказала, что Неля хочет его видеть. Он был немного удивлен, так как давно уже его отношения с молодой девушкой свелись лишь к коротким, любезным фразам. Но он тотчас же встал и пошел за Лидией Александровной.

В действительности было так. Неля спала глубоким сном выздаравливающей после тяжелой болезни, а Лидия Александровна сидела около ее постели, оставив жениха в гостиной читать газеты и журналы. Просыпаясь, еще полусонная, молодая девушка невольно произнесла имя Миодрага. Открыв глаза и увидев мать, она ужасно смутилась, но Лидия Александровна, далекая от всяких подозрений, решила что ее дочь хочет видеть своего старого друга, что показалось ей вполне естественным.

Миодраг не виделся с Нелей с самого начала ее болезни, т.е. около трех недель, и теперь, войдя к ней в комнату, был настолько поражен происшедшей с ней переменой, что остановился на пороге, не зная что сказать.

— Ты хотела его видеть, Нели, вот он! — весело сказала Лидия Александровна. Но как раз в этот момент в комнату постучалась горничная и сказала, что артистку просят к телефону. Молодые люди остались одни.

— Ну, вот вы уже и поправились, Неличка, совсем молодцом стали, а то мы все так тревожились за вас, — сказал Миодраг, подходя и садясь у ее постели.

Молодая девушка молча смотрела на него своими синими глазами, которые казались еще больше на ее похудевшем лице, смотрела серьезно, без улыбки, и от этого пристального взгляда летчику становилось как-то не по себе. Его фраза, как и все его слова, обращенные

к ней за последнее время, показалась ей фальшивой и неискренней и от нее не укрылось выражение ужаса, с которым он взглянул на нее в первую минуту. А в ее глазах он читал немой упрек, точно они говорили: «Ты разбил мое сердце и всю мою жизнь, это по твоей вине я больна».

Он отвел свой взор и, заметив на ее руке браслет, который молодая девушка не снимала с того рокового вечера, сказал: — А, как я рад, что вы уже починили свой браслет, Неля; он должен принести вам счастье!

— Он уже принес мне его! — отвечала она с горечью.

— Но, разве вы несчастливы? — заметил он неуверенно.

— А разве вам это не все равно, Миодраг Стефанович?

— С каких это пор вы стали называть меня так торжественно?

— С тех пор как узнала, что вы будете моим отчимом. А вы этого даже не заметили?

— Признаться — нет; но, в таком случае, и я, значит, когда мы говорим по-русски, должен называть вас по имени-отчеству, так как вы теперь — невеста!

— Я больше не невеста! — невольно вырвалось у Нели. Он вздрогнул и даже поднялся с места; выражение какого-то испуга промелькнуло по его красивому лицу. От нее ничего этого не укрылось.

— Что вы говорите, Неля!.. — воскликнул он.

Молодая девушка нервно рассмеялась.

— Успокойтесь, я просто пошутила. А вы уж наверное испугались, что я не выйду замуж и буду постоянно жить с вами и еще, чего доброго, отправлюсь с вами в свадебное путешествие!..

— Как вы можете говорить так, Неля? Я был бы только рад...

Приход Лидии Александровны прервал их разговор, но с тех пор Миодраг часто вспоминал его. Так и теперь машинально двигая веслами, он повторял его в своей памяти и душу его невольно наполняло смутное сознание какой-то вины перед этой девушкой, которая любила, а, может быть, и сейчас еще любит его... Но

разве мог он в присутствии Лидии Александровны задумываться долго над чем нибудь? Ему хотелось лишь без конца смотреть в эти бездонные, зеленые глаза, с которыми цветом своим могла соперничать только эта прекрасная и такая же таинственная и гордая река...

Они проплыли мимо большого укрепленного вблези берега бревна, к которому была привязана лодка известного певца Паулетти, бывшего страстным рыболовом. Лидия Александровна весело поздоровалась со своим коллегой, а он с гордостью показал ей сетку с несколькими крупными шаранами, то-есть карпами.

— Вот вид спорта, который никогда не привлекал меня, даже когда я был мальчиком, хотя я и приморский житель, — заметил летчик.

— О, не скажи, это увлекательно! А у него американские удочки с особыми приспособлениями и в прошлом году он выудил карпа в 12 кило весом! Об этом писали в газетах и даже поместили его фотографию с огромной рыбой на руках. А когда я бывала в Далмации, то сама не раз принимала участие в ночной рыбной ловле с острогой!

— Да, я знаю. Рыбачьи лодки выходят ночью в море с очень сильными лампами. Рыба выплывает на свет из глубины и тогда ее вытаскивают в лодку. Издали лодки не видны и море кажется покрытым движущимися огоньками. А что, Лида, не поехать ли нам этим летом в Далмацию на время моего отпуска?

Артистка улыбнулась. — Я вижу, что тебя все таки тянет на родину. Это, конечно, естественно, хотя ты ведь только по матери далматинец — отец твой был серб из Шумадии. Что ж, после нашего свадебного путешествия по Италии, мы можем остановиться на несколько дней в Далмации, тем более, что это нам по пути.

— Но когда же оно, наконец, состоится, это наше свадебное путешествие? — с оттенком горечи произнес молодой офицер.

— Как только пройдет состязание летчиков, к которому, к слову сказать, ты должен серьезно подготовиться.

— Я вполне готов к нему, — отвечал Миодраг, пожав плечами.

— Ты слишком самоуверен, мой друг; летчик, так-же как и балерина, должен постоянно тренироваться.

— Мне кажется, что ты просто постоянно изобретаешь новые предлоги, чтобы только оттягивать нашу свадьбу; так и теперь, .с этим состязанием!

— А ты смешишь меня подобными разговорами! Ведь ты же знаешь, что наша свадьба не могла состояться из-за болезни Нели.

— Предположим; но ведь теперь она здорова?

— И я торжественно обещаю тебе, что мы обвенчаемся, как только ты получишь первый приз на предстоящем состязании!

— А если я не получу его?

— Все равно; это не имеет значения. Я просто шучу! Кстати, знаешь ли, что я получила вчера письмо от нашего почтенного мистера Виндстона, в котором он сообщает мне, что съемки предыдущего фильма затянулись и «Филистимлянку-обольстительницу» начнут «крутить» только в июне? Он пишет, что мне заказано место в пассажирском аэроплане «Белград—Нью-Йорк» на 6-е июня! Как тебе это понравится? Я нахожу, что эти американцы удивительно упрямы!..

— Мне это нисколько не нравится, — отвечал Миодраг и брови его нахмурились, — я просто не понимаю, отчего этот субъект не желает оставить тебя в покое даже после того, как ты ответила решительным отказом на его предложение отправиться за океан?

— Мне самой непонятна такая настойчивость. Повидимому он просто вбил себе в голову, что не найдет более подходящей Далилы, чем я!

— Это и не удивительно, так как ты и в жизни настоящая Далила, — несколько сумрачно произнес молодой человек.

Лидия Александровна звонко расхохоталась. Ее тревога рассеялась, она снова пришла в хорошее настроение.

— Бросай-ка весла, Миодраг, и включи мотор; это будет гораздо быстрее. Ты сегодня, как видно, не в на-

строении грести, так как наша лодка движется с быстротой черепахи! И, пожалуйста, не хмурься, это тебе совсем не к лицу. Ни в Лос-Анжелес, ни в Нью-Йорк я лететь не собираюсь и мистер Виндстон только понапрасно потратит свои доллары на билет! А вот стоит ли нам плыть сегодня на «Остров Мира?» Я думаю, что сейчас там нет никого и ничего кроме комаров. Купаться еще рано и даже нельзя будет выпить квасу в русском ресторанчике, так как он открывается только первого июня. А потому я предлагаю высадиться здесь и отдохнуть на этом живописном берегу!

В то время как ее мать каталась с женихом на лодке, Неля сидела в ресторане «Боб-Клуба» с молодыми Одинцовыми и женихом Нади, скрипачем оперного оркестра. Надя так и сияла счастьем. Проглотив несколько порций всевозможного мороженого и выпив изрядное количество оранжада, она отправилась гулять с молодым музыкантом по берегу, где толпилось множество самой разнообразной публики. Неля и Володя Одинцев остались одни.

Во время продолжительной болезни молодой девушки ее отвергнутый жених каждый день приходил узнавать об ее здоровьи. Он сам заметно побледнел и осунулся от постоянного беспокойства за нее. Неля ценила его заботу, но не хотела создавать ему иллюзии, которым, она хорошо это знала, никогда не суждено осуществиться. И теперь вместе с Надей исчезло оживление и смех, царивший за их столиком и наступило тягостное молчание. Неля задумчиво глядела вдаль на синеющую гладь реки и по временам потягивала через соломинку свою любимую содовую воду с малиновым соком.

— Как я рада за Надю! Я уверена, что она будет счастлива! Видно по всему, что он ее очень любит, — тихо сказала она как бы в ответ на собственные мысли.

— К сожалению, этого не всегда достаточно для счастья. Я люблю вас во всяком случае не меньше, чем Петкович любит Надю, но это не делает вас счастливой.

— Ах, Володя, не будем снова начинать этот неприятный разговор, — отвечала она устало, — мы с вами добрые друзья и согласитесь, что было бы странно меч-

тать и говорить о счастьи человеку, стоящему на краю могилы!

— Откуда такие черные мысли, Неля? Ведь вы, слава Богу, теперь совершенно здоровы!

— Нет, милый Володя! Жить мне осталось недолго! Вот посмотрите там летит черная бабочка. Это моя смерть!

— Ваши нервы не в порядке, Неля!

— Да, я знаю; и тем более непонятно ваше упорство в стремлении к тому, чтобы я была вашей женой. Я только просила вас об одном — не говорить маме до ее свадьбы о нашем разрыве. Теперь ждать осталось уже недолго — ее свадьба через 2-3 недели. Я не хочу связывать вашу свободу. Я уже давно потеряла всякую охоту жить. Взгляните на это небо, ведь оно ярко голубое, не правда ли? А мне оно кажется мутно-серым. Так и все остальное. Говорят, что на жизнь можно смотреть через розовые очки; а я смотрю на нее через черные.

— От этого я не стану любить вас меньше. Это черная меланхолия, совершенно непонятная в вашем возрасте. Со временем она пройдет. Я поговорю с Верой Петровной; вам надо обратиться к хорошему врачу.

— Вы с тетей только и говорите со мной о докторах, — слабо улыбнулась молодая девушка.

— Нет, не только; я, например, говорю с вами и о своей любви, но вам неприятно это слушать.

— Я устала, Володя, и может быть потому немного раздражена. Не забывайте, что это мой первый «большой выход» после болезни. Поедемте домой, мама вероятно вернется не скоро и я сказала ей, что вряд ли дождусь ее здесь!

Они встали и, расплатившись, пошли к трамваю.

У Нели был такой усталый вид, что Володя лишь проводил ее до дому и не стал заходить к ним, сказав, что ей надо полежать и хорошенько отдохнуть.

Ее тронула такая забота и опять невольно явилась мысль, что он мог бы быть для нее хорошим и преданным другом и спутником жизни. Но сейчас же горькая улыбка промелькнула по бледным губам молодой девуш-

ки. «Мне ли строить планы на будущее и думать о том, как устроить свою жизнь, когда я так близка к смерти!» прошептала она.

У Нели теперь появилась привычка выражать вслух свои мысли, ведь она ни с кем не могла быть откровенна, кроме себя самой.

Она чувствовала такую сильную усталость, что у нее дрожали колени; в висках стучало. Неля с трудом дошла до постели и без сил упала на нее. Ею овладело все чаще повторяющееся за последнее время состояние какого-то полузабытья.

Вера Петровна вошла в комнату племянницы. Она несколько секунд смотрела на ее бледное, измученное лицо. Как бы почувствовав на себе ее пристальный взгляд, молодая девушка открыла глаза и слабая улыбка показалась на ее губах. Тогда госпожа Пилетич подошла ближе и приложила руку к ее лбу.

— По моему у тебя опять повышенная температура, Лилечка; сейчас измерим. Я думала, что ты спишь. Повидимому эта прогулка очень утомила тебя. Я говорила, что тебе еще рано выходить на такое продолжительное время. Если бы ты была моя дочь, я ни за что не пустила бы тебя.

— Да я и сама не думала, что так устану! Совсем я у тебя расклеилась, милая тетечка!

— Лежи спокойно и не двигай рукой, пока держишь термометр! Сейчас посмотрим... Ну, конечно, я так и знала, 37,3. Завтра же мы едем с тобой делать рентгеновские снимки!

Молодая девушка поморщилась, ей хотелось только одного, — чтобы все оставили ее в покое. Ей так надоели доктора, лекарства; разговоры об ее здоровьи...

— Зачем это, тетя? — возразила она вяло, — ты вероятно думаешь, что у меня чахотка? Ну, что же, поместите меня в санаторию, где был бедный Алекса; ведь мама и так каждый год в память о нем содержит там на свой счет одного больного... Теперь этим больным буду я. А когда я умру, вы поставите мне хорошенький памятник из белого мрамора...

— Ты говоришь глупости, Лиля! — воскликнула Ве-

ра Петровна. — Не понимаю, что за состояние духа у молодой девушки, у которой вся жизнь впереди!

— Но ведь я тебе уже объясняла, тетя: мне ужасно надоело жить. Все утратило для меня интерес, я ничем не могу заняться. Если бы я хоть могла быть сестрой милосердия и приносить пользу людям! Или поступить на медицинский факультет и стать доктором. Но на это я неспособна, вид физических страданий и крови вселяет в меня непреодолимый ужас...

— Что же, не каждая женщина может быть доктором. Есть и другие призвания, не менее возвышенные. Но ты еще слишком молода для всего этого, тебе надо выйти замуж, посвятить себя семье, воспитанию детей.

— Детей? Нет, нет, зачем иметь детей, которые будут потом такими же несчастными как я?

— А почему ты так несчастна, Лилечка? Скажи мне, дитя мое! Ты же знаешь, как я люблю тебя, ты для меня в жизни все. Быть может я смогу чем нибудь помочь тебе?

Молодая девушка опустила глаза.

— Нет, никто не в силах помочь мне! — ответила она очень тихо.

Обе замолчали. В эту минуту им хотелось бы многое сказать друг другу, но какая-то сила удерживала их от откровенности. И Вера Петровна, подавив тяжелый вздох, ушла к себе, продолжать свой научный труд. Но работа не клеилась, мысли ее каждую минуту возвращались к племяннице.

«Нет, я должна спасти ее во что бы то ни стало!» решительно произнесла госпожа Пилетич.

XVII

Лидия Александровна и Миодраг сидели в модном летнем ресторане на террасе Калемегдана. Сюда надо было подниматься по каменной лестнице, а входить через старинную башню, в нижней части которой тоже был ресторан, где собирались, главным образом, любители хорошо поесть. Верхнее же отделение, находившееся прямо над стеной отделявшей зоологический парк, посеща-

ла более шикарная публика. Здесь на довольно обширной открытой террасе были расставлены изящные столики, выкрашенные малиновой краской. По краям ее стояли кадки с цветами, а с двух сторон находились длинной формы бассейны, напоминавшие ручьи, в которых плавала всевозможная рыба. Эту рыбу посетители ресторана тут же выбирали и заказывали себе к ужину. Вся площадка была освещена разноцветными лампочками, что придавало ресторану таинственный и оригинальный вид. На эстраде играл прекрасный оркестр и певицы пели популярные песенки и шлагеры из модных фильмов. Нарядная публика в изрядном количестве поглощала «Прошек», «Златну каплицу», «Бисерку», «Бакарску водицу» (далматинское шампанское), «Гамбург» и другие сорта прекрасных югославянских вин.

По временам смех и громкие разговоры заглушал рев львов, тигров и других зверей, доносившийся снизу из зоологического сада. Но это нисколько не мешало публике веселиться, а напротив еще больше создавало «настроение».

Было уже за полночь. Погода была прекрасная, на небе ярко горели звезды, но с запада надвигались зловещие тучи, а все усиливавшаяся духота предвещала приближавшуюся грозу.

Время летело незаметно, но наконец Лидия Александровна решительно заявила, что пора ехать домой.

Миодраг спросил у лакея счет, они спустились по лестнице и сели в ждавший их автомобиль.

— Итак, я три дня не увижу тебя, Лида! — говорил Миодраг печально, — не знаю, как я вынесу такую долгую разлуку!..

Молодая женщина звонко рассмеялась.

— Ты право смешишь меня, мой друг! Три дня — это долгая разлука! Теперь ты должен думать исключительно о предстоящем состязании, чтобы быть, как говорится, «в форме». Я хочу гордиться тобой, хочу видеть тебя победителем!..

Молодой человек вздохнул. Все казалось ему таким незначительным в сравнении с его любовью. Прежде он был честолюбив и считал, что каждый человек, а осо-

бенно мужчина, должен стремиться сделать карьеру. Но теперь он как-то охладел даже к своему любимому делу. Все, что не имело прямого отношения к Лидии, казалось ему лишенным смысла и бесцельным.

У лестницы виллы, когда шофер отвел машину в гараж, Миодраг привлек артистку в свои объятья. Осыпая ее лицо поцелуями, он страстно шептал:

— Лида, скажи мне еще раз, что ты действительно любишь меня! Ты знаешь, по временам мне кажется, что наша любовь — это только сон — и вот я проснусь и буду опять таким безнадежно-одиноким!..

— Нет, это не сон, я люблю тебя и скоро стану навсегда твоей! Верь в меня и мою любовь, которую я подарила тебе на всю жизнь, до своего последнего вздоха!.. — Их губы встретились в жарком поцелуе. Опьяненный и счастливый Миодраг пошел к калитке, но потом снова бросился к Лидии.

— Я не знаю почему, но сегодня мне как-то особенно трудно расстаться с тобой; может быть потому, что мы не увидимся несколько дней. Дай же мне еще раз заглянуть в твои глаза и прочесть в них ту любовь, о которой ты мне сейчас говорила!

— Мой глупый мальчик! Я люблю тебя!..

Наконец, вырвавшись из его объятий, артистка взбежала по лестнице и позвонила. Но вместо горничной Любицы дверь ей открыла Вера Петровна.

— Ах, это вы, Вера! Простите, что я побеспокоила вас! Вы еще не ложились? Ведь, кажется, уже очень поздно!

Холодное и обычно спокойное лицо Веры Петровны носило отпечаток волнения.

— Я ждала вас, Лида, — сказала она тихо, — нам надо поговорить.

— Не лучше ли нам отложить это до завтра? Я немного устала и боюсь показаться вам рассеянной.

— Нет, Лида, откладывать больше невозможно.

— Так это так серьезно? Быть может Нели опять нездорова?! — побледнев воскликнула артистка.

— А разве она вообще здорова? — укоризненно отвечала ее невестка.

Лидия Александровна немного смутилась.

— Пойдемте ко мне, — произнесла она тихо. — Ее настроение сразу упало, легкое опьянение исчезло бесследно. Обе женщины молча прошли в маленькую гостиную.

— Так что же такое с Нели? — спросила встревоженная мать.

— Сегодня я узнала результаты рентгеновских снимков. Ей угрожает туберкулез.

Лидия Александровна вскрикнула и откинулась на спинку кресла. Ничто не приводило ее в такой ужас, как одно название этой болезни, которая скосила жизнь Алексы Ковачича и столько других молодых жизней.

— Вы знаете, что это значит в ее возрасте, — продолжала Вера Петровна с неумолимостью безжалостного судьи.

— Но что же делать? Мы примем все меры, позовем лучших докторов...

— Я уже сделала это, так как давно подозревала, что грозит Лиле.

— Но отчего же вы молчали?!

— Вы были слишком заняты своими личными делами, Лида.

Молодая женищина ничего не отвечала на этот упрек.

— Непосредственной опасности пока еще нет, но она может появиться если все будет продолжаться попрежнему.

— То есть, что же? Вы говорите загадками, Вера; это непохоже на вас.

— Сейчас все станет вам ясно; организм Лили слишком истощен ее недавней болезнью. Теперь ею овладела апатия, полное равнодушие к жизни. При таких условиях организм не в силах бороться с болезнью и победить ее. Профессор Петрович сказал мне прямо, что пока подавленное состояние ее духа не изменится, никакие лекарства не помогут.

— Боже мой, за что же это наказанье! Да, я заметила, что она стала какая-то странная — 'ничто ее не интересует. Может быть вам известно, что с нею; она, кажется, теперь откровеннее с вами, чем со мной.

— Да, я знаю что с ней, но не потому, что она откровенна со мной. Я узнала ее тайну, которую она так ревниво охраняла, из ее бреда во время болезни... А знаете ли вы, Лида, какого рода была эта болезнь?

— Да, конечно; грипп с тяжелыми осложнениями.

— Грипп — да. Но кроме того? Ведь вам неизвестно, что несчастный ребенок в порыве безнадежности и отчаяния, покушался на свою жизнь?

— Как?! Что вы говорите, Вера?

Она подбежала к невестке и схватила ее за руку. Ее охватило ужасное волнение.

— Как, Неля хотела покончить самоубийством? Нет, это невозможно! Вы в заблуждении!..

— Вам нужно доказательство? Вот оно! Лиля отравилась вероналом. Это записка, которую она мне написала.

Лидия Александровна, задыхаясь от волнения, несколько раз прочла Нелину записку.

— Боже мой, какой ужас! Но почему вы ничего не сказали мне раньше?

— Потому что она умоляла меня не делать этого. Она не хотела вас тревожить. Я обещала ей и теперь нарушаю это обещанье лишь в силу крайней необходимости.

Молодая женщина снова опустилась на место и провела рукой по лбу.

— Мне кажется, что я теряю рассудок!.. — прошептала она. — Но почему Нели здесь пишет о каком-то браслете и просит ее похоронить вместе с ним?

— Она пишет о браслете, который подарил ей господин Аранджелович, потому что она его любит.

Эти слова прозвучали, как удары молота. Артистка снова вскрикнула, пораженная в самое сердце. Наступило тяжелое молчанье.

— Вы уверены в том, что вы не ошибаетесь, Вера? — произнесла наконец Лидия Александровна, стараясь овладеть собой, — ведь вы же понимаете, что ваши слова могут иметь важные последствия и моральная ответственность за них ляжет на вас.

— Я знаю, Лида, и верьте, что мне хотелось бы так же сильно как и вам, чтобы этого не было. Но ошибка здесь невозможна. Лиля любит его. В бреду она постоянно звала его и повторяла его имя; перед ней вставали яркие воспоминания тех счастливых дней, когда она еще надеялась что он любит ее и будет ее мужем. Ведь в прошлом году в первый день его приезда она откровенно призналась мне в любви к нему. А раньше? Вспомните только с каким страстным нетерпением ожидала она его приезда? Разве такая любовь могла исчезнуть так внезапно?

— Но отчего же она молчала? Ведь если бы она призналась мне во всем откровенно, я никогда не согласилась бы быть его женой!

— Она, вероятно, заметила ваши взаимные чувства и не хотела мешать вашему счастью.

— Но ведь это безумье! В то время я еще не любила Миодрага так сильно, я еще могла бы отказаться от него; теперь я больше не в силах сделать этого!

Она в отчаянии закрыла лицо руками.

— А между тем вы должны быть мужественны, Лида, и сделать это ради вашего ребенка, если не окончательно, то хотя бы временно.

— Я не понимаю вас.

— Вам надо уехать. Пока Лиля будет видеть перед собой ваши озаренные любовью лица, ваши улыбки, влюбленные взгляды, она никогда не поправится. А ваше замужество окончательно убьет ее. Я все таки надеюсь, что в выборе который вам предстоит, вы не пожертвуете жизнью дочери.

— Но в праве ли я разбить сердце любимого человека?

— Я и не требую от вас этого; если он, действительно, вас любит, то будет так же любить и через год, когда вы вернетесь из Холливуда.

— Холливуда?! Но я вовсе и не думаю туда ехать.

— Вы говорили, что вам заказан билет на 6-е июня. Это как раз завтра. Зачем вам упускать такой случай? Наши материальные дела теперь далеко не блестящи. Между тем надо подумать о будущем Лили, о ее возможном замужестве, когда она поправится.

— Замужестве? Да, кстати... ведь я совсем забыла...

Она же выходит замуж за Одинцова... Но как это, раз она любит Миодрага? Нет, я отказываюсь понимать...

— К сожалению, она не любит Володю. Она согласилась на этот брак, чтобы не возбуждать в вас подозрений... Но потом она отказала ему, только просила и меня и его не говорить об этом до вашего замужества. Ее душевные страданья ужасны. Если вы на некоторое время уедете, она успокоится, перестанет терзаться ревностью, оправится и, в конце концов, оценив преданную любовь Володи, быть может согласится стать его женой.

Лицо Лидии Александровны выражало ужасную душевную борьбу. Она сознавала всю правоту рассуждений своей невестки. Неля находилась в смертельной опасности. Что же должно было победить в ее сердце — любовь к дочери или к жениху?

Она заломила пальцы так, что хрустнули суставы. Ужасный выбор, который ей предстояло сделать, казался ей чем-то чудовищным; болезненный стон вырвался из ее груди. Она едва удерживалась от рыданий.

Вера Петровна осторожно коснулась рукой ее плеча.

— Решайтесь, Лида, — сказала она, — и не забывайте, что жизнь вашего ребенка в ваших руках. Время залечивает душевные раны. Во время вашего отсутствия Лиля не будет видеться с Миодрагом, а если и будет, то не так часто. Она не будет слышать его нежных слов, обращенных к вам. Она вылечится от своей любви, а вместе с ней и от болезни. Если понадобится я помещу ее на зиму в хорошую санаторию в Гольник или в Вырбург, но надеюсь, что до этого не дойдет. Сейчас для нее самое необходимое — это душевное спокойствие. А ее сжигает пламя ревности и безнадежной любви.

— А что же будет с ним? — в отчаянии прошептала молодая женщина.

— Он мужчина, у него есть занятия, служба, карьера. Обдумав все, он примирится с временной разлукой. Год пройдет незаметно; но он даст возможность Лиле излечится от ее злополучной страсти.

— Но что подумает обо мне Миодраг? Ведь я обещала ему не ехать.

— Он должен знать, что женщины часто меняют свои решения; напишите ему, что вы не хотели говорить с ним

о своем стесненном материальном положении и что здравый смысл подсказал вам в последнюю минуту не упускать возможности хорошо заработать.

— Но как же я уеду? Даже не попрощавшись с Нели? И когда я успею собраться? Ведь завтра в 10 часов утра я должна быть на Земунском Аэродроме.

— Я помогу вам собраться; брать с собой много вещей нет смысла. Костюмы для фильма вы получите казенные, необходимые туалеты закажете там. Захватите на всякий случай два-три вечерних и выходных платья, пока не сошьете себе новые.

Артистка отмахнулась рукой.

— Зачем мне это? Я все равно никуда не стану выходить, буду жить этот год затворницей.

— Напрасно вы думаете, что вам удалось бы вести подобный образ жизни в Холливуде! Не забывайте, что там вы будете находится в центре всеобщего внимания.

— Как это тяжело! — Она встала и сделала шаг к двери. — Я пойду к Нели, быть может она еще не спит.

— Нужно ли это, Лида? Зачем понапрасно расстраивать и ее и себя? Завтра я передам ей, что вы неожиданно приняли решение — уехать.

— Нет, нет, не отговаривайте меня, я должна ее видеть!

Артистка быстро взбежала по лестнице. Ее невестка последовала за нею, боясь, что при этом свиданьи с дочерью она допустит какой-нибудь неосторожный шаг.

В комнате Нели свет был уже потушен, только лампадка мерцала у иконы. При ее бледном свете Лидия Александровна увидела неподвижное лицо дочери в ореоле рассыпавшихся по подушке золотистых кудрей, почти такое же белое, как и эта подушка. Она спала. Затаив дыхание, молодая женщина наклонилась над дочерью, которой она в эту минуту жертвовала счастьем всей своей жизни. Она почти не верила, что по ее возвращении из этого далекого путешествия все будет попрежнему. Она боялась, что разочарование Миодрага будет так велико, что его любовь к ней обратится в недоброжелательство.

И как раз в это мгновенье с запекшихся губ Нели сорвалось его имя с выражением такой тоски и отчания,

что Лидия Александровна невольно вздрогнула и отшатнулась. Если бы она хоть немного могла сомневаться в правдивости предположений Веры Петровны, то теперь она убедилась сама. Почти теряя рассудок она вышла из комнаты дочери. Начались торопливые приготовления к отъезду.

Руки Лидии Александровны дрожали. Она складывала в чемоданы не те вещи, которые хотела и наконец предоставила все Вере Петровне, а сама пошла писать прощальное письмо Миодрагу. Это было самое трудное. Она несколько раз начинала писать и разрывала в мелкие клочки написанное. Между тем началась ужасная гроза. Раскаты грома потрясали весь дом и под аккомпанимент этих раскатов, напоминающих каноннаду, Лидия совсем потеряла голову. Наконец она без сил упала на диван и разразилась конвульсивными рыданиями. С губ ее срывались бессвязные фразы, в которых мольбы перемешивались с упреками небу за то, что оно незаслуженно лишает ее блеснувшего ей яркого счастья. Наконец она немного успокоилась, но во весь остаток ночи уже не могла уснуть.

Неля, которую тоже разбудила гроза, в 8 часов уже спустилась в столовую к завтраку. Она очень удивилась, застав там свою мать, которая обыкновенно вставала поздно. Ее поразила так же бледность Лидии Александровны.

Артистка порывисто привлекла молодую девушку к себе и осыпала ее поцелуями.

— Я уезжаю, дитя мое, так нужно. Я решила это неожиданно. Единственно, что меня тревожит — это твое здоровье. Лечись, берегись простуды, слушайся во всем тетю. К моему возвращению ты должна быть совсем здоровой и такой же веселой, как была раньше.

— А когда же ты вернешься, мамочка?

— Месяцев через 10, а может быть и больше.

— Боже мой, ты уезжаешь так надолго?! А куда же это?

— Далеко, Неля, в Америку.

— Как?! Ты уезжаешь в Холливуд?! — воскликнула она, пораженная.

— Да, я должна сделать это; заработок здесь такой

ничтожный, а наши средства все уменьшаются. После того как я буду сниматься хотя бы в одном американском фильме, я смогу всюду требовать гораздо большие гонорары.

«А как-же Миодраг?!» хотелось крикнуть Неле, но она не осмелилась и только бессмысленно повторяла: — Ты уезжаешь, уезжаешь...

Между тем горничная с помощью шофера уже несла чемоданы в автомобиль.

— Я провожу тебя, — сказала Неля.

— Нет, Нелечка, не надо, я тогда еще сильнее расстроюсь! К тому же мне надо спешить.

— Но ты ведь вернешься как только закончатся съемки этого фильма на который тебя пригласили, не правда ли? А что если тебе предложат продолжить контракт, а это будет наверное? Нет, нет, обещай, что ты вернешься; мы все будем так ждать тебя!

«Мы все» — эти слова заставили снова болезненно сжаться сердце Лидии.

— Неужели ты думаешь, что я надолго оставлю тебя, моя детка! — воскликнула она, снова прижав дочь к груди, — как только я приеду, я поставлю им условие, чтобы со съемками поспешили и не останусь ни одного лишнего дня! А теперь мне пора!

Отъезд матери, такой внезапный и неожиданный, потряс молодую девушку. Она чувствоваа, что тут что-то неладно. Ей казалось неестественным, что Лидия Александровна уехала почти накануне своей свадьбы.

Разгадка не заставила себя долго ждать. Через два дня утром раздался нетерпеливый звонок и вошел Миодраг. Вера Петровна и Неля сидели за утренним кофе; обе молчали, погруженные в свои мысли. Появление молодого летчика накануне дня состязаний их поразило.

— Доброе утро! А где-же Лида? — произнес он оживленно и в то же время немного встревоженно. — Хотя она и запретила мне приходить до состязания, но я не мог удержаться и забежал на минутку!

— Как, вы ничего не знаете?! Разве мамочка не говорила вам?! — воскликнула Неля, но у нее не было сил продолжать. Предчувствие какой-то ужасной катастрофы,

которая должна неминуемо разразиться, овладело всем ее существом. ЩЩ№/дШ

— Лида уехала, Миодраг Стефанович; вам есть письмо. Сядьте и подождите. Сейчас я принесу его. — Вера Петровна поднялась из-за стола и вышла из комнаты.

Миодраг остался стоять неподвижно, держась левой рукой за спинку стула. Казалось, он никак не мог вникнуть в смысл только что слышанных слов. Потом, как бы очнувшись от охватившего его оцепенения, он бросился к Нели и до боли сжал ее руки.

— Что все это значит, Нели!?.. Вы должны знать! Скажите, ведь это только злая шутка, не правда ли? Ваша тетя не любит меня; она сказала это нарочно!

Ее сердце разрывалось от боли при виде его страданий. Чего-бы только она ни дала чтобы ее мать вернулась! Но это было не в ее силах. Если бы Лидия Александровна поехала по железной дороге, а затем на пароходе, можно было бы дать телеграмму; но она полетела на аэроплане и сейчас была уже в Америке.

— Неужели мама не говорила вам о своем намерении? — высказала наконец Неля давно мучившую ее мысль. — Разве она не сказала, что собирается в Холливуд?

Он отшатнулся, как ужаленный змеей.

— Как?! Она уехала в Холливуд?! Значит она обманула меня! — и потеряв всякую власть над собой, он упал на стул и горько разрыдался.

В эту минуту вошла Вера Петровна с письмом в руке. Сцена, которую она застала, потрясла даже ее. Он продолжал рыдать, не замечая ее присутствия. Тогда она подошла к нему и проведя рукой по его черным кудрям, сказала, стараясь смягчить свой голос: — Успокойтесь, Миодраг Стефанович, будьте мужчиной; она вернется.

Молодой офицер вскочил и почти вырвал у нее из рук письмо. Он читал, задыхаясь от волнения, и с каждым прочитанным словом все большая тяжесть ложилась на его сердце.

«Мой дорогой друг, я уезжаю, но это не значит, что я перестала Вас любить. Обстоятельства, говорить о которых сейчас было бы слишком долго, требуют моего отъезда. Приблизительно через год я вернусь, и тогда,

если Ваши чувства ко мне останутся прежними, мы подумаем о нашем совместном будущем. К сожалению мне кажется, что я уже слишком втянулась в эту бродячую жизнь и вообще не создана для замужества и спокойной семейной жизни. А потому обдумайте все хорошенько — у вас будет достаточно времени для этого — и решиите, подходящая ли я жена для Вас.

Желаю Вам здоровья, счастья и успеха во всем и прошу простить меня, если мой поступок причинил Вам страданье.

Ваша Лида Нэри.»

Его поразило это «Вы» после любовного «ты», ставшего уже привычным, совет проверить глубину своих чувств к ней, после того, как они уже столько раз были проверены! А особенно эта подпись ее артистическим именем, которой она как будто хотела поставить между ними непроходимую преграду.

— «Она покинула меня!.. Я был для нее лишь временной забавой!.. Не даром сердце мое как будто чувствовало это!» — повторял в отчаянии несчастный. Неля бросилась к нему и со всей силой своей неразделенной, самоотверженной любви, обняла его за плечи.

— Нет, нет, Миодраг, мама любит вас! Во всем этом есть что-то непонятное! Еще накануне она не собиралась ехать! А утром, когда мама прощалась со мной, она была такая бледная и глаза у нее были заплаканы. Я знаю, что она любит вас! Не огорчайтесь! Время быстро пройдет, мама вернется и все будет хорошо!

— Нет, Неличка, не старайтесь меня утешить. Вы добрая девочка, благодарю вас, но для меня все кончено! Прощайте! — и отстранив ее, он почти выбежал из комнаты.

Наступило тягостное молчанье. Вера Петровна уже начинала сожалеть о своем поступке. Искреннее отчаяние Миодрага произвело на нее удручающее впечатление. И она видела, что Неля страдает еще сильнее при виде его горя.

Молодая девушка встала, и подойдя к тетке, остановилась прямо перед ней.

— Ты должна теперь объяснить мне что все это зна-

чит, тетя; мама передала тебе письмо для Миодрага, значит у тебя был с нею какой-то разговор, в результате которого она решила уехать. Что ты ей сказала?

Вера Петровна молчала; взгляд племянницы проникал ей прямо в душу. Она почувствовала невольное смущение.

— Я должна это знать, — настаивала Неля.

— Успокойся,. Лилечка, клянусь тебе, я не желала ему зла... Я не предпологала, что все это примет такой оборот. Да не волнуйся же так! Ведь Лида не уехала навсегда! Все устроится, поверь мне!..

— Я знаю, почему мама уехала — ты сказала ей, что я люблю его, ведь так?

— Лиля!..

— Да, я знаю, не отрицай. Не говори, что ты желала мне добра; ты причинила мне ужасное зло. Сознаешь ли ты, что ты сделала? Ведь ты убила его, разбила его сердце, и сделала меня навсегда несчастной!..

В ее голосе дрожали слезы. Круто повернувшись, молодая девушка вышла из комнаты, оставив Веру Петровну в глубоком отчаянии.

А в это время в модном отеле Лос-Анжелеса сидела Лидия Александровна, прижав к губам платок чтобы сдержать рыдания, и устремив полный страдания взор на стоящую перед ней большую фотографию, с которой на нее смотрело серьезное и открытое лицо молодого летчика. Среди окружавшей ее сказачно-роскошной обстановки в ожидании предстоящих ей успехов и славы, она чувствовала себя глубоко несчастной и слезы медленно катились из ее изумрудных глаз...

XVIII

Обширное поле за Земунским мостом было переполнено нарядной, празднично-настроенной публикой. Стоял невнятный шум и гул голосов как в пчелинном улье. Через десять минут должно было начаться, ожидаемое с таким нетерпением столичными жителями, состязание летчиков. Казалось, что весь город собрался здесь сегодня. До-

ма оставались только больные и старики. Среди толпы царило волнение и оживление. День был прекрасный; к синему небу начали подниматься аэропланы, казавшиеся серебряными в ярких солнечных лучах. Тут же находилась и Неля с Верой Петровной и Володей. На ней было белое платье и соломенная шляпа с широкими полями, защищавшая ее от солнца. Ее синие глаза лихорадочно блестели на измученном лице. Она была так взволнована и слаба, что едва держалась на ногах и Володя поддерживал ее под руку. Молодого человека удивляла рассеянность и странное состояние духа его бывшей невесты. Она отвечала невпопад на его вопросы и казалось вообще не слушала, что он ей говорит. Вера Петровна с опасением посматривала на племянницу и наконец сказала:

— Не лучше ли нам вернуться, Лилечка? Боюсь, что ты очень устанешь.

— Нет, нет, я чувствую себя прекрасно, не беспокойся обо мне.

Рядом с ними стояла компания молодых людей, знавших по именам всех участников состязания. Указывая на аэроплан, проделывавший затейливые виражи и мертвые петли, они назвали имя Аранджеловича. Лиля вздрогнула. Из югославянских летчиков никто не мог соперничать с ним в ловкости и умении управлять аппаратом. В состязании принимало участие очень много иностранных летчиков, главным образом, французов, немцев и итальянцев, так что оно носило характер международного.

Самый большой успех имели до сих пор итальянцы; их чисто акробатические трюки, проделываемые, действительно, с поразительной ловкостью и умением, привлекали внимание толпы и вызывали восторженные возгласы. Но этот бесстрашный летчик мог соперничать с ними. Его аппарат серебряной птицей, казалось, несся прямо к солнцу, потом совершенно неожиданно для зрителей пикировал, падал на одно крыло, потом на другое, переворачивался, проделывая тройные мертвые петли. Все присутствующие следили, затаив дыхание, за этой металлической птицей.

Миодраг не спал накануне всю ночь. Но он вовсе не думал о предстоящем состязании; казалось, что он совер-

шенно забыл о нем. Его мысли неслись к Лидии, были полны ею. Ее поступок казался ему непонятным, ужасным. Ведь еще накануне она так пылко уверяла его в своей любви; она целовала его, говорила об их скорой свадьбе... К чему был этот чудовищный обман?

Он был вне себя и думал, что вообще не сможет управлять аппаратом, так как для этого необходимо полное спокойствие и душевное равновесие. И она могла покинуть его именно теперь, после того, как так часто в разговоре с ним проявляла столько интереса к предстоящему состязанию, так хотела присутствовать на нем! Все это казалось ему загадочным. Неужели она в последнюю минуту соблазнилась деньгами, колоссальной суммой, которая была ей предложена в случае, если она согласится подписать контрак? Но это было так непохоже на нее!.. Он терялся в догадках...

И даже сейчас он думал о том же и видел перед собой ее лицо, таким как он видел его в последний раз накануне ее отъезда. Его рука сжимавшая руль, дрогнула и т у т произошло что-то неожиданное и быстрое, как мысль. Серая птица вдруг вышла из под его повиновенья, как-то неуклюже накренилась на бок, потом с молниеносной быстротой понеслась вниз. Миодрагу казалось, что он стремглав летит в какую-то бездонную пропасть; у него захватывало дух. Перед глазами замелькали разноцветные искры. Потом с необыкновенной яркостью всплыло прелестное лицо в ореоле огненных волос, с полным любви взглядом зеленых глаз, с чарующей улыбкой. Но это продолжалось одно мгновение. Он почувствовал какой-то толчек — и его аэроплан, как взбесившаяся лошадь, сбросившая седока, остался где-то позади, а он еще скорее понесся вниз. Сознание померкло...

... Когда аэроплан начал падать, публика сначала не поняла, что случилось. Потом раздались крики ужаса и толпа начала разбегаться. Аэроплан, как раненый великан упал посреди поля; одно крыло его было сломано, мотор поврежден. Миодраг лежал невдалеке от него. Как ни странно, его лицо не было обезображено, хотя все кости были поломаны. Он лежал лицом кверху и взгляд его серых глаз был неподвижно устремлен на небо, как у орла смотрящего на солнце. Но этот орел больше не дышал.

Отчаянный, душу раздирающий крик заглушил все остальные. С несвойственной ей силой пробившись сквозь толпу, окружавшую безжизненное тело, Неля бросилась к нему на грудь. Но его сердце, которое не отвечало на ее любовь, теперь навсегда остановилось. И она билась в рыданьях как подстреленная птица, сраженная безжалостным охотником — судьбой.

... По синему небу медленно плыли обрывки облаков...

Конец.

Мюнхен, 1948 г.

"AVE CAESAR!"

Рассказ времен Нерона.

День был жаркий, и, чтобы предохранить публику от нестерпимо палящих солнечных лучей, над амфитеатром протянули полотно. Только что закончилось venatio — охота на диких зверей, и теперь, после перерыва между первой и второй частью представления, народ с шумом спешил занять места. Уже по дороге заключались пари, слышался смех и брань. Лица были потны и красны от жары и выпитого вина. По распоряжению кесаря публике в антракте было роздано угощение. Бесчисленные рабы разносили кубки и кувшины с вином, хлеб, холодное мясо и фрукты. Вокруг цирка и теперь еще валялись обглоданные кости и остатки других явств. Иногда император распоряжался во время самого представления бросать в толпу сласти, а также мелкие золотые монеты, и тогда зрители, как безумные, бросались за ними, причем сильные сбивали с ног более слабых и давили их. Раздавались крики и стоны, которые, повидимому, чрезвычайно потешали Нерона и его двор. А в антрактах рабы со смехом выносили многочисленные трупы...

Римская чернь была верна себе: две страсти владели всецело ее душой. "Panem et circenses!" — «Хлеба и зрелищ!» — в этом возгласе было выражено все.

Трубы загремели при появлении императора, который прибыл сегодня лишь ко второй, более интересной части представления. Заиграла музыка, забили барабаны, зазвенели цимбалы. Высокопоставленные лица стали занимать места. При появлении популярной личности в толпе раздавался гром аплодисментов. Но над всем этим шумом господствовали крики продавцев сластей, напитков и подушек для сидений.

Вокруг арены шла металлическая ограда, а над нею возвышалась каменная платформа. Там находилась императорская ложа, а также ложи сенаторов. Следующие пятнадцать рядов составляли cavea и были окружены стеной со специальным коридором и vomitoria, ведущим прямо к ним. Часть эта также предназначалась для аристократии. Над нею находились места для народа. Они достигали верхней стены.

Но вот шум внезапно смолк. Двери, ведущие на арену, распахнулись, и стройными рядами начали выходить гладиаторы. Впереди цветной процессии бежали и кувыркались акробаты. Среди гладиаторов были киприяне, фракийцы, самниты, нубийцы, галлы и бритонцы. Все это были, главным образом, военнопленные, обращенные в рабов и отданные затем на обучение в гладиаторские школы. Тяжело вооруженные гладиаторы римской арены были в шлемах со знаком своего импрессарио, к чьей школе они принадлежали. Одна нога от колена до щиколотки была защищена особым ножным щитом. В левой руке они держали большие овальные щиты. Встречаемые возгласами и аплодисментами, они обходили арену, чтобы все зрители одинаково могли их видеть. Проходя мимо ложи кесаря, они поднимали руку в знак приветствия и восклицали нараспев: "Ave Caesar, Imperator, morituri te salutant!" «Здравствуй кесарь-император, смертники тебя приветствуют!» И, действительно, из этой огромной шеренги здоровых, сильных людей, едва ли четверти суждено было уйти живыми с арены. Нерон со своей обычной брезгливой усмешкой глядел на обреченных и думал за кого ему держать пари, чтобы выиграть наверняка.

Между тем гладиаторы, узнав в толпе знакомых девушек, посылали им улыбки и приветственные жесты. Эти люди уже настолько свыклись с постоянной мыслью о смерти, что теперь, перед лицом ее, почти не испытывали волнения. Они знали, что при их опасной профессии редко кто доживал до старости. В таких случаях те, кто не мог уже принимать личного участья в боях, обучали своему искусству молодых. Выживали обычно лишь очень опытные и популярные гладиаторы. В результате многочисленных войн в распоряжении римлян было всегда достаточное количество военнопленных, из которых вы-

бирали самых сильных, ловких и видных юношей. После специального обучения и тренировки их заставляли сражаться друг с другом на потеху черни и императора. Нередко случалось, что лучшие друзья или даже братья принуждены были наносить друг другу смертельный удар. Против этого смело выступил Спартак, сам знаменитый гладиатор. Вскоре после смерти диктатора Суллы, прозванного почему-то современниками Счастливым, в 77-ом г. до Р.Х., а по римскому летоисчислению, в 675-ом, он потребовал свободы для своих собратьев и поднял бунт гладиаторов, перешедший в настоящую гражданскую войну. Он оказался таким же блестящим полководцем, как был прежде гладиатором. Под его знаменами собралось 120.000 гладиаторов и рабов, главным образом, из военнопленных. (Один отряд рабов прятался в кратере Везувия, который в древности считался потухшим вулканом. В то время на вершине его находились скалы, а поверхность кратера окружал дикий виноград. Только после катастрофы в ночь с 23-го на 24 августа 79-го г., когда во время ужасного землетрясения были засыпаны пеплом города Помпея, Геркуланум и Стабия, Везувий изменил свою форму.) Они угрожали самому Риму, но в конце концов в 71-ом г. до Р.Х. были разбиты Марком Лицинием Крассом, и в битве у реки Брадана погиб и сам Спартак. Взятые в плен 6 тысяч его солдат были распяты римлянами по дороге из Капуи в Рим по обеим сторонам Via Appia. С тех пор, еще до Р.Х., крест сделался символом страдания за свободу для всех угнетенных и рабов.

Молодой гладиатор, галл Руфим, гордо подняв белокурую голову, обходит арену. Он — secutor, то есть боец с мечом и ни у кого нет таких блестящих доспехов и оружия, как у него. Его шлем и щит из чистого серебра. Щит блестит так, что в него можно смотреться, как в зеркало. Вероятно такой же был у эллинского героя Персея, победившего чудовищную Медузу, которая одним взглядом своим обращала все живущее в камень. Но герой, по совету бессмертных, не смотрел на нее, а лишь на свой щит, в котором виднелось ее отражение, и вышел победителем из борьбы.

Руфим усмехнулся: — здесь ведь нет Медузы со змеями вместо волос, а его противники-гладиаторы вряд ли

равны ему в ловкости и умении владеть оружием. Разве вот только этот новый... недавно приехавший из провинции нубиец, который сегодня впервые выступает в римском амфитеатре и с которым ему предстоит сразиться. О нем, об его ловкости и силе, рассказывают чудеса. Но Руфиму никто не страшен. И победоносная улыбка уже заранее играет на его ярких губах.

Толпа громкими возгласами приветствует своего любимца; его высокая, статная фигура, блестящие латы и шлем одинаково вызывают восторг. Между собой зрители перешептываются о том что это дорогое оружие — подарок богатой и знатной римской матроны, которая влюблена в него. Подобные случаи были не редки: в древнем Риме гладиаторы пользовались такой же популярностью, как известные матадоры в Испании, которые во время корриды были настоящими героями дня и нередко получали дорогие подарки и бриллиантовые кольца от знатных сеньор.

До слуха молодого галла доносится его имя, произнесенное женским голосом, и к ногам его падает букет алых гвоздик. Он поворачивает голову и жестом благодарит прекрасную Юнию. Она сегодня особенно хороша в пунцовом праздничном наряде. Ее темные глаза блестят, из-под серебряного обруча на голове выбиваются непокорные, как смоль черные кудри. Юния — молодая плебейка его лет, жена вольноотпущенника, в настоящем богатого торговца. Муж больше в разъездах, а она без памяти влюблена в красивого гладиатора. Любит ли и он ее? В 22 года можно любить каждую хорошенькую женщину. Во всяком случае, до недавнего времени Руфим охотно проводил время в обществе Юнии. Она жизнерадостна, весела, и под ее болтовню и звонкий смех, с кубком старого вина в руке, Руфим забывал о своей жалкой участи, о том, что он только раб, который по чужому приказанию каждую минуту должен быть готов встретить смерть лицом к лицу. Но за последнее время с ним произошла какая-то перемена. Он стал задумчив, и молодой женщине все труднее развеселить его. Что же — или, вернее, — кто причиной этому? Ходят слухи, что в него влюблена знатная матрона, жена знаменитого полководца Кая Севериуса. Вот и сейчас, проходя мимо ложи

соседней с императорской, Руфим дерзко, почти с вызовом, бросает туда цветок из полученного букета. Юния закусывает губы и бледнеет; ревность терзает её сердце. Там, в золотистом пеплуме, в алмазной диадеме на выкрашенных в модный рыжеватый цвет волосах, сидит красавица Сабина. Ее огромные глаза сверкают как драгоценные черные бриллианты на матово-бледном лице, которое не покидает надменное выражение. Она не трудится скрывать от света свою страсть к гладиатору. Ей нечего бояться. Она приятельница самой всемогущей Поппеи, унаследовавшей на императорском троне зверски убитую Октавию. Вот и сейчас через барьер ложи они обмениваются словами и улыбками.

За гордой матроной стоит с опахалом из страусовых перьев в руке, в голубом хитоне с серебряной каймой ее любимая рабыня Мирра. По знаку своей госпожи она поднимает брошеный Руфимом цветок и кладет его перед ней. На одно короткое мгновение ее пальцы нежно сжимают стебелек, а почти детское лицо покрывается краской. Она знает, что эта пышная гвоздика предназначается ей, так же, как ей одной принадлежит сердце Руфима... Ее голубые лучистые глаза блестят как звезды; пепельные кудри рассыпались по плечам. Какой тревогой за возлюбленного полно ее бедное сердце! И эта тревога еще усиливается при мысли, что она должна скрывать ее, чтобы о ее любви не догадалась ее госпожа и — соперница. Между тем гладиаторы покидают арену. Сейчас начнется «потешный» бой.

Гладиаторские сражения начинались обыкновенно зрелищем, которое современники находили крайне забавным, тогда как в нас оно способно возбуждать только ужас и отвращение. Это бой в особых масках, напоминающих шлемы с опущенным забралом, но без отверстий для глаз. Таким образом гладиаторы-андобаты сражались вслепую, и их неловкие движения возбуждали у зрителей смех или возгласы восторга и насмешки. Если кто-либо из сражающихся отходил в сторону, то рабы — цирковые прислужники, с помощью бичей и раскаленного железа гнали его снова на место боя. Здесь иногда сражалось по сотне людей, хотя никто из знаменитых гладиаторов участья в этом сражении не принимал. Зре-

лище это считалось потешным, вроде выступления клоунов в современных цирках. Иногда случалось, что все до одного андобаты погибали на обагренном кровью песке арены, и тогда представление считалось особенно удачным. Затем арену быстро очищали от трупов, посыпали свежим песком и зрелище продолжалось. Зрители в это время ели сласти и пили прохладительные напитки, а затем начиналась главная часть представления, в которой нередко участвовали целые отряды гладиаторов с настоящей военной выправкой. Большинство их тоже погибало, а тяжело раненых добивали рабы, служащие при цирке, в обязанность которых это входило. Иногда случалось, что новички, испуганные шумом и видом крови, обращались в бегство, но надсмотрщики ударами бича возвращали их в центр сражения. Только лучшие гладиаторы, пользующиеся найбольшей популярностью, сражались один на один и это считалось самой интересной частью представления.

Руфим стоит в узком корридоре перед дверью, ведущей на арену, в ожидании своей очереди. Рука его машинально мнет пышные гвоздики. И вдруг ему приходит в голову мысль, что их цвет — цвет крови. Ну, что же — кровь должна пролиться, но только — чья? Его охватывает такая жажда жизни, что он весь вздрагивает. Только теперь он отдает себе вполне отчет в грозящей ему опасности. Никогда еще он не испытывал ничего подобного... И как бы в ответ на его мысли из цирка доносятся крики: "sine missione!" Это кричит толпа, требуя борьбы на смерть. И почти тотчас вслед за этим слышится душераздирающий крик побежденного: "Missus! Missus!" («Пощады!») Руфим снова вздрагивает: он знает, что пощады не будет... Что это с ним? Всему виною эти красные цветы! И он с досадой бросает их на землю. Потом мысли его переносятся к Мирре. Он вспоминает как увидел ее впервые, когда поздно вечером она вела его в покои своей госпожи. Она сразу же произвела на него сильное впечатление. И слушая страстные речи Сабины, он думал об ее молоденькой рабыне... Он любит ее, в этом нет сомнения; но что может выйти из этой любви? Они даже помолвлены тайно. Мирра — последовательница новой религии, которая теперь объявлена вне закона.

Сотни людей уже погибли во имя этой веры, вот тут, в амфитеатре; быть может та же участь ожидает и Мирру, если о ней узнают? И сейчас Мамертинские тюрьмы наполнены христианами. Он и сам немного знаком с их верой. Ему известно что знак рыбы — эмблема христианства, т.к. по-гречески буквы слова «рыба» — обозначают: «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». Сама Клавдия Актэ — вольноотпущенница и наложница императора Нерона — тайная христианка. Быть может Нерон даже знает об этом, но закрывает глаза. Как ни странно, этот свирепый тиран до сих пор сохранил дружеские чувства к предмету своей первой страсти. Клавдии даже удалось спасти большое количество своих единоверцев. Мирра лично знакома с Клавдией. Но к чему эти мысли, да еще перед сражением? Они ослабляют дух и делают неверной руку. А он должен быть на высоте сегодня, чтобы заслужить еще большую милость императора. Тогда, быть может, он добьется свободы. Теперь он раб, но если после новой победы он упадет к ногам кесаря, который, как будто, благоволит к нему, кто знает? И его мысленному взору уже представляется желанная свобода, маленький домик, окруженный виноградниками, где-нибудь в провинции, вдали от Рима, и тихая, счастливая жизнь с Миррой, для которой он тоже надеялся выхлопотать свободу... Но час настал. И с высоко поднятой головой Руфим вышел на посыпанную свежим песком арену, которая вскоре должна обагриться кровью одного из противников...

Крики и рукоплескания приветствовали появление знаменитостей. Заключались пари на сотни и тысячи сестерций. Руфим был секутор — боец с мечом и щитом. Против него выступал лаквеатор или ретиариус, оружие которого составлял трезубец на подобие того, который изображается обыкновенно как атрибут Нептуна, бога морей, напоминающий вилы и сеть вроде рыбачьей. Это был гигант-нубиец, полуобнаженный и напоминавший колоссальную бронзовую статую.

Сегодня был его дебют в Circus Maximus* и общее любопытство было возбуждено до крайности. Контраст ме-

*) Колизей был построен позже — при имп. Веспассиане.

жду обоими противниками — белокурым, голубоглазым галлом и шеколадного цвета нубийцем — был разительный, но оба они в одинаковой мере вызывали восхищение.

Нубиец, скаля белые зубы, напевал популярную песенку гладиаторов: «Должна мне рыбка попасться в сети». Бой начался. Зрители, затаив дыхание, следили за его перипетиями. Дневной зной уже спал и полотняный навес был снят. Руфим, в своем блестящем шлеме с цветными перьями, озаренный косыми лучами заходящего солнца, казался не простым смертным, а лучезарным жителем Олимпа, сошедшим на землю. Но это был лишь раб, осужденный убить другого себе подобного, или сам умереть.

Казалось, что нубиец начал одолевать. Несмотря на свою массивность и неподвижность, благодаря которой некоторые сравнивали его с гранитной скалой, он с необыкновенной ловкостью уклонялся от ударов противника, направляя на него свой острый трезубец. Руфим стал отступать.

— Что, бежишь, петушок?» — воскликнул нубиец со смехом. Но галл не бежал. Он только как молния бросался из стороны в сторону, чтобы избежать сети противника, со свистом кружившейся в воздухе, и его ужасного трезубца, которым он мог зацепить за доспехи Руфима и сбить его с ног.

Но затем картина быстро переменилась и тут уж никто не сомневался в победе молодого галла. Он нанес своему противнику удар в плечо с такою силою, что тот упал на колено и левая рука его повисла безжизненно как плеть. Раздавшийся гром аплодисментов отвлек внимание Руфима. Вместо того, чтобы сразу же броситься к поверженному врагу, он с торжествующей улыбкой взглянул на ложу Сабины. Это продолжалось одно мгновение, но кубиец использовал его... Внезапно Руфим почувствовал, что лежит на земле. Он хотел вскочить, но как муха паутиной, был опутан сетями. Чем больше он бился, стараясь освободиться, тем больше запутывался в них. Холодный пот выступил у него на лбу. Концем трезубца нубиец со злорадным смехом расстегнул застежку шлема и он упал. Белокурые кудри разсыпались по песку арены. Руфим понял, что погиб. Но он надеялся на императора.

Гробовое молчанье воцарилось в амфитеатре. Никто не ожидал такой развязки. Потом послышались отдельные крики. Тяжелые вилы все больше придавливали несчастного юношу к земле, — ему уже нехватало дыхания. Его противник устремил вопросительный взор на ложу кесаря, который сквозь свой полированный изумруд с досадой следил за происходившей сценой. Нерон побагровел от гнева. Все считали Руфима его любимцем. На пальце молодого гладиатора и сейчас блестел подаренный императором драгоценный перстень. Но тем сильнее была ярость тирана. Уверенный в его победе, Нерон заключил пари в его пользу на огромную сумму. А он, как и все тираны, был жаден и не любил проигрывать. Поэтому несчастный должен быть наказан за свою оплошность, а наказание может быть одно — смерть. И когда Нерон опустил большой палец в знак смертного приговора побежденному, на обрюзгшем лице его нельзя было прочесть ничего, кроме обычной кровожадности. Весталки, хотя и несколько удивленные, поспешили последовать примеру императора. Напрасно императрица, побледнев, шептала мужу, что это безумие — жертвовать лучшим гладиатором из-за незначительной оплошности. Нерон был неумолим и прекрасная Поппея оказалась бессильна. Толпа заволновалась и зашумела. Часть зрителей, вслед за императором, опустила палец, требуя смерти, но большинство, особенно женщины, как плебейки, так и патрицаианки, высоко поднимали руку с вытянутым пальцем. Рыжеволосая Сабина, забыв свою обычную гордость, горько рыдала, протянув руки к своей приятельнице-императрице, лицо которой было покрыто теперь яркой краской. Она вся дрожала от досады на Нерона, которого в душе ненавидела так же, как и большинство его окружающих.

Нубиец, прижав коленом грудь врага и отбросив трезубец, схватил кинжал и приставил его к горлу Руфима. Кровь хлынула алой струей и окрасила песок...

Последний луч солнца багряным заревом озарил неподвижное тело, еще несколько минут назад полное жизни и сил...

Когда Сабину в глубоком обмороке выносили из ложи, слуги обратили внимание на распростертое на полу тело

маленькой девушки, в которой они узнали любимую рабыню своей госпожи. На груди, в складках обогренной кровью туники, виднелась рукоятка кинжала. Мирра не захотела пережить ни на минуту своего возлюбленного. Моля Бога простить ей грех самоубийства, она умерла с надеждой встретиться с Руфимом на небесах. Хотя он и не был христианином, но тоже погиб смертью мученика.

Толпа с шумом расходилась. Никто не ожидал такого конца. Circus Maximus быстро опустел; только на передней скамье окружавшие ее подруги старались утешить истерично рыдавшую Юнию.

Забыв всякую осторожность несчастная громко проклинала Нерона. Ее отчаяние было безгранично. И жизнь, которая еще так недавно улыбалась ей, теперь казалась жестокой и бессмысленной...

Нерон уже уехал в Палатинский дворец под охраной своей преторианской гвардии. Императора сопровождал неразлучный Тигеллин, игравший при нем приблизительно такую же роль, как впоследствии в России Малюта Скуратов при Иоанне Грозном. Да и опричники сильно напоминали преторианцев.

Толпа, возмущенная гибелью своего любимца, волновалась и провожала владыку полумира не особенно лестными эпитетами, даже несмотря на щедрость, проявленную им во время сегодняшних игр. Взгласы «матереубийца» и «женоубийца» раздавались все громче, но Нерон предпочитал делать вид, что ничего не слышит. Он уже повидимому привык к такому проявлению «любви» к себе со стороны своих подданных. И хотя он и был малодушен, но старался скрыть это под маской олимпийского спокойствия и величавости, как и подобает земному богу, каким он себя считал.

Незаметно подкрались сумерки. В священных гротах листья тихо шелестели на деревьях как будто шепчась о чем то. Или это перешептывались живущие в них дриады? Спускавшееся к холмам солнце казалось огромным кроваво огненным шаром. И вся природа была как и всегда величественна и прекрасна, равнодушная к людскому горю и страданиям...

Конец.

Нью-Йорк — 1954 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена $2.00